VISIT…

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПИПИЯ, Георгий Владимирович

ГЕРМАНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ В ЗАКАВКАЗЬЕ В 1910-1918 ГГ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

ББК 63.3(247)

Книга освещает период экспансии германского империализма в Закавказье в годы первой мировой войны. На обширном фактическом материале автор показывает героическую борьбу народов Закавказья против германских захватчиков, за свободу и независимость, за победу советской власти.

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Глава I. Место Закавказья в империалистической политике кайзеровской Германии

1. У истоков восточной политики Германии
2. Экономическое и политико-стратегическое значение Закавказья
3. Положение Закавказья в составе Российской империи
4. Проникновение немецкого капитала в экономику Закавказья
5. Разведывательно-подрывная деятельность германского империализма в Закавказье
6. Отношение кайзеровской Германии к армянскому вопросу

Глава II. Борьба за Закавказье в годы первой мировой войны

1. Заключение германо-турецкого военного союза. Открытие Кавказского фронта
2. Начало военных действий на Кавказском фронте. Провал германо-турецкого плана вторжения в Закавказье
3. Провал германо-турецких планов организации антирусских выступлений в Закавказье
4. Германский империализм и геноцид армян в Османской империи
5. Поражение турецких войск на Кавказском фронте

Глава III. Германо-турецкая интервенция в Закавказье. Занятие Грузии германскими войсками

1. Военно-политическая обстановка в Закавказье к концу 1917 г.
2. Агрессия кайзеровской Германии против Советской Республики. Подготовка к захвату Закавказья
3. Вторжение турок в Закавказье. Распад Закавказской республик
4. Оккупация Грузии немецкими войсками

Глава IV. Господство германских империалистов в Грузии

1. Заключение с Грузией новых кабальных договоров
2. Установление колониального гнета
3. Подготовка к захвату Азербайджана
4. Германо-турецкое соперничество в Закавказье в 1918 г.

Глава V. Провал империалистической политики кайзеровской Германии в Закавказье

1. Революционно-освободительная борьба в Закавказье в период германо-турецкой оккупации
2. Советская Республика в борьбе против германо-турецкой интервенции в Закавказье
3. Ухудшение положения Германии. Уход немецких войск из Грузии

Заключение

Примечания

Библиография

Указатель имен

Указатель географических названий

Резюме

ВВЕДЕНИЕ

Выдвинутая XXV съездом КПСС программа борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов с предельной ясностью указывает пути последовательного решения важнейших международных проблем в современных условиях. Являясь органическим продолжением и развитием Программы мира, принятой XXIV съездом, она всецело опирается на результаты, достигнутые в ходе претворения в жизнь ленинской политики мирного сосуществования государств с различным социальным строем, на коренные сдвиги, происшедшие в международных отношениях в последние годы.

К числу событий, способствовавших позитивным сдвигам в международных отношениях, по праву относятся: подписание договоров между СССР и ФРГ, ПНР и ФРГ, четырехстороннего соглашения о Западном Берлине, Договора об основах отношений между ГДР и ФРГ.

Прошло совсем немного времени с начала процесса нормализации советско-западногерманских отношений, но уже с уверенностью можно сказать, что процесс этот явился поворотным пунктом на пути завершения послевоенного развития Европы и перехода к новому историческому этапу, основу которого составляют сосуществование и взаимовыгодное сотрудничество государств с различным социальным строем.

В своей внешней политике Советский Союз всегда исходил из того, что непременными условиями послевоенного мирного урегулирования в Европе являются неприкосновенность установленных после разгрома германского фашизма границ и обеспечение условий такого развития Германии, которое исключало бы возможность повторения агрессии с немецкой земли. Но правящие круги ФРГ, выражавшие интересы реакционных сил, придерживались в этих вопросах диаметрально противоположных взглядов. Их политика служила постоянным источником напряженности в центре Европы и недоверия между государствами.

С приходом к власти в ФРГ руководителей, проявивших реализм в оценке обстановки в Европе и мире, положение существенно изменилось. Произошли позитивные перемены во внешней политике западногерманского государства, наступил

[стр. 4]

перелом в его отношениях с СССР и другими социалистическими странами.

Однако было бы ошибочно думать, что процесс подготовки и осуществления этих перемен во внешней политике протекал в Федеративной Республике Германии гладко. Наоборот, он был сопряжен с большими трудностями. Сторонники политики реализма и добрососедских отношений встретили упорное сопротивление реакционных кругов, стремившихся сорвать или по крайней мере затянуть и отсрочить шаги, направленные на разрядку напряженности. Выражая интересы вновь возрождающегося германского империализма, эти круги долгое время разжигали военный психоз. Неонацистские силы добивались ревизии итогов второй мировой войны и установления гегемонии западногерманского государства на Европейском континенте.

Обанкротившиеся политики времен «холодной войны», цепляющиеся за реакционные реваншистские доктрины, и ныне пытаются всячески препятствовать дальнейшему развитию нормальных отношений ФРГ с социалистическими странами.

Не решаясь открыто выступать против разрядки напряженности, силы реакции в новых условиях предпочитают действовать обходными путями. Идеологи реваншизма занимаются выискиванием вопросов и тем, вокруг которых можно было бы развернуть пропагандистскую шумиху, враждебную позитивным процессам, распространяют всякого рода домыслы относительно конечных целей политики мирного сосуществования, тенденциозно освещают совместные акции стран социалистического содружества на международной арене. Особые усилия ими прилагаются для извращения внешней политики Советского Союза[1].

Спекулируя на трудностях решения ряда сложных проблем европейской безопасности, противники международного сотрудничества в ФРГ стремятся пробудить в умонастроениях западногерманской общественности старые предрассудки и опасные иллюзии периода конфронтации.

Для идеологического обоснования и оправдания своих реваншистских взглядов неонацисты нередко прибегают также и к фальсификации истории, сокрытию истины об уроках прошлой политики и практики германского империализма. Поэтому проблемы новой и новейшей истории Германии не теряют в наши дни не только научной, но и политической актуальности.

В современных условиях острой идеологической борьбы между двумя социальными системами идеологические ухищрения империалистической пропаганды, осуществляемые чаще всего с помощью реакционных буржуазных историков, не могут быть оставлены марксистской исторической наукой без внимания. В этой связи совершенно очевидно, что задача изучения проблем, связанных с историей германского империализма и милитаризма, является интернационалистским долгом ученых-марксистов.

Работая над созданием своих классических произведений по

[стр. 5]

империализму, В. И. Ленин исследовал большой объем материалов по экономической, социальной, политической и дипломатической истории главных капиталистических стран, и прежде всего Германии[2]. Содержание и направленность ленинского анализа конкретных материалов свидетельствуют о важном значении, которое он придавал изучению внешней политики Германии[3]. В. И. Ленин был первым, кто сформулировал характерные черты внешней политики германского империализма и вместе с тем вскрыл внутреннюю природу ее движущих сил.

Последующие исторические события подтвердили жизненную силу и действенность ленинских выводов относительно особенностей германского империализма, агрессивная политика которого наложила свой отпечаток на развитие международных отношений в конце XIX и первой половине XX в.

Экспансия германского империализма в эпоху острейшей борьбы за рынки сбыта, источники сырья и сферы приложения капитала, за передел уже поделенного мира явилась своего рода катализатором международных кризисов и конфликтных ситуаций, не раз приводивших к кровопролитным войнам. Понятен поэтому тот неослабеваемый интерес, который проявляется прогрессивной историографией к изучению внешней политики и дипломатии германского империализма на разных этапах истории. «Исследование этой темы,— писал один из крупных знатоков новой и новейшей истории Германии, А. С. Ерусалимский,— задача, имеющая много аспектов и обширное конкретно-историческое содержание. Эта проблематика, с одной стороны,— продолжал он,— побуждает исследователя встать на путь поисков нового, расширенного круга источников, а с другой — изучение новых источников различного происхождения заставляет его ставить и решать такие проблемы, которые выходят за рамки традиционных представлений об одном из наиболее важных этапов истории германского империализма и милитаризма» [4].

В справедливости этих слов видного представителя советской исторической школы лишний раз убеждает рассмотрение конкретно-исторического содержания и такой проблемы, как политика германского империализма в отношении Закавказья.

Советская историческая наука неоднократно обращалась к данной проблеме. Однако в одних работах эта тема оказывалась составной частью исследований, посвященных иностранной интервенции, гражданской войне и борьбе народов за установление Советской власти, а в других — ее освещение ограничено небольшими хронологическими и географическими рамками.

В предлагаемой работе предпринимается попытка исследовать политику германского империализма в отношении Закавказья накануне и в период первой мировой войны как

самостоятельную тему.

В буржуазной исторической литературе при освещении дан-

[стр. 6]

ной проблемы на первый план выдвигается аспект военного противоборства двух группировок империалистических держав, искусно затушевываются подлинные побудительные мотивы германской политики в Закавказье, и прежде всего ее непосредственная связь с интересами монополистического капитала. Западногерманские буржуазные историки, выражающие взгляды реакционных империалистических кругов, стремятся, в частности, представить экспансионизм германских империалистов в Закавказье накануне первой мировой войны как некую благородную миссию, в корне отличающуюся от политики и практики других колониальных держав на Ближнем Востоке. Некоторые из числа подобных авторов вообще обходят молчанием историю колониальных захватов германского империализма, пытаясь таким образом отмежеваться от политики колониального грабежа, осуществлявшегося империалистическими державами. Те же, кто вынужден так или иначе обращаться к вопросам политики кайзеровской Германии на Востоке, силятся приписать ей роль важного фактора развития производительных сил в экономически отсталых странах[5].

Исследуя указанную проблему, автор на основе различных, в том числе ранее не публиковавшихся и неизвестных материалов попытался вскрыть связь, существовавшую между устремлениями германского империализма в Закавказье и общей политикой кайзеровской Германии на Ближнем Востоке, проанализировать цели и пути экономического и политического проникновения в этот район.

В работе показана также антинародная сущность внешней политики буржуазно-националистических правительств закавказских республик, способствовавших осуществлению германо-турецкой интервенции, освещены обстоятельства, приведшие к некоторой задержке установления Советской власти в Закавказье по сравнению с другими районами нашей страны. Автор счел необходимым сосредоточиться на этих вопросах в связи с тем, что идеологические центры империализма, стремясь опорочить национальную политику Советского государства, в своей пропаганде часто используют лживый тезис об отсутствии в Закавказье, как и в ряде других районов нашей страны, социально-экономических условий для победы социалистической революции. Это антисоветское измышление в свое время было пущено в ход изгнанными из страны националистами и другими контрреволюционерами, затем подхвачено буржуазными фальсификаторами истории, а в наше время охотно используется зарубежными идеологами антикоммунизма. Оно не имеет ничего общего с действительностью и полностью опровергается историческими фактами.

За последние десятилетия в архивах Советского Союза и других стран мира обнаружено немало источников, позволяющих существенно углубить современные представления о событиях,

[стр. 7]

происходивших в Закавказье накануне и в период первой мировой войны, поднять их изучение на новый научный уровень.

В числе использованных источников особый интерес представляют документы и материалы из архивов ГДР, впервые введенные автором в научный оборот. К ним, в частности, относятся:

1. Переписка генерального штаба, верховного командования и министерства иностранных дел кайзеровской Германии, относящаяся к республикам Закавказья (обзоры, доклады, разведывательные сообщения и другие материалы).

2. Документы канцелярии главы германской миссии в Грузии (или, как немцы ее называли, германской делегации на Кавказе), содержащие переписку с отдельными правительственными учреждениями, лично с рейхсканцлером, а также с руководством различных монополистических объединений и фирм Германии.

3. Переписка органов государственного регулирования экономики Германии (имперское ведомство экономики, ведомство ассигнований импорта и экспорта, военно-продовольственное ведомство, отдел военного сырья и т. п.).

4. Протоколы переговоров и подлинники договоров, заключенных представителями кайзеровской Германии с меньшевистским правительством Грузии.

5. Докладные записки, донесения, разведывательные обзоры, дневники, заметки и деловые записи германских военнослужащих, представителей государственных учреждений и отдельных промышленно-торговых фирм в Закавказье.

Все эти документы составляют несколько тысяч страниц. Они сгруппированы по следующим четырем разделам: I — документы, относящиеся к Северному Кавказу и Причерноморью; II — документы, касающиеся Армении; III — документы по Азербайджану и IV — документы по Грузии.

Документы относительно политики кайзеровской Германии в Закавказье имеются также в областных архивах в Мекленбурге, Дрездене, Веймаре, Магдебурге и Готе. Это доклады, служебные записки и дневники послов соответствующих королевств и герцогств, аккредитованных при императорском дворе в Берлине[6].

Научная ценность немецких архивных материалов заключается в том, что они помимо воли их авторов объективно разоблачают захватнические планы германских империалистов, со всей очевидностью вскрывают связь империалистической политики правящих кругов кайзеровской Германии в отношении Закавказья с интересами отдельных групп финансовой олигархии и промышленных монополий, шире, чем это ранее было известно, раскрывают картину соперничества интервентов за преобладание на Кавказе. Представляя весьма интересную информацию

[стр. 8]

о военно-политическом и экономическом положении республик Закавказья, эти документы одновременно служат новыми доказательствами беспочвенности утверждений ряда буржуазных историков и публицистов, стремящихся в своих работах оправдать интервенцию империалистов в Закавказье в 1918—1921 гг. и вместе с тем бросить тень на героическую борьбу трудящихся Закавказья за победу Советской власти[7].

Из советских архивных материалов по данной теме заслуживают внимания документы, хранящиеся в ЦГАОР Грузинской ССР, ЦГАОР Азербайджанской ССР, ЦГАОР Армянской ССР, ЦГАОР СССР, партархивах филиалов ИМЛ в Грузии, Азербайджане и Армении, ЦГА Грузинской ССР, ЦПА ИМЛ, ЦГВИА и в некоторых других. Многие из этих архивных материалов вошли в изданные в разное время сборники документов[8]. Источниками, заслуживающими внимания при исследовании по данной теме, служат также и некоторые работы мемуарного характера [9].

Путеводной нитью в изучении любых вопросов, связанных с политикой германского империализма, в том числе и его отношения к Закавказью, являются произведения классиков марксизма-ленинизма [10].

В ленинских трудах содержатся принципиальные для рассматриваемой проблемы положения о развитии капиталистических отношений в Закавказье, втягивании края в мировое товарное обращение, колониальной политике царизма и т. д.[11].

В. И. Ленин был тесно связан с революционно-освободительным движением народов Закавказья, непосредственно направлял борьбу большевистских организаций края, лично знал их руководителей, располагал обширной информацией о положении дел на местах [12]. Поэтому, естественно, статьи, речи, выступления В. И. Ленина, касающиеся узловых вопросов победы социалистической революции в Закавказье, насыщены большим количеством фактического материала, и, кроме того, они служат основой при анализе обстановки в Закавказье до и после

вступления германских интервентов [13].

Серьезным подспорьем в деле марксистско-ленинской оценки процессов, происходивших в Закавказье накануне и в период первой мировой войны, правильного понимания расстановки политических сил, а также учета всех аспектов политической ситуации, сложившейся в Закавказье в рассматриваемый период, являются труды видных деятелей Коммунистической партии П. А. Джапаридзе, С. М. Кирова, Ф. Махарадзе, С. Г. Шаумяна, Г. К. Орджоникидзе, Н. Нариманова, И. В. Сталина, М. Цхакая и др. [14].

В решении поставленной задачи автор опирался на богатейший опыт советских историков, их глубокие исследования, посвященные политике Германии на Ближнем Востоке [15], а также проблемам истории Закавказья [16], в которых дан всесторонний

[стр. 9]

анализ развития Германии и германского империализма, международных отношений в новое и новейшее время[17]. В этой связи особо следует отметить работы советских ученых А. Б. Кадишева [18], А. Н. Сургуладзе[19], Е. Н. Корнштейна[20], Е. А. Токаржевского[21], Ш. К. Чхетия[22], Д. Е. Енукидзе[23], в которых специально освещаются вопросы, связанные с политикой Германии в Закавказье. В них ярко показаны действия германских империалистов в период их кратковременного хозяйничанья в Закавказье, разоблачена предательская роль буржуазно-националистических партий, превратившихся в агентуру империалистов.

Важное место в реализации своих захватнических планов в Закавказье германские империалисты отводили Турции. Поэтому, естественно, нельзя раскрыть все стороны исследуемой проблемы без анализа политических целей и устремлений турок в отношении всего Кавказа. Отсюда, очевидно, и то значение, которое имеет для данной темы работа армянского ученого Е. К. Саркисяна[24]. В ней подробно освещаются положение Османской империи накануне первой мировой войны, подрывная деятельность турецкой агентуры на Кавказе и военно-политические акции турок, предпринятые с целью захвата территории Кавказа в годы войны.

Серьезную помощь в исследовании проблем, связанных с политикой Германии и других империалистических государств в отношении Закавказья, оказывают работы другого армянского ученого — Г. А. Галояна[25], содержащие основательную и глубоко аргументированную критику буржуазных исторических концепций, реабилитирующих захватническую политику империалистических государств в Закавказье.

Существенным подспорьем в изучении колониальной политики Германии и вообще истории германского империализма являются исследования историков ГДР[26].

Из числа работ прогрессивных историков Федеративной Республики Германии следует выделить новую книгу Ф. Фишера «Война иллюзий» [27].

Если в предыдущих трудах этого автора по истории германского империализма, особенно в книге «Рывок к мировому господству»[28], основное внимание уделено раскрытию тезиса об ответственности кайзеровской Германии за возникновение первой мировой войны, то в новой работе речь идет преимущественно о том, как складывалась экономическая и военно-политическая программа германского империализма и какие намечались пути для реализации этой программы.

Весьма интересные и оригинальные мысли высказывает Ф. Фишер относительно возникновения и развития англо-германских и русско-германских противоречий до первой мировой войны. Значительное место в работе отведено политике германского империализма на Ближнем Востоке, где кайзеровская

[стр. 10]

Германия добивалась установления своего безраздельного господства.

В этом разделе книги Ф. Фишера воссоздается правдивая картина той яростной борьбы, которая развернулась между колониальными державами вокруг строительства Багдадской железной дороги, приводятся интересные архивные и другие материалы, обнажающие захватнические устремления германского империализма, в том числе и в отношении Закавказья.

Выполнив данное исследование, автор надеется, что оно заинтересует советских читателей, которые внимательно следят за ходом острейшей идеологической полемики в современной исторической науке. А как известно, среди обстоятельств, подогревающих эту полемику, важное место занимают непрекращающиеся попытки представителей буржуазной историографии исказить отдельные периоды истории народов нашей страны, в том числе Закавказья[29].

Глава I

МЕСТО ЗАКАВКАЗЬЯ В ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ КАЙЗЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ

У истоков восточной политики Германии

В 1871 г. благодаря военным усилиям монархической Пруссии было завершено объединение Германии. Наступил конец политической раздробленности одной из крупнейших стран Европы. Это явилось событием широкого исторического масштаба, влияние которого на международные отношения эпохи сказалось незамедлительно[1].

С образованием Германской империи возникла новая ситуация, существенно изменившая расстановку сил не только на Европейском континенте, но и во всем мире. «Появился новый хищник, создалась в 1871 г. новая капиталистическая держава, развивающаяся неизмеримо более быстро, чем Англия. Это — основной факт»[2],— писал В. И. Ленин.

Проблема объединения Германии назревала давно. Ее решения требовали национальные интересы немецкого народа, весь ход экономического и политического развития страны. «Немецкая промышленность и торговля настолько развились, сеть немецких торговых фирм, охватившая мировой рынок, так расширилась и сделалась настолько густой,— писал Фридрих Энгельс,— что система мелких государств у себя дома и бесправие и беззащитность за границей не могли быть далее терпимы»[3].

В результате того, что объединение Германии произошло не революционным путем[4], а «сверху», под главенством милитаристского государства[5], последствия этого прогрессивного по идее исторического акта — воссоединения страны — обернулись несчастьем не только для немецкого народа, но и для многих других народов мира.

Аннексии чужих территорий[6] сочетались в политике Германской империи с диктатом и запугиванием соседних государств[7], с усилиями по сколачиванию военных блоков. Все это предпринималось ради достижения гегемонистских целей германского империализма в Европе[8].

Характерными признаками внешней политики империи стали различного рода политические комбинации, направленные на изоляцию «недавно побежденной» Франции[9], откровенно анти-

русская позиция в период русско-турецкой войны 1877— 1878 гг.[10], постоянные попытки провоцирования европейских кризисов[11]. В 1883—1885 гг.[12] начались колониальные захваты Германии, следствием которых оказался англо-германский антагонизм, сыгравший важную

роль в возникновении первой мировой войны.

Первопричиной германской экспансии — политической и военной — явились социально-экономические процессы, характерные для Германии в последней трети XIX в. Объединение Германии дало мощный толчок ее капиталистическому развитию. Ликвидация таможенных барьеров, свобода передвижения для населения, введение единой системы мер и весов, принятие единого торгового кодекса и другие подобные мероприятия, проведенные после объединения [13], обеспечили развитие общенационального внутреннего рынка, открыли широкие возможности для свободного развития промышленности и торговли. Начавшаяся вслед за этим капиталистическая индустриализация Германии сразу же взяла высокие темпы. Этому, в частности, способствовало получение 5 млн. фр. контрибуции после франко-прусской войны 1871 г., а также совпадение времени индустриализации с периодом крупнейших научно-технических открытий, приведших к коренным изменениям в технологии производства [14].

Как и в других передовых капиталистических государствах, индустриализация Германии сопровождалась появлением крупных промышленных предприятий[15], развитие которых в условиях капиталистических отношений вызвало к жизни концентрацию производства и связанные с ней концентрацию и централизацию капитала. Интенсивность процесса образования последних привела к быстрому возникновению монополистических объединений, которые на рубеже XIX и XX вв. превращаются в одну из основ всей хозяйственной жизни страны.

Капитализм эпохи свободной конкуренции в Германии сменился монополистическим капитализмом — империализмом[16]. С этого времени стержнем внешней политики Германской империи становится захват новых территорий, распространение своего влияния на другие страны. «Погоня за колониями в конце XIX века, особенно с 1880-х годов, со стороны всех капиталистических государств,— писал В. И. Ленин,— представляет из себя общеизвестный факт истории дипломатии и внешней политики» [17]. В первых рядах участников этой «погони» оказывается кайзеровская Германия. На смену прежним гегемонистским устремлениям в Европе приходят великодержавные притязания на участие в «мировой политике».

Реальную основу этих притязаний составляли не воля канцлера, рейхсканцлера или членов его кабинета и не особенности «психологического склада» немецкой нации, а интересы монополистического капитала, для которого границы империи теперь

[стр. 13]

уже становились тесными. Однако в условиях, когда мир оказался поделенным между другими империалистическими хищниками, новые территориальные приобретения могли быть осуществлены только насильственным путем, и монополистический капитал Германии, тесно связанный с прусско-юнкерским милитаризмом и опирающийся на «бюрократически сколоченный, политически охраняемый военный деспотизм»[18], безоговорочно выбирает этот путь. Он выступает наиболее решительным сторонником и инициатором насильственного передела мира.

В силу ряда особенностей, обусловивших крайнюю реакционность и агрессивность германского империализма, выдвинутая им программа экономической и политической экспансии, по сути дела, оказалась направленной на завоевание мирового господства.

Экспансионистская программа германского империализма предусматривала не только захват азиатских, африканских и южноамериканских владений Англии, Франции и некоторых других колониальных держав, но и расширение границ Германской империи в самой Европе за счет присоединения территорий Австрии и целого ряда областей, принадлежавших Голландии, Дании, Швейцарии, Франции и другим государствам. По расчетам идеологов германской экспансии, успех этой политики должен был привести к образованию «Великогермании», к созданию всегерманской «Срединной Европы» — своего рода сверхдержавы, которая диктовала бы свою волю всем остальным государствам мира [19].

Отторгнув от Франции Эльзас и часть Лотарингии (Франкфуртский мирный договор от 10 мая

1871 г.), германский милитаризм сформулировал печально известную доктрину «Натиска на Восток» («Дранг нах Остен») [20], над выработкой и пропагандой которой немало потрудились пангерманцы — эти самые воинствующие выразители идеологии агрессивного германского империализма.

На Востоке германский экспансионизм вынашивал планы расчленения Российской империи, установления своего господства над обширными районами Прибалтики, Украины и Кавказа.

В захватнических устремлениях германского империализма особое место отводилось Ближнему Востоку, где перекрещивались политические и стратегические интересы основных империалистических держав, соперничавших между собой.

По замыслу вдохновителей германской экспансии, установление в этом районе экономического и политического преобладания Германии должно было обеспечить империи выход к Персидскому заливу и создание прочных позиций на подступах к Индии.

В качестве опорного пункта, откуда можно было бы начать распространение своего влияния на весь Ближний Восток, гер-

[стр. 14]

манские империалисты избрали Оттоманскую империю. Выбор этот был обусловлен не только стратегическим расположением владений султана на стыке трех материков — Африки, Европы и Азии, но и другими немаловажными факторами.

Еще во времена свободной конкуренции, когда политико-стратегические интересы Германии как единого государства на Ближнем Востоке еще отсутствовали, товары немецкого производства успешно прокладывали себе дорогу в самые отдаленные уголки обширной Оттоманской империи. Немецкие путешественники, исследователи, врачи и инженеры были желанными гостями при многих дворах местных правителей и в домах” феодальной знати Турции[21].

Уже в этот период стал складываться ряд связей, которым в последующем, в эпоху становления и развития господства монополистического капитала, суждено было обрести существенное значение в немецко-турецких отношениях.

Победа Пруссии над Австрией (1866) и Францией (1871), объединение Германии и быстрый рост ее экономического и политического могущества производили огромное впечатление на всем Востоке, и прежде всего в Турции.

В глазах султана и его окружения для раздираемой центробежными силами национально-освободительного движения и феодального сепаратизма Оттоманской империи с ее отсталой экономикой и слабыми вооруженными силами пример Германии казался идеальным [22].

В представлении султана и его приближенных кайзер был образцом властелина, рейхсканцлер — образцом великого визиря, а опрусаченная армия Германии — примером организации вооруженных сил, призванных подавлять неверных внутри империи и устрашать врагов за ее пределами.

В Константинополе всегда высоко ценились и с большой охотой принимались услуги прусских военных советников и специалистов. Султанскому двору, встревоженному все чаще проявлявшейся слабой организацией собственной армии, явно импонировали вымуштрованные на прусский лад батальоны и полки.

Одним из первых и наиболее известных военных специалистов, приглашенных в Константинополь еще до образования Германской империи, был прусский генерал Мольтке[23], ставший впоследствии фельдмаршалом Пруссии и начальником генштаба Германии. Именно Мольтке с 1835 по 1839 г. являлся инструктором турецкой армии[24] и немало усилий приложил для ее модернизации с учетом изменений, происходивших в армиях европейских государств.

Мольтке активно содействовал разработке планов оборонительно-наступательных действий турецкой армии в Восточной Анатолии. Здесь, у самых границ Закавказья, под руководством

будущего немецкого фельдмаршала производились топографи-

[стр. 15]

ческие съемки. Мольтке были составлены первые крупномасштабные карты этого района, которыми пользовались в турецкой армии вплоть до первой мировой войны.

В этих условиях в стране, естественно, быстро усиливались прогерманские настроения. Правящие круги Оттоманской империи все больше тяготели к политике тесных и многоплановых взаимоотношений с кайзеровской Германией. Многие влиятельные лица из окружения султана рассматривали сближение с Германией как защитную меру от усиливающегося давления великих держав. Сторонники прогерманского курса утверждали, что подобный курс — необходимый элемент традиционной для Турции политики самосохранения путем искусного лавирования при столкновении интересов враждующих между собой противников.

Наряду с этим обстоятельством важным фактором зарождения и роста заинтересованности правящей верхушки султанской Турции в военно-политическом союзе с Германией оказалось существенное различие, имевшее место в ближневосточной политике германского империализма, с одной стороны, и его англо-французских соперников — с другой[25]. В то время как англичане и французы начиная с конца XIX в. делали откровенную ставку на расчленение Османской империи и захват ее владений, германские империалисты выступали с лозунгами о защите целостности и неприкосновенности территории Турции, ловко маскируя при этом свои намерения постепенно добиваться политического и экономического господства над всей султанской империей в целом.

В распространении прогерманских настроений на Востоке немалую роль сыграла и пропаганда пангерманцев. Целью пропаганды, развернутой пангерманцами в Турции, было доказать, что Германия является для Турции бескорыстно дружественным государством.

Важным этапом в этой пропагандистской кампании были речи кайзера Вильгельма, произнесенные им во время посещения Ближнего Востока[26].

Заявление кайзера о возвышенных чувствах ко всем мусульманам и своему новому другу — «королю всех королей и халифу всех халифов» султану Абдул Гамиду — расценивались некоторыми европейскими наблюдателями как красивый жест в адрес гостеприимного восточного монарха.

В действительности же «паломничество» кайзера «в святые места» и его напыщенные заявления преследовали куда более реальные цели. И это отлично понимали немецкие банкиры и промышленники.

Рост политического влияния Германии в то время открывал широкие перспективы перед немецким монополистическим капиталом для проникновения в Оттоманскую империю.

Представители немецких деловых кругов настойчиво доби-

[стр. 16]

ваются приобретения ключевых позиций в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве и финансах Турции еще с 80-х годов XIX в.[27]. Особенно упорно, как известно, добивались немецкие предприниматели права получения концессии на постройку Багдадской железной дороги, которая рассматривалась империалистами Германии как важнейшее средство укрепления влияния на Ближнем Востоке и осуществления своих планов дальнейшей экспансии[28].

В результате этой борьбы накануне первой мировой войны в руках Германии оказалось 67,5% всех капиталовложений в железнодорожное строительство в Оттоманской империи[29]. Значительно возросла доля участия немецкого капитала в горнодобывающей промышленности и в некоторых отраслях сельского хозяйства, в частности в производстве хлопка, расширился также немецко-турецкий торговый обмен [30].

Одновременно с экономическим проникновением, но с большей интенсивностью шло усиление политического влияния германского империализма в Оттоманской империи.

Посылка военных миссий во главе с фон дер Гольцем[31] (1883—1895) и Лиманом фон Сандерсом[32] (1913—1918), реорганизация турецкой армии и ее перевооружение, подготовка офицерского корпуса в военных академиях Пруссии и т. п. обеспечили Германии прочные позиции в вооруженных силах и при султанском дворе.

Чем больше усиливалось влияние кайзеровской Германии на Ближнем Востоке, тем откровеннее выступала она в поддержку внутренних и внешнеполитических акций султанского правительства Турции[33], в защиту территориальной целостности Оттоманской империи и за сохранение господства турецкого военно-феодального деспотизма над порабощенными народами [34].

Расчеты германских империалистов строились на том, что подобная политика, во-первых, давала возможность ослабления на Ближнем Востоке позиций конкурентов — старых империалистических держав, вынашивавших планы раздела Оттоманской империи; во-вторых, обширные территории, охраняемые от соперников штыками послушного сателлита, оказывались полем деятельности германского торгового и промышленного капитала, и, в-третьих, традиционная политика экспансионизма, проводимая турецким правительством, обеспечивала распространение германского влияния на новые районы.

К числу таких привлекающих Берлин районов относилось и Закавказье, извечный объект агрессивных устремлений захватчиков всех времен, в том числе и османов, которые со дня своего появления на Ближнем Востоке не давали покоя народам этого края.

Экономическое и политико-стратегическое значение Закавказья

В начале XX в. Закавказье оставалось аграрным районом, в жизни которого все еще ощущались пережитки патриархально-крепостнических отношений. Однако развитие капитализма шло здесь довольно быстрыми темпами. Русский капитализм, хотя и с некоторым опозданием, основательно сумел втянуть Закавказье в мировое товарное хозяйство[35]. Стремление русского и иностранного капитала увеличить свои прибыли за счет эксплуатации природных богатств Закавказья способствовало развитию путей сообщения[36], появлению фабрично-заводского производства в крае[37]. Рост добывающей промышленности сопровождался все расширяющимся строительством предприятий обрабатывающей промышленности (см. таблицу)[38].

КРУПНАЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
В ЗАКАВКАЗЬЕ ПО СОСТОЯНИЮ НА 1908 г.

Отрасль	Число предприятий	Число занятых в них рабочих	Стоимость выпускаемой продукции, тыс. руб.
Нефтяная промышленность	291	39 866	188 832
Добыча марганца	114	674	1 426
Добыча меди	66	3 867	4 600
Добыча каменного угля	4	386	300
Обработка металлов	121	11 355	14 281

Обработка хлопка	19	1 366	3 007
Обработка шелка	96	4 156	2 676
Переработка продуктов животноводства	14	708	2 147
Пищевая промышленность	98	2 925	19 427
Всего	946	69 167	244 795

Судя по этим же данным, сумма стоимости продукции, выпускавшейся крупной промышленностью Закавказья, составляла 5,2% стоимости продукции всей промышленности России, за исключением горнозаводского производства, а число рабочих, занятых в указанных отраслях, достигало 3% общего числа фабрично-заводских рабочих Российской империи[39]. При этом по отношению ко всей стране территория Закавказья составляла лишь 1%, а население — около 3% [40].

Если к этому добавить, что наряду с крупной капиталистической цензовой промышленностью существовали многочислен-

[стр. 18]

ные мелкие и средние предприятия, выпускавшие значительное по тем временам количество продукции, то становится очевидным, что в Закавказье по сравнению со многими окраинами и даже некоторыми внутренними районами Российской империи имелась относительно развитая промышленность.

Однако основным фактором, который определял экономическое значение Закавказья, являлась, бесспорно, добыча и переработка нефти.

Бакинский нефтяной район по запасам и добыче нефти являлся крупнейшим не только в Российской империи, но и во всем мире. В 1901 г. бакинские нефтяные промыслы дали 11,4 млн. т нефти, что составляло 90% общероссийской и 50% мировой добычи нефти[41]. После экономического кризиса 1903 г. добыча бакинской нефти значительно сократилась и к 1913 г. составила 7,6 млн. т[42], но это не поколебало мирового значения бакинского нефтяного района.

«Нефть — это взрывчатый материал. Где бы она ни была найдена, куда бы она ни направлялась, она не только приводит в движение механизмы промышленности и транспорта, но является также той искрой, от которой разгораются многие большие пожары»[43]. Так образно писал прогрессивный английский публицист Майкл Брукс. Это замечание можно отнести, конечно, и к бакинской нефти в те времена, о которых идет речь. За бакинскую нефть боролись российский и иностранный монополистический капитал[44]. Здесь соперничали между собой монополистические объединения «Ойл», «Шелл», «Товарищество бр. Нобель» и др.

Господствующее положение в добыче и переработке бакинской нефти занимал в рассматриваемый период иностранный капитал. Так, перед самым началом первой мировой войны 56% добычи бакинской нефти и 75% торговли нефтепродуктами находились в руках иностранцев. Им же принадлежало большинство крупных нефтеперерабатывающих заводов и значительная часть нефтеналивного флота [45]. Кроме Бакинского нефтепромышленного района важную роль в мировой экономике играли Чиатурские марганцевые рудники.

В 1913—1914 гг. 35—40% мировой добычи марганца приходилось на Закавказье[46]. До 1914 г. вся добываемая руда шла на экспорт. Основными ее потребителями были Англия, Франция, Германия и некоторые другие европейские государства. Вывозился чиатурский марганец и за океан. Например, в 1913 г. США импортировали из Закавказья 8,4 млн. пудов руды[47]. По качеству и содержанию чистого металла чиатурский марганец не имел себе равных, поэтому в США предпочитали ввозить его с берегов Черного моря, хотя рядом имелись канадские и бразильские рудники.

Как и в нефтяной промышленности Закавказья, ведущая роль в разработке марганцевых рудников принадлежала ино-

[стр. 19]

странному капиталу. Почти все крупные фирмы, экспортировавшие марганец, находились в руках иностранцев.

В Закавказье действовало также значительное число медных рудников и медеплавильных заводов. В начале XX в. они давали около 14% всей меди, добываемой в Российской империи[48]. Медные рудники Артвина, Алаверди, Кедабека, Дзандзула также принадлежали в основном иностранцам.

Весьма значительные энергетические ресурсы Закавказья дополнялись двумя угольными месторождениями — Ткибульским и Ткварчельским. В первом из них уже к 1901 г. добывалось до 4 млн. пудов угля[49], а второе было открыто лишь в 1898 г., и геологическая разведка его запасов оставалась незавершенной.

За исключением предприятий, занимавшихся переработкой добываемых на месте полезных ископаемых (нефтеперегонные, медеплавильные заводы), сколько-нибудь значительных предприятий обрабатывающей промышленности в Закавказье не существовало. Наиболее важные предприятия по обработке металла работали главным образом на нужды нефтяных промыслов и транспорта (изготовление запчастей и ремонт оборудования) .

В Закавказье имелись хлопкоочистительные, хлопчатобумажные, шелкомотальные, шелкопрядильные, кожевенные, шерстеобрабатывающие, керамические, стекольные, мебельные и другие предприятия легкой промышленности[50], однако объем их продукции составлял лишь незначительную долю общероссийского производства товаров потребления.

В пищевой промышленности относительно широко было развито производство винно-водочных и табачных изделий, значительная часть которых вывозилась за пределы края.

В 1912 г. было, например, произведено водки, коньяка и других спиртных напитков на 7,8 млн. руб., а табачными фабриками выпущено продукции на 1,4 млн. руб.[51].

В Закавказье существовали объективные возможности развития зернового хозяйства и животноводства в такой мере, чтобы не только удовлетворять внутренние потребности, но еще и вывозить продукцию. В этом плане Закавказье также представляло интерес для инвестиций капитала, не говоря уже о том, что местное сельское хозяйство давало многие другие виды продукции, которые имели товарный характер. Разнообразие почвенно-климатических условий позволяло выращивать такие технические культуры, как хлопок, чай, цитрусовые, тутовые, табак, виноград, эфиромасличные и т. д. Отмеченные условия выдвигали Закавказье в число важнейших сырьевых баз пищевой и легкой промышленности. Достаточно сказать, что перед самой войной годовой сбор хлопка-сырца в крае достигал почти 2 млн. пудов, листьев табака — 1 млн. пудов, а производство шелковых коконов — 400 тыс. пудов[52].

[стр. 20]

Транспортные средства края имели важное экономическое и стратегическое значение для Российской империи в целом. Закавказская железная дорога обеспечивала сообщение с центральными районами России, она соединяла порты двух морей — Черного и Каспийского — и доходила до самых границ с Турцией и Ираном. Между Баку и Батуми был проложен нефтепровод. Морские пути Каспия связывали Закавказье с Приволжьем, Средней Азией и Ираном. Черноморские порты Поти и Батуми имели регулярное сообщение с прибрежными городами России и Украины, а также со многими зарубежными портами.

Современных шоссейных дорог в начале XX в. в Закавказье еще не было, однако довольно густая сеть грунтовых дорог обеспечивала хозяйственные нужды Закавказского края того периода и, кроме того, могла быть использована в военное время.

Закавказье, являясь мостом, соединяющим Европу со Средним и Ближним Востоком, имело

важное стратегическое положение. На протяжении всего XIX в. оно играло существенную роль в достижении царской Россией ряда внешнеполитических целей. С наступлением XX в. его значение в международных отношениях еще больше возросло.

Как известно, Средний и Ближний Восток был одним из тех районов, где в начале века остро сталкивались интересы империалистов Англии, Франции, Германии и России. Из всех великих держав только Российская империя территориально непосредственно примыкала к этому району, и данное обстоятельство создавало для России огромные преимущества, с которыми не могли не считаться все остальные государства. Закавказье для царской России было тем плацдармом, благодаря которому она постоянно держала в напряжении северо-восточную границу Оттоманской империи и северо-западную границу шахского Ирана.

Еще в период Крымской войны (1853—1856), отмечая значение господства царской России в Закавказье, К. Маркс писал: «Если Карс является ключом к Эрзеруму, то Эрзерум является ключом к Константинополю и центром, где сходятся стратегические и торговые пути Анатолии. Как только Карс и Эрзерум попадут в руки России, сухопутная торговля Англии via (через.— Авт.) Трапезунд — Персия сразу же прекратится» [53].

К началу XX в., когда завершилось перерастание капитализма в его высшую стадию — империализм и встал вопрос о новом насильственном переделе мира, Англия и Франция, долго сопротивлявшиеся расширению влияния России на Ближнем и Среднем Востоке, теперь, опасаясь экспансии более сильного конкурента — Германии, вынуждены были признать интересы России в этом районе, что нашло свое отражение в тайных им-

[стр. 21]

периалистических договорах Антанты. Объективно оценивая политико-стратегическое значение Закавказья в новых условиях, царское правительство предпринимает шаги к укреплению здесь своих позиций[54]. Наряду с мерами чисто военно-мобилизационного порядка делаются попытки заручиться поддержкой определенных слоев местного населения в осуществлении внешнеполитических акций.

В результате войн России с Ираном (1804—1813, 1826— 1828) и Турцией (1804—1812, 1828—1829, 1877—1878) народы Закавказья были освобождены от ирано-турецкого владычества. Сыны народов Закавказья храбро сражались плечом к плечу с русскими солдатами против своих вековечных поработителей. В случае осложнения обстановки на южных границах империи царское правительство рассчитывало на патриотизм народов Закавказья.

Следует отметить, что это обстоятельство вызывало серьезное беспокойство в лагере противников царской России. Вместе с тем нельзя упускать из виду также и тот факт, что противники царской России в случае конфликта с ней рассчитывали на возбуждение антирусских настроений среди мусульманского населения Закавказья.

Помимо того, что Закавказье само являлось объектом захватнических устремлений империалистов, при неблагоприятном развитии событий в силу многих причин, прежде всего природных, оно имело значение важного оборонительного рубежа. Кавказ, как во все времена, истории, мог стать непреодолимым препятствием для неприятелей[55].

Германские империалисты совершенно ясно представляли все значение Закавказья и учитывали его при разработке своих захватнических планов. Наиболее ярко эти планы в отношении Закавказья выражены в одной из докладных записок военного министерства германскому правительству. В ней, в частности, говорится: «Кавказ лежит на пути из Европы в Азию и станет в будущем важным этапом в сообщении с Туркестаном, Бухарой и Северной Персией... Страна богата ископаемыми: серебром, цинком, медью, марганцем, есть угольные шахты и железные рудники. Нефтяные источники Баку всемирно известны.

В Муганской степи выращивается хлопок, в Тифлисской и Елизаветпольской губерниях развито шелководство, снабжающее шелкоткацкие фабрики Москвы. На Черноморском побережье выращивается табак, в особенности в окрестностях Сухума.

В районе Батума находятся знаменитые чайные плантации Чаквы. Грузия богата всемирно известной минеральной водой боржом... Даже этот краткий обзор позволяет судить о том, какая богатая страна Кавказ и какие возможности таятся там. Естественно, возникает мысль заполучить для нас Кавказ и сделать

[стр. 22]

его доступным нашему влиянию. Сейчас наступил момент претворить это намерение в действительность»[56].

Многогранные интересы германских империалистов в Закавказье постепенно принимали форму практических шагов и конкретных действий, направленных на укрепление позиций немецкого капитала в экономике Закавказья.

Положение Закавказья в составе Российской империи

Закавказье являлось колониальной окраиной царской России. К началу XX в. оно занимало территорию в 188 тыс. кв. км с населением около 7 млн. человек[57].

Основную массу населения составляли грузины, азербайджанцы и армяне. Проживали здесь русские, осетины, абхазцы, греки, курды, а также представители других народов Кавказа, который по разнообразию своего национального состава и многоязычности не имеет себе равных на земле.

Начало господству царской России в Закавказье было положено присоединением к Российской империи в 1801 г. Восточно-грузинского царства. Создав таким образом опору с центром в Тбилиси[58], правительство царской России сумело сравнительно быстро распространить свою власть и на другие районы Закавказья.

Многие районы Закавказья пришлось отвоевывать у Ирана и Турции. Таким образом, к середине XIX в. основная территория Закавказья оказалась присоединенной к Российской империи. Но и после присоединения, чтобы утвердить свое господство в Закавказье, России пришлось вести длительную и упорную борьбу с Ираном и Турцией, за спиной которых стояли англо-французские колонизаторы.

Своеобразие колониального положения Закавказья в составе царской России характеризовалось тем, что оно было политически завоевано раньше, чем экономически. В. И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России» по этому поводу отмечал: «Экономическое “завоевание” его (Закавказья.— Г. П.) Россией совершилось гораздо позднее, чем политическое, а вполне это экономическое завоевание не закончено и поныне» [59].

На многовековом и сложном пути исторического развития народов Закавказья присоединение их родины к Российской империи явилось поворотным пунктом. Историческое значение присоединения Закавказья к Российской империи определялось целым рядом обстоятельств.

Прежде всего народы Закавказья были избавлены от постоянных угроз нашествий, порабощения и физического уничтожения со стороны ирано-турецких захватчиков.

[стр. 23]

Наступил конец феодальной раздробленности края с ее нескончаемыми распрями, междоусобными войнами и опустошительными набегами. Объединение страны создало благоприятные условия для зарождения и развития общественных сил, способных бороться за национальную независимость и социальный прогресс.

Барьер, веками отгораживавший страну от путей развития мировой цивилизации, был разрушен. Открылись возможности для экономического, политического и культурного развития края.

В международном плане присоединение Закавказья к Российской империи привело к

ослаблению позиций Османской империи, оно положило конец экспансионизму шахского Ирана, а также послужило серьезной помехой для происков англо-французских колонизаторов в странах Ближнего и Среднего Востока.

Народы Закавказья, связав свою судьбу с великим русским народом, в недрах которого зрели могучие революционные и освободительные силы, оказались в составе государства, которому суждено было через исторически короткое время стать центром мирового революционного движения, авангардом прогресса человечества.

Конкретные результаты влияния данного обстоятельства нашли свое выражение прежде всего в том, что освободительная борьба народов Закавказья наполнилась совершенно новым историческим содержанием, существо которого определялось животворным влиянием революционного движения в России и слиянием в единый поток борьбы закавказских народов с борьбой всех трудящихся Российской империи во главе с русским пролетариатом за национальное и социальное освобождение.

Однако, присоединяя Закавказье к Российской империи и укрепляя свое господство в крае, царское правительство руководствовалось отнюдь не интересами народов Закавказья, не заботами об их судьбах. Царское правительство, выражая интересы правящих классов, стремилось прежде всего к захвату новых территорий, расширению рынков сбыта и получению новых источников сырья.

Поэтому вполне естественно, что наряду с положительными последствиями, объективно вытекавшими из факта присоединения Закавказья к Российской империи, данному событию сопутствовали отрицательные явления, которые негативно сказывались на положении местного населения Закавказского края.

Закавказье управлялось целой армией чиновников, которую возглавлял наместник царя. Названия «Азербайджан», «Армения», «Грузия» были изъяты из официального употребления. Страна была разделена на губернии, округа, уезды и участки.

[стр. 24]

Административное деление не учитывало ни исторически сложившихся границ, ни этнографических черт местного населения. Административная и судебная власть была сосредоточена в руках губернских, окружных, уездных и участковых начальников. Они же ведали делами хозяйственными, коммунальными, образованием и т. д.[60]. В распоряжении царской администрации находилось формирование полицейских сил и жандармерии.

Делопроизводство во всех учреждениях и судах велось только на русском языке. Лица, проявлявшие сомнение в правомерности подобного порядка, подвергались репрессиям со стороны властей [61].

Представители местных национальностей, за редким исключением, не допускались на службу в государственные учреждения. Царская администрация, действуя по указанию центра, надеялась таким образом вытравить у местных жителей национальное самосознание.

Об этом, в частности, свидетельствует письмо министра просвещения царского правительства, направленное в 1882 г. попечителю учебных заведений Закавказья. В письме говорилось, что, поскольку грузины и армяне проявляют стремление к национальной независимости, в местные государственные учреждения никто из представителей этих национальностей не должен быть принят на работу[62].

Преподавание в школах на родном языке учащихся запрещалось. Прогрессивные деятели, в том числе и русские по национальности, высказывавшие всего-навсего только мысль об антипедагогичности, не говоря уже об антинародности подобного подхода к обучению детей местного населения, притеснялись и изгонялись из учебных заведений царской администрацией.

В стране, которая еще в древние времена славилась своими академиями, учеными, деятелями искусства и литературы, к началу XX в. не было ни одного высшего учебного заведения.

Царское правительство сознательно и упорно противилось их открытию [63].

Для того чтобы народы Закавказья не могли объединиться и вместе с другими порабощенными народами, в союзе с трудящимися массами России сообща выступить против буржуазно-помещичьего строя, царское правительство разжигало национальную рознь, натравливало одни народы на другие. Так, в феврале 1905 г. агентуре царизма удалось спровоцировать в Закавказье крупное столкновение между армянами и азербайджанцами [64].

Политика разделения народов проводилась настолько изощренно и последовательно, что противопоставлялись не только народы разных национальностей, но и народности одной нации и группы населения одной нации, но разного вероисповедания.

[стр. 25]

В этом отношении наиболее характерным являлся пример Грузии, где имелись грузины, говорившие на разных диалектах, грузины, исповедовавшие разные религиозные верования — христианство и ислам.

Последствия колониальной политики царской России острее всего ощущались трудящимися массами Закавказья — рабочими и крестьянами.

Феодально-крепостнические пережитки, сознательно сохраняемые царизмом, тяжелым бременем ложились на плечи крестьянства [65].

Проведение крестьянских реформ в Закавказье непомерно затянулось. Здесь еще в начале 70-х годов XIX в. имелись районы, где не были завершены мероприятия, предусмотренные крестьянской реформой.

Реформа была осуществлена здесь на условиях, значительно худших для крестьян, чем в центральных губерниях России. Большое число крестьян все еще считалось «временнообязанными» [66].

Таким был статус крестьян, которые должны были уплатить за полученные ими наделы большие суммы, однако, не имея необходимых для этого средств, вынуждены были оставаться в экономической зависимости от помещиков.

Царское правительство, последовательно проводя свою колонизаторскую политику, широко практиковало переселение крестьян в Закавказье из центральных губерний. И это при том, что на месте ощущался острый земельный голод. По этому поводу В. И. Ленин писал: «Если в отношении малоземелья положение кавказских крестьян мало чем разнится от положения крестьян в России, то, спрашивается, откуда же образуется колонизационный земельный фонд на Кавказе и зачем производится туда выселение, вместо того, чтобы произвести расселение местных крестьян?.

Переселенческий фонд образуется путем вопиющего нарушения земельных прав туземцев, а переселение из России производится во славу все того же националистического принципа “русификации окраин”»[67].

Следует отметить, что помимо русификаторской политики переселение крестьян из внутренних губерний Российской империи преследовало двоякую цель: во-первых, создать в стратегически важном районе надежную опору в лице русского населения в случае военных столкновений с сопредельными государствами и, во-вторых, облегчить решение аграрных вопросов в метрополии[68].

Политико-стратегические цели переселения крестьян из России в Закавказье подчеркивал, например, сам наместник царя Воронцов-Дашков в своем отчете, представленном правительству в 1907 г.[69].

Наряду с чрезвычайно острой нуждой в земле, усугубляемой

[стр. 26]

насильственным созданием переселенческих земельных фондов, и множеством различного рода повинностей, крестьян Закавказья давила жестокая эксплуатация со стороны землевладельцев. Высокая арендная плата и различного рода государственные налоги, подати и сборы в царскую казну[70] доводили крестьян до разорения.

В еще худшем положении, чем крестьяне, находились рабочие Закавказья. В Закавказье не существовало никакого законодательства ни о продолжительности рабочего дня, ни об охране труда. Заработная плата рабочих была мизерной. Рабочие-одиночки могли еще кое-как свести концы с концами, многосемейные же, как правило, жили впроголодь. Жилищами рабочих были в основном бараки и землянки. Рабочих доводили до отчаяния постоянные штрафы и издевательства со стороны хозяев-предпринимателей. Даже царские чиновники и те вынуждены были время от времени признавать невыносимое положение рабочих в Закавказье. Вот что писал один из них (сотрудник Российского министерства финансов): «Рабочий, не знакомый с государственным языком и русским судостроительством, часто и незаслуженно страдает от заводчиков; он не знает артельной организации, и отстаивать свои интересы каждому рабочему приходится в отдельности. Ни в случае болезни, ни в случае несчастья он не имеет помощи от патрона, который спокойно заменяет его другим... ни на одной фабрике нет больницы, ни одна из них не держит постоянно врача или хотя бы фельдшера»[71].

Эти горькие строки написаны в 1888 г., но и спустя 20 лет положение рабочего класса Закавказья не изменилось к лучшему. Наоборот, в результате наступления реакции вслед за поражением революции 1905—1907 гг. положение рабочих еще больше ухудшилось. Чиновно-бюрократический аппарат наместничества был наделен чрезвычайными полномочиями[72]. Репрессии царских властей, однако, сочетались с заигрываниями с отдельными представителями местного дворянства и крупной буржуазией, обещаниями введения земских учреждений, суда присяжных и т. д. Но военные порядки, введенные в эти годы [73] в Закавказье, так и просуществовали до самого конца монархического строя в России.

Как видно из архивных документов, в Берлине располагали обширными сведениями об обстановке в Закавказье накануне первой мировой войны. В документе военного министерства, уже упоминавшемся выше, в частности, говорится: «...Кавказ — бесспорно богатая страна, пробудившаяся после более чем столетней спячки и ожидающая лишь того, чтобы начать эксплуатацию своих природных богатств и насаждать европейскую культуру. Как и со всеми пограничными областями, царское правительство обращалось с Кавказом хуже, чем мачеха. Со времени покорения Кавказа он служил ареной действия для

[стр. 27]

опустившихся элементов русского чиновничества, которые посылались туда в качестве “культуртрегеров”, а часто и просто направлялись в ссылку. Чтобы до конца не покоренный народ в последний момент не восстал, одна народность натравливалась на другую и дело доходило до ловко инспирированной царским правительством армяно-татарской резни»[74].

Изучая положение в Закавказье, германские наблюдатели особо подчеркивали отрицательные последствия колониальной политики царской России. Берлинские стратеги надеялись использовать с выгодой для себя промахи и злоупотребления чиновников царской администрации для ослабления уз, связывавших Закавказье с Россией, для распространения в крае германского влияния и в конечном счете отрыва его от России.

Однако, как показали последующие события, этим намерениям не суждено было осуществиться, поскольку планы германских стратегов не имели под собой реальной почвы, основываясь на односторонней оценке действительного положения дел.

Просчет, допускавшийся германскими стратегами, был связан с игнорированием тех объективных экономических и социально-политических факторов, в силу которых для народов Закавказья нахождение в составе Российской империи имело не только прогрессивное, но и жизненно важное значение.

Одним из основных и решающих среди этих факторов было то обстоятельство, что наряду с

реакционно-самодержавной Россией существовала другая Россия — Россия рабочих и крестьян, революционно-демократическая Россия, подавляемая господством тех же реакционных сил, которые угнетали народы Закавказья и других окраинных районов Российской империи,

К ней, к этой России, видя в ее лице своего защитника и верного союзника в борьбе за социальное и национальное освобождение, естественно, тяготели народы Грузии, Армении и Азербайджана. Именно поэтому революционное и освободительное движение народов Закавказья с самого начала отвергало путь сепаратизма. Оно вливалось в общий поток борьбы всех народов и трудящихся Российской империи во главе с русским пролетариатом за уничтожение главного источника угнетения — царского буржуазно-помещичьего строя.

В Берлине вдохновители германской экспансии в Закавказье упускали из виду то обстоятельство, что свора царских чиновников, полицейских и жандармов, их штыки, нагайки и прочие атрибуты колониализма не смогли помешать народам Закавказья, умудренным многовековым историческим опытом, понять и ощутить все величие русского народа с его свободолюбием и врожденным чувством социальной справедливости, с его рево-

[стр. 28]

люционным духом и неукротимой волей к борьбе за правое дело.

Проникновение немецкого капитала в экономику Закавказья

Для экономического развития царской России, в особенности в эпоху империализма, характерным явлением был прилив иностранного капитала [75].

Английские, французские, американские, немецкие, бельгийские капиталисты охотно инвестировали свои капиталы в промышленность Российской империи. Царское правительство всячески поощряло эту практику, оно оказывало покровительство разного рода иностранным компаниям и акционерным обществам.

В своей статье «Проект и объяснение программы социал-демократической партии» В. И. Ленин писал, что «в последнее время иностранные капиталисты особенно охотно переносят свои капиталы в Россию, строят в России отделения своих фабрик и заводов и основывают компании для новых предприятий в России. Они жадно набрасываются на молодую страну, в которой правительство так благосклонно и угодливо к капиталу, как нигде»[76].

К числу районов Российской империи, к которым проявляли повышенный интерес иностранные предприниматели, относилось Закавказье, привлекавшее иностранных инвесторов как своими природными богатствами, так и удобным географическим положением.

Накануне первой мировой войны наиболее сильными позициями в экономике Закавказья располагали английский, французский и немецкий капитал.

Немецкое проникновение в Закавказье имеет свою историю.

Еще в начале 60-х годов XIX в. фирмой братьев Сименс в районе г. Батуми была налажена разработка медных рудников и построен медеплавильный завод. По свидетельству немецких источников, на указанных медных рудниках и заводе к 1870 г. всего работало 1549 рабочих, производилось 44 213 пудов меди в год и оборот завода составлял 500 тыс. золотых руб.[77].

С этого периода начинается постепенное проникновение немецкого капитала в экономику Закавказья.

Понимая, какое значение для германской экономики могла бы иметь эксплуатация природных ресурсов Закавказья, совладелец фирмы Сименс — Вернер фон Сименс (прадед одного из нынешних хозяев всемирно известной западногерманской фирмы «Сименс», доктора Петера фон Сименса) предпринял три путешествия по Закавказью — в 1865, 1868 и 1890 гг.[78].

На Кавказе бывал и другой член семьи Сименсов — глава

[стр. 29]

немецкого банка Георг фон Сименс. В письме, направленном им 9 октября 1868 г. в Берлин, говорится, в частности, следующее: «Вчера я прибыл в Тифлис, после того как несколько дней напрасно прождал в Поти и Кутаиси Вернера, который находится на Кавказе с целью осмотра медных рудников и путей подхода к ним... Тифлис — это большой, в долинной части полностью по-европейски устроенный город, имеющий 72 тыс. жителей. Расположен он на берегу едва судоходной, но вместе с тем чудесной реки Куры... Имеется немецкая колония, большинство членов которой занимается ремеслом... Имя Сименс здесь хорошо известно и, кажется, приобретает такой же оттенок, что и имя Ротшильд»[79].

Результатом путешествий Сименсов, как известно, явилось приобретение новых месторождений руды и основание новых металлургических предприятий. Так, фирма братьев Сименс завладела Кедабекскими рудниками в Азербайджане и на месте бывших дореформенных примитивных заводиков построила новый медеплавильный завод. Этот завод давал до 70% всего производства меди в Закавказье и был одним из крупнейших в России[80].

Закавказские владения Сименсов настолько разрослись, что в начале 70-х годов XIX в. стали самостоятельным филиалом фирмы Сименс. Филиал официально именовался «Кавказское промышленно-металлургическое общество братьев Сименс».

Участие немецкого капитала в производстве меди в Закавказье не ограничивалось деятельностью фирмы Сименс. Доля немецкого капитала присутствовала и в активах другого смешанного акционерного общества — Кавказского меднопромышленного товарищества.

В 1913 г. добыча медной руды в Закавказье перевалила за 19 млн. пудов[81]. Больше половины этой добычи принадлежало упомянутым выше двум акционерным обществам.

Данные о деятельности этих двух акционерных обществ в Закавказье убеждают исследователя, что закавказская медь сыграла решающую роль в завоевании тех господствующих позиций, которые занял в мировой электротехнической промышленности концерн Сименса.

Богатства Дашкесанского месторождения железной руды также привлекали внимание Сименсов. Хотя мощность этого месторождения еще не была определена точно, фирма уже в 1865 г. приобрела здесь один из рудников и построила кобальтовый завод.

Примерно в это же время другой немецкий предприниматель, фон Лийб[82], построил недалеко от нынешнего Рустави в с. Чатахи небольшой металлургический завод по производству стали.

Проникновение иностранного капитала в нефтяную промыш-

[стр. 30]

ленность Закавказья началось несколько позже. Это объясняется рядом причин.

Прежде всего добыча нефти первоначально носила примитивный характер, бурение еще не велось, нефть выкачивалась из специально сооружаемых колодцев. Естественно, при такой технике больших капиталовложений не требовалось и добычей нефти занимались мелкие предприниматели из числа местных капиталистов. Им и принадлежали до конца 70-х годов 88% нефтяных колодцев[83]. Кроме того, ассортимент продукции, извлекаемой из сырой нефти, был незначительным, массового применения в промышленности и на транспорте нефтепродукты еще не находили. Поэтому объем добываемой нефти оставался незначительным.

Однако, когда значение нефти стало очевидным, спрос на нее повсеместно возрос и на повестку дня встал вопрос индустриализации ее добычи и переработки, нефтяная промышленность испытывала необходимость в инвестициях крупных капиталов. Иностранные монополии поспешили воспользоваться сложившейся ситуацией.

С конца 70-х годов прошлого века, когда на Апшеронском полуострове забили первые фонтаны

нефти, число фирм с участием иностранного капитала и иностранных предпринимателей стало быстро расти. Исключительно богатые месторождения нефти и наличие дешевой рабочей силы сулили здесь огромные прибыли.

В 1879 г. в Баку братьями Нобель была основана фирма по добыче и реализации нефти. Акционерное общество «Товарищество бр. Нобель» за короткое время стало одним из крупнейших в мире нефтепромышленных монополистических объединений.

По подданству, по паспортам, так сказать, эти «братья» были шведами, но в Российской империи, и в частности в нефтяной промышленности Закавказья, представляли интересы банковских кругов Берлина.

Перед самой войной основной капитал фирмы братьев Нобель составлял 40 млн. руб., а объем добываемой фирмой нефти превышал 78 млн. пудов[84]. 40% акций фирмы являлись собственностью немецкого банка «Дисконте гезельшафт» («Кредитное общество») [85].

Фирме Нобель подчинялся ряд дочерних акционерных обществ по переработке нефти и реализации нефтепродуктов в Германии и Австро-Венгрии. Она же была обладательницей самого крупного нефтеналивного флота на Каспийском море.

Роль и место в экономике Закавказья и всей России фирмы Нобель, представлявшей интересы немецкого капитала, можно-оценить, имея в виду следующие данные.

В 1901 г. в руках трех крупнейших фирм — Нобелей, Рот-

[стр. 31]

шильда и Манташева — находилось 25% всей добычи нефти в Баку и 40% производства керосина. Половина всех потребляемых Россией нефтепродуктов поставлялась этими тремя фирмами, причем более 30% поставок осуществлялось фирмой братьев Нобель[86].

«Товарищество бр. Нобель» не было единственным акционерным обществом в нефтяной промышленности, в котором немецкий капитал играл значительную роль.

Тесные связи с банками Германии существовали также у фирмы Лианозова, являвшейся крупнейшим экспортером нефти в Европу. Накануне войны фирмой совместно с немецкими капиталистами в Гамбурге было основано смешанное общество по переработке русской нефти и реализации нефтепродуктов в Германии — «Минералимпортакциен Гезельшафт». Первоначальный основной капитал общества равнялся 1 млн. марок[87].

Немецким банкам принадлежали акции и ряда других фирм, занимавшихся добычей, переработкой и реализацией закавказской нефти и нефтепродуктов.

Другой наиболее важной отраслью экономики Закавказья, где немецкий капитал играл значительную роль, являлась добыча марганцевой руды.

Как известно, Чиатурские рудники со дня их открытия были одним из тех основных объектов заинтересованности, из-за которых Закавказье стало фигурировать в захватнических планах германского империализма.

Причину глубокой заинтересованности немецкого капитала в Закавказье в целом, и в частности в чиатурском марганце, с предельной ясностью раскрыл накануне войны глава концерна «Немецкий кайзер» стальной король Тиссен. В своем меморандуме имперскому ведомству экономики он писал: «Если иметь в виду овладение природными богатствами, то Германии нужен именно Кавказ...

Кавказ — это страна, которая дает большую часть мировой добычи марганца, а без марганца невозможно производить сталь. Тот, кто будет владеть добычей этого марганца, сможет так или иначе подчинить себе, то есть оказать влияние на цены производства стали даже в самой Америке, которая уже теперь подавляющую часть ферросплавов вывозит из Германии и Англии» [88].

В отличие от медных месторождений, прибрать к своим рукам марганцевые рудники

иностранному капиталу, в том числе и немецкому, долго не удавалось. Рудники и их эксплуатация в Чиатуре находились в основном в руках отечественных предпринимателей. Но в то же время хозяевами наиболее крупных фирм по скупке добытой руды и ее экспорту были иностранцы. Именно они диктовали свои условия предпринимателям, добы-

[стр. 32]

вающим руду, и, таким образом, по сути дела регулировали добычу марганца.

В Чиатуре немецкие интересы представляла компания «Кавказское горнорудное общество» и филиал Гельзенкирхекского горнорудного акционерного общества. Обе эти компании были основными экспортерами марганца в Германию и другие страны Европы.

Перед первой мировой войной до 70% ввозимого в Германию марганца потребляли два крупнейших монополистических объединения в металлургической промышленности — концерн Тиссена «Немецкий кайзер» и Гельзенкирхенское горнорудное акционерное общество.

Металлургические предприятия этих двух германских объединений целиком работали на марганце, ввозимом из Закавказья [89].

Не довольствуясь положением скупщиков уже добытой руды, Кавказское горнорудное общество и филиал Гельзенкирхенского горнорудного общества накануне войны предпринимали энергичные усилия, направленные на скупку земель в районе Чиатура — Сачхере, имея в виду в будущем наладить добычу руды собственными силами. Одновременно немецкие компании приступили к ввозу горного оборудования. Однако война помешала осуществлению этих далеко идущих планов.

В 1914 г. общая стоимость имущества этих двух немецких предприятий в Закавказье составляла 4,8 млн. руб.[90]. С началом войны немецкие собственники попытались спасти это свое имущество, оформив фиктивную его продажу шведской компании «Винтервикенс». Однако уловка не удалась. Представленную компанией купчую царское правительство сочло сомнительной [91].

Активность немецкого капитала отмечалась не только в нефтяной и горнорудной промышленности, но и в других отраслях экономики Закавказья.

В руках немцев находился ряд предприятий пищевой и легкой промышленности. Значительное число спирто-водочных, коньячных и винокуренных заводов принадлежало им. Например, объединение немцев-предпринимателей «Конкордия» давало 66% производства вина в Азербайджане. Годовой оборот винодельческих фирм «Форер» и «Гуммель» перед самой войной достиг миллиона рублей у каждой в отдельности[92]. Продукция этих фирм вывозилась в основном в Россию, но ее можно было встретить и за рубежом.

Многие немцы были держателями ценных бумаг акционерных обществ, занимавшихся железнодорожными, банковскими, коммунальными и торговыми делами.

В Закавказье, как и в странах Ближнего Востока, немецкий капитал вынужден был вести острую борьбу с англо-французскими конкурентами. Акции англо-французских предпринимате-

[стр. 33]

лей преобладали в нефтяной промышленности[93] и на транспорте[94]. В других же отраслях промышленности края немецкий капитал не уступал им.

Чтобы застраховаться от неожиданностей всякого рода, а главным образом, чтобы вести успешную борьбу с соперниками, многие немецкие предприниматели вкладывали свои капиталы преимущественно в русские предприятия.

Так, перед самой войной в русских предприятиях, связанных с экономикой Закавказья, иностранные капиталовложения составляли 325 млн. руб. Доля немецкого капитала в этих предприятиях равнялась 34,1%, французского — 28, английского — 14% [95].

Немецкий капитал всячески стремился к дальнейшему укреплению своих позиций в Закавказье. Промышленные и финансовые круги, получавшие большую часть прибылей от экспансии в Закавказье, оказывали решающее влияние на формирование захватнической политики кайзеровской Германии в отношении этого края.

Разведывательно-подрывная деятельность германского империализма в Закавказье

Известный пангерманист и глашатай политики «Дранг нах Остен» — Хуго Гроте в свое время писал: «Какие существуют пути “мирного проникновения” в подлежащие освоению восточные страны, чтобы добиться распространения там нашего культурного, экономического и политического влияния? Прежде всего это — осуществление в соответствующих краях научных поисков и исследований» [96].

Эти слова Гроте, сформулировавшего давно сложившийся в практике германского экспансионизма прием, в равной мере относились и к Закавказью. Сюда, как и в другие районы, в «освоении» которых был заинтересован германский торговый и промышленный капитал, направлялись разного рода путешественники и исследователи — геологи, географы, этнографы, историки и т. п.[97]. Не обошли, в частности, своим вниманием этот край и такие крупнейшие идеологи и проводники германской ближневосточной экспансии, как Рорбах, Екк, Нидермайер, Гентинг, Оппенгейм и Леверкюн.

Являясь частыми посетителями Грузии, Армении, Азербайджана, немецкие путешественники занимались тщательным изучением богатств края, определением перспектив их эксплуатации, прощупывали и готовили почву для налаживания необходимых связей.

Однако такого рода деятельность, пригодная лишь для «мирного проникновения», не могла удовлетворить интересы германских экспансионистов, стремившихся к созданию подходящих

[стр. 34]

условий для проведения более активной политики в отношении Закавказья. В целях форсирования своих захватнических планов экспансионистски настроенные круги переходят к организации разведывательно-подрывной деятельности на территории Закавказья [98].

Начало активной деятельности германской агентуры в этом направлении было положено в 1910 г., накануне русско-германских переговоров в Потсдаме.

В то время правящим кругам кайзеровской Германии выгодно было придать большую значимость русско-германским противоречиям в Иране, чтобы ценой признания русских интересов в Северном Иране выторговать неучастие России в антигерманской коалиции.

В связи с этим перед консульством Германии в Тифлисе [99] была поставлена задача добыть данные о планах русских в отношении Ирана, об объеме и характере торгового обмена, идущего через Закавказье, о положении в приграничных с Ираном районах и в целом в Закавказье, а также организовать направление в Северный Иран ряда сотрудников немецких фирм для имитации активности в этом районе.

Как известно, переговоры в Потсдаме завершились заключением соглашения в 1911 г. В ходе переговоров Германии не удалось достичь поставленной цели — оторвать Россию от Антанты, но она добилась определенных уступок от России Б части, касающейся продолжения строительства Багдадской железной дороги на территории Ирана [100]. Это было очередным шагом на пути к распространению влияния Германии на Ближнем и Среднем Востоке.

Чтобы подготовить условия для дальнейшего укрепления и расширения своих позиций в этом районе, правящие круги Германии в числе других мер предпринимают попытки усилить разведывательное проникновение в Закавказье и Северный Иран. В 1912 г. почти вдвое увеличивается штат консульства в Тифлисе, расширяется поле деятельности германских эмиссаров. В Тебризе создается разведывательная резидентура [101], работающая в тесном

контакте с сотрудниками консульства в Тифлисе.

В дальнейшем, по мере обострения противоречий между Россией и Германией (как участников враждующих группировок империалистических держав), разведывательно-подрывная деятельность германского империализма в Закавказье приобретает более целенаправленный и интенсивный характер.

Разведывательно-подрывная деятельность германского империализма в Закавказье имела многогранный характер. Основное внимание уделялось внедрению агентуры в различных районах и слоях населения и, таким образом, созданию дееспособной разветвленной шпионской сети.

С ведома и согласия правительственных кругов империи

[стр. 35]

разведывательными службами кайзеровской Германии перед своей агентурой в Закавказье были поставлены самые разнообразные задачи — от сбора сведений военного, экономического и политического характера до создания диверсионно-повстанческих групп.

В военной области агентура должна была следить за изменением численности войск русской кавказской армии, дислокации ее частей, состоянием их вооружения и боеспособности; изучать состояние Закавказской железной дороги, ее пропускную способность, количество и качество подвижного состава; добывать данные о планах строительства новых железнодорожных веток; уточнять на картах трассы Шоссейных и грунтовых дорог; следить за ходом работ по расширению старых и строительству новых портов, причалов на побережье Черного и Каспийского морей.

В области экономической наряду с положением в отдельных отраслях экономики края немцев интересовало состояние дел конкурентов германского капитала в нефтяной промышленности, в производстве меди и добыче марганца; они стремились также быть в курсе новых открытий месторождений полезных ископаемых, выявлять возможности приложения немецкого капитала. Особое внимание обращалось на изучение края с точки зрения его потенциальных возможностей по снабжению продуктами в военное время [102].

В политической области агентура должна была добывать данные о планах русского правительства на Ближнем и Среднем Востоке, об отношениях с Турцией и Ираном, о позиции в армянском вопросе и намерениях по его решению, о настроениях в различных слоях населения, о межнациональных трениях и об отношении народов Закавказья к России и русским.

Особое место отводилось выявлению прогермански и протурецки настроенных лиц, которых можно было бы использовать в качестве организаторов повстанческих групп и лидеров сепаратистского движения, а также для осуществления диверсионных актов в случае возникновения войны между Германией и Россией.

Кадры немецкой агентуры составляли завербованные разведкой граждане Германии, прибывающие в Закавказье в качестве служащих иностранных фирм, русскоподданные немецкой национальности и в их числе немцы-колонисты, отдельные лица из числа местных граждан, втянутые в шпионскую сеть Германии теми или иными путями, а также граждане Турции, завербованные и заброшенные на территорию Закавказья.

Руководство разведывательно-подрывной деятельностью в Закавказье осуществлялось двумя резидентурами — Тифлисской и Эрзерумской. Первая была связана с Берлином через посоль-

[стр. 36]

ство Германии в Москве, а вторая — через посольство в Стамбуле.

Эрзерумскую резидентуру возглавлял германский консул Эдгар Андерс. Основные усилия ее были направлены на засылку агентуры в Абхазию и Аджарию для организации там антирусского повстанческого движения. При этом ставка делалась на протурецкие настроения

отсталых слоев мусульманских групп населения этих двух областей [103].

Независимо от немцев в этом же направлении работали и турки, которые надеялись возбудить протурецкие настроения среди мусульманского населения Кавказа. Вообще же следует отметить, что одной из особенностей разведывательно-подрывной деятельности кайзеровской Германии в Закавказье явилось то, что она велась в тесном взаимодействии с разведорганами султанской Турции [104].

Среди руководителей тифлисской резидентуры своей активностью отличался весьма энергичный чиновник министерства иностранных дел Германии Фридрих Шуленбург [105], возглавлявший резидентуру с 1911 г. За короткое время ему удалось значительно расширить агентурную сеть, установив контакт с некоторыми офицерами царской армии, сумев вовлечь их в шпионскую работу.

В значительной мере исключительно благодаря способностям Шуленбурга в Берлине располагали во многом достоверными разведывательными данными о положении дел на Кавказе. Недаром за проявленное усердие Шуленбург был награжден кайзером железным крестом первой степени.

Германские империалисты большие надежды возлагали на разжигание сепаратистских движений среди народов Закавказья.

Шуленбург и его сотрудники постоянно вращались в националистически настроенных кругах местного населения, провокационно подстрекали представителей местных национальностей к провозглашению независимости.

Особо близкие отношения Шуленбург поддерживал с рядом представителей дворянства Грузии, которым пытался внушить идею создания независимой Грузии иод протекторатом Германии. Аналогичная работа проводилась и в кругах буржуазии.

Однако эта деятельность особых результатов не достигла. Найти сколько-нибудь значительные прослойки населения или политические партии, которые можно было бы использовать в своих интересах, агенты германского империализма не смогли.

Единственными, с кем германским эмисарам удалось установить контакт, оказались отколовшиеся от партии социал-федералистов эмигранты, которые в свое время обосновались в Стамбуле, Вене и Берлине. Они составляли незначи-

[стр. 37]

тельную группу, лишенную какой-либо серьезной социальной опоры на родине.

Партия грузинской национальной буржуазии и дворянства — социал-федералисты,— выступая под флагом автономии Грузии, накануне и в период войны стояла на верноподданнических позициях. Однако отколовшаяся от партии заграничная группка, выражавшая интересы крайне правых националистов из числа имущих классов, возлагала свои надежды на завоевание независимости Грузии с помощью Германии и Турции. Находясь за границей, участники этой группировки вместе с некоторыми другими эмигрантами образовали так называемый Комитет независимости Грузии. В конце 1914 г. этот комитет обосновался в Стамбуле [106].

Наиболее активными членами этого комитета являлись Михаил Церетели, Варлам Черкезишвили, Георгий Мачабели, Лео Кереселидзе и некоторые другие прогермански настроенные лица [107], давно находившиеся в контакте с внешнеполитическим ведомством Германии.

Германские империалисты охотно установили связь с этой группкой, пытаясь использовать ее в своих подрывных целях в Закавказье [108].

Немцы всячески поощряли и поддерживали турок в их мероприятиях по распространению панисламизма на Кавказе. Собственно, это и входило в расчеты правящих кругов кайзеровской Германии, объявлявших себя друзьями мусульман как бы в противовес царскому

правительству, которое выступало, в свою очередь, под флагом защиты христианского населения Оттоманской империи.

Для возбуждения протурецких настроений в Закавказье в этот период активно использовалась группа эмигрантов из Азербайджана, обосновавшаяся в Турции. В группу входили А. Агеев, А. Гусейнзаде и др.[109]

Следует отметить, что более или менее существенных результатов и в этой области ни оттоманская Турция, ни ее кайзеровские покровители не добились.

Систематическая и целенаправленная работа по подогреванию прогерманских настроений велась среди немецких колонистов, проживавших в Закавказье компактными группами.

С разрешения царских властей колонистами был создан ряд культурно-хозяйственных объединений и союзов. Германские империалисты пытались использовать эти организации для распространения своего влияния на все немецкое население Закавказья. Сам Шуленбург и другие сотрудники консульства вели активную пангерманскую пропаганду среди колонистов, содействовали организации националистических групп — своего рода филиалов Германского флотского союза и Пангерманского союза. Члены этих групп часто использовались для сбора шпионских сведений и выполнения других заданий разведки.

[стр. 38]

В случае возникновения войны германские империалисты рассчитывали использовать немецкие поселения в Закавказье в качестве опорных пунктов.

Начиная с 1911 г. широкий размах принимает засылка оружия в Закавказье. Оружие шло из Турции и было в основном немецкого и австрийского производства. Ввоз осуществлялся главным образом через черноморские порты Сухуми, Поти, Батуми. Обеспокоенный этим обстоятельством, начальник штаба русских войск на Кавказе докладывал наместнику царя Воронцову-Дашкову, что «за последнее время наблюдается ввоз в большом количестве огнестрельного оружия и боеприпасов. Значительная часть их остается в Батумской области у мусульманского населения, остальная направляется в другие районы Кавказа.

Принятые нами меры к прекращению ввоза оружия не достигли желаемых результатов. Поэтому представляется необходимым усилить береговую охрану путем вывода на рейды крейсеров, а также открытия новых сторожевых постов»[110].

Наряду с предлагавшимися начальником штаба мерами царскими властями был усилен таможенный досмотр в соответствующих пунктах Закавказья [111]. Хотя закрыть все каналы поступления оружия из Турции не удалось, однако попытки массового ввоза оружия, предназначенного для антирусских повстанческих групп, на время были прекращены.

Разведывательно-подрывная деятельность агентуры кайзеровской Германии не осталась незамеченной правительственными кругами царской России. Получившая в связи с этим соответствующее задание, русская контрразведка в Закавказье с некоторым опозданием, но все же сумела раскрыть деятельность Тифлисской резидентуры и нанести по ней серьезный удар.

В 1913 г. многие агенты германской разведки были арестованы и осуждены, а граф Шуленбург вместе с некоторыми другими подданными Германии выдворен за пределы Российской империи[112].

Позже, а именно 6 августа 1914 г., после того как Россия вступила в войну, в Тифлисе были арестованы, а затем высланы в глубь страны консул Андерс и его помощник капитан Вейкман. Оба они пробрались в Тифлис с разведывательными целями [113].

Но и после этого засылка лазутчиков в Закавказье не прекращалась [114]. Многие уцелевшие агенты продолжали свою деятельность. В дальнейшем они еще послужили германским агрессорам.

Отношение кайзеровской Германии к армянскому вопросу

Захватнические цели германских империалистов в Закавказье ярко проявились и в позиции, занятой правящими кругами Германии по отношению к национально-освободительному движению армян, оказавшихся под игом Османской империи.

Возникнув на развалинах султаната сельджуков, турецкое феодальное государство во главе с османской княжеской династией в XIV—XVI вв. распространило свое господство на множество народов и стран. В конце XVI и начале XVII в. турки подчинили себе и Западную Армению.

Народы захваченных Турцией территорий терпели жесточайший военно-феодальный гнет. Особенно в тяжелом положении находились те из них, которые не исповедовали ислам. Естественно, они не хотели мириться с положением, в котором оказались, и поднимались на борьбу со своими поработителями.

Армяне боролись за свою свободу и национальную независимость наравне с греками, сербами, хорватами, черногорцами, албанцами и другими народами, ставшими жертвой завоевательной политики султанской Турции. Но, пожалуй, ни одному из перечисленных народов не приходилось так дорого расплачиваться за свое свободолюбие, как армянскому народу.

Султанское правительство и местные феодалы натравливали на армянское население соседние народности. Под различными предлогами они грабили и физически уничтожали армян, разоряли и жгли их жилища, разрушали целые города и села [115].

Армяне подвергались репрессиям не только в связи с их выступлениями против турецкого господства, но очень часто безо всякого повода и причин.

Систематическое и планомерное истребление армян являлось частью официальной политики Османской империи, чего не скрывали ни султан, ни его приближенные [116].

Правящая феодальная верхушка Турции в национально-освободительном движении армянского народа видела угрозу территориальной целостности Османской империи, аннексировавшей территории многих соседних народов. Султан и его окружение опасались, что по примеру некоторых европейских народов, некогда подвластных султану, армяне могут сбросить иго турецкого господства, что привело бы к потере важнейших областей империи в самой Анатолии.

Проблема национального освобождения армян была использована рядом европейских держав как повод для вмешательства во внутренние дела Турции. Правительства этих держав меньше всего интересовала судьба многострадального армянского народа, но они стремились воспользоваться его несчастьями для достижения своих колониалистских целей. Наибольшую

[стр. 40]

активность в этом плане проявляла царская Россия, рассматривавшаяся в правящих кругах Турции как «потомственный враг» Османской империи.

Границы Российской империи в Закавказье на протяжении многих сотен километров примыкали к турецкой территории, подавляющую часть населения которой составляло армянское население. Турки все время опасались, что в случае войны с Россией западные армяне выступят против своих поработителей и попытаются воссоединиться с той частью Армении, которая находилась в составе Российской империи.

Немаловажную роль в формировании антиармянских настроений в правящих кругах султанской Турции играли пантюркистские и панисламистские концепции. Территория христианской Армении, вклинившейся между западными и восточными мусульманскими народами, по мысли панисламистов, создавала своего рода преграду для «воссоединения правоверных».

В антиармянской политике феодальной верхушки Османской империи имела значение и

классовая неприязнь к буржуазным слоям империи, основную массу которых вплоть до конца 70-х годов прошлого века составляли армяне и греки.

Репрессии против армян нисколько не ослабли и после прихода к власти младотурок. До поры до времени они выступали за равенство наций, входивших в Оттоманскую империю, давали обещания объявить амнистию, отменить исключительные законы против армян и удовлетворить ряд их требований и т. п. Однако вся эта пропаганда оказалась обманом [117].

Младотурки, придя к власти, обрушили на армян новые, еще более жестокие репрессии. Будучи воинствующими шовинистами, они в проведении внешней политики придерживались пантюркистских и панисламистских доктрин, а во внутренней политике выступали проводниками османизма, т. е. насильственного отуречивания многочисленных нетурецких народов, населявших Оттоманскую империю [118].

В 70-х годах прошлого столетия экспансионистские интересы правящих кругов кайзеровской Германии на Ближнем Востоке еще только начинали обретать определенные формы. Однако уже в то время проявилось отрицательное отношение правящей верхушки Германии к справедливому решению армянского вопроса. В этой связи характерной и показательной оказалась позиция Германии на Берлинском конгрессе при обсуждении вопросов, связанных с положением христиан в Османской империи.

Как известно, Берлинский конгресс (1878) был созван по требованию ряда европейских держав, добивавшихся пересмотра условий выгодного России Сан-Стефанского мирного договора.

По определению Бисмарка, Германия на конгрессе должна была играть роль беспристрастного третейского судьи [119]. На

[стр. 41]

самом же деле при обсуждении важнейших для судеб этого района вопросов представители Германии забывали о своем «беспристрастии» и исходили исключительно из интересов собственной страны. Они неизменно поддерживали те решения, которые были выгодны набиравшему силу германскому промышленному и торговому капиталу. Так было и при рассмотрении 16-й статьи Сан-Стефанского мирного договора, предусматривавшего проведение реформ в армянских областях Турции. Уполномоченные Германии выступили в поддержку менее выгодного для армян варианта соответствующей статьи (61-й) Берлинского трактата [120].

Германия еще тогда усмотрела в армянском вопросе важное средство политического заигрывания с Оттоманской империей, находившейся под угрозой расчленения.

Начиная с 80-х годов XIX в., по мере усиления проникновения германского капитала в Оттоманскую империю, враждебность правящих кругов Германии к национально-освободительному движению армян становилась все более очевидной. Об этом, в частности, свидетельствует и тот факт, что Бисмарк советовал маршалу Ахмеду Мухтар-паше, присутствовавшему на маневрах германской армии в сентябре 1883 г., не торопиться с проведением реформ в Армении, поскольку якобы это может подорвать престиж султана [121].

В 1894—1896 гг. на армянский народ обрушилась очередная волна репрессий. В результате организованной правительством султана Абдул Гамида резни в Сасуне, Трапезунде. Эрзеруме, Сивасе, Урфе, Диарбекире, Ване, Константинополе и многих других местах были зверски умерщвлены тысячи армян. По свидетельству очевидцев, жестокость, с которой осуществлялась расправа над ни в чем не повинными людьми, была беспримерной [122]. Она заставила прогрессивные круги тогдашней Европы поднять голос в защиту армянского народа. Правительства Англии, Франции и России под влиянием общественного мнения предприняли некоторые шаги по оказанию давления на Турцию. Султанскому правительству была вручена нота с требованием прекращения погромов. В территориальные воды Оттоманской империи были направлены военные корабли.

Правящие круги Германии заранее были осведомлены о предстоящих погромах армян [123], но ничего не сделали для того, чтобы, воспользовавшись своим влиянием в Турции, удержать султанское правительство от осуществления кровавых намерений. Наоборот, своими заигрываниями с султаном берлинские политики давали понять, что Германия не будет чинить особых препятствий в проведении антиармянской политики.

Подыгрывая всеобщим настроениям, кайзер Вильгельм II в своем окружении высказывал возмущение варварскими погромами, однако по дипломатическим каналам поспешил напра-

[стр. 42]

вить султану Абдул Гамиду свой портрет с дарственной надписью [124].

Позиция правящих кругов Германии в связи с армянскими погромами находила соответствующее отражение в немецкой прессе. Газеты почти всех политических партий, включая даже консерваторов и национал-либералов, были полны сообщениями о тяжких страданиях, выпавших на долю армянского населения Турции, рисовали ужасные картины истребления женщин, детей, стариков. В газетах не было недостатка в призывах к защите христиан от фанатично настроенной мусульманской черни. Но о том, что эта «чернь» была спровоцирована султанским правительством, что истребление армян в Турции носило систематический и планомерный характер и находило сочувствие и поддержку в определенных влиятельных кругах Германии, газеты, разумеется, умалчивали.

Организуя резню в 1894—1896 гг., султанское правительстве хорошо понимало, что в армянском вопросе среди великих держав не было единства, а одна из них проявляла солидарность с турками; поэтому турецкое правительство было совершенно уверено в безнаказанности своих варварских действий.

Державой, проявлявшей солидарность с турками, была Германия, роль которой в трагедии армян в годы царствования кровавого Абдул Гамида оказалась крайне неблаговидной.

После Балканских войн (1912—1913) армянский вопрос снова обострился. Над армянским населением Турции снова нависла угроза массового истребления. Правительства Англии, Франции. России, Германии, Австро-Венгрии и Италии поручили своим послам в Стамбуле выработать проект реформ для Турецкой Армении. Основная инициатива в постановке данного вопроса принадлежала России. Она же внесла на обсуждение свой проект необходимых преобразований в управлении Турецкой Арменией [125]. В проекте, в частности, предусматривалось создание единой армянской провинции с определенными автономными правами, признание равноправия турецкого и армянского языков в пределах этой провинции, учреждение провинциального собрания с равным правом представительства мусульманского и немусульманского населения, обеспечение школьного образования и тому подобные минимальные национальные требования.

В ходе обсуждения русского проекта оттоманское правительство, поддержанное представителями Германии и Австро-Венгрии, категорически отказалось от принятия основных пунктов русского проекта и внесло свои контрпредложения, которые, по сути дела, сводили на нет саму идею проведения реформ в Турецкой Армении.

Обсуждение вопроса о реформах длилось с 3 по 24 июля 1913 г. и завершилось безрезультатно, главным образом из-за позиции, занятой представителем Германии.

[стр. 43]

Характерно, что посол Германии Вангенгейм во время обсуждения проектов реформ отстаивал турецкие предложения с большим усердием, чем представители самой Турции. Послы Англии и Франции, правительства которых боялись усиления позиции России на Ближнем Востоке, также не проявили особой заинтересованности в проведении тех незначительных реформ, которые хоть в какой-то мере могли облегчить положение армян [126].

Переговоры послов вновь возобновились в сентябре 1913 г. и продолжались с перерывами до января 1914 г.

Видя, что позиция оттоманского правительства целиком и полностью зависит от позиции Германии, русский посол Гирс решил предварительно договориться с Вангенгеймом относительно наиболее спорных пунктов проекта реформ [127]. Представителю Германии это и нужно было. Он постарался внести в русский проект такие поправки, которые полностью отвечали интересам турок [128].

Гирс вынужден был уступить. Выработанные в результате компромиссные предложения были согласованы с послами других держав, а затем предъявлены турецкому правительству, которое после демонстративного колебания приняло их за основу проведения реформ в Армении.

Если бы даже этим реформам довелось осуществиться [129], то заметного улучшения в положении армян все равно не наступило бы. Во-первых, потому, что мероприятия, предусмотренные реформой, были половинчатыми, и, во-вторых, ответственность за их реализацию была возложена на те же турецкие власти, от произвола которых прежде всего и следовало оградить армянское население.

Таким образом, и на этот раз благодаря поддержке, которую Германия оказала султанскому правительству, армянский вопрос не получил должного разрешения.

Германские империалисты, преследуя свои захватнические цели, оказались советниками и союзниками султанской Турции в борьбе с освободительным движением армянского народа. Однако это не помешало им вести одновременно политику заигрывания с армянами. Установив контакт с некоторыми армянскими лидерами в Турции, германские эмиссары пытались предстать перед ними в качестве защитников интересов порабощенного народа, при этом не упускали возможности подчеркнуть, что ключ к решению армянского вопроса следует искать в Берлине.

Лицемерная политика заигрывания с армянами преследовала двоякую цель — с одной стороны, добиться нейтрализации прорусских настроений в Турецкой Армении, а с другой — вызвать к жизни отвечающие интересам германского империализма идеологические течения и, если удастся, создать соответствующие позиции среди армян Закавказья.

[стр. 44]

Особую активность в этом плане германские империалисты проявили перед самой первой мировой войной.

В феврале 1914 г. с благословения официальных властей в Германии было создано Немецко-армянское общество [130]. В числе учредителей общества находились известный ориенталист доктор Лепсиус [131] (председатель общества), д-р Рорбах (вице-председатель), профессор Маркварт, писатель Курт Арам и др.

Общество декларировало свое намерение содействовать проведению реформ в Турецкой Армении и тем самым способствовать «благополучному» разрешению армянского вопроса. Однако активное участие в деятельности общества таких махровых пангерманистов, как Лепсиус и Рорбах, не оставляло сомнения относительно истинных целей организаторов общества.

Достаточно сказать, что перед самым созданием общества доктор Лепсиус с глубоким удовлетворением отмечал, что Германия добилась внесения в текст проектов реформ в Армении таких формулировок, которые дают возможность Турции провалить эти реформы.

А Пауль Рорбах, выступая в конце 1913 г. перед офицерами генштаба, совершенно ясно заявил, что реформы в Турецкой Армении идут вразрез с интересами Германии на Востоке, поэтому задачей политики Германии, по мнению Рорбаха, являлся срыв этих реформ.

Рорбах был в числе тех, кто подал мысль о необходимости выселения армян с территорий, граничащих с Россией, : тем чтобы заселить данный район мусульманами [132].

Этот «друг» армян и «вице-председатель Немецко-армянского общества» в одном из своих выступлений заявил, что истребление мусульманами армян есть средство успокоения

последних [133].

Соответствующие ведомства Российской империи не замедлили заинтересоваться деятельностью Немецко-армянског: общества. В апреле 1914 г. в Германию был направлен со специальным заданием армянский деятель доктор Завриев (подданный России). Он имел встречи с некоторыми членами Немецко-армянского общества, а также с помощником статс-секретаря по иностранным делам Циммерманом.

В беседах все они заверяли Завриева, что создание общества есть подтверждение искренних намерений Германии добиться реформ в армянском вопросе, однако факты свидетельствовали совершенно о другом. Это обстоятельство не ускользнуло от внимания посла России в Германии Свербеева, который, докладывая своему министру о результатах миссии Завриева, писал: «Не могу не высказать опасения, что впечатления Завриева слишком оптимистичны и что слова г. Циммермана, как с ним это бывает часто, не совпадут с действиями его же самого и германского правительства»[134].

Информация о направленности работы Немецко-армянского

[стр. 45]

общества поступала в Петербург и по другим каналам. В частности, на основании достоверных разведывательных данных генеральный штаб русской армии составил совершенно правильное заключение о том, что Немецко-армянское общество «ставит действительной целью своей деятельности облегчение работы германского правительства в его стремлениях подчинить своему влиянию Турецкую Армению, подготовить почву на Кавказе на случай войны России с Турцией, восстановить армян против русского правительства» [135].

В захватнических планах кайзеровской Германии в отношении Закавказья немецко-армянскому обществу отводилось такое же место, как и Грузинскому комитету независимости.

Глава II

БОРЬБА ЗА ЗАКАВКАЗЬЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Заключение германо-турецкого военного союза. Открытие Кавказского фронта

В декабре 1913 г. кайзер Вильгельм II принимал у себя в резиденции руководителя германской военной миссии в Турции генерала Лимана фон Сандерса, только что получившего назначение на должность командующего первым турецким армейским корпусом и ставшего членом высшего военного совета Османской империи.

Кайзер долго и увлеченно рассказывал генералу о политике Германии на Ближнем Востоке и будущих отношениях с султанской Турцией. Отношения эти, по мнению кайзера, должны были привести к безраздельному экономическому и политическому господству во владениях султана Германской империи. «Или германское знамя скоро будет развеваться над крепостью Босфора, или меня ожидает судьба ссыльного на острове Святой Елены» [1], — говорил кайзер фон Сандерсу.

Как бы продолжая эту же мысль, кайзер несколько позже писал: «Я возьму Месопотамию, Александрету, Мессину! Благоразумные турки терпеливо ожидают этой участи»[2].

Так рассуждал всего за несколько месяцев до начала первой мировой войны о судьбе своих будущих союзников кайзер Германии Вильгельм II, незадолго до этого провозглашавший себя «другом всех мусульман». Это еще раз свидетельствовало о том, что Турция нужна была Германии лишь как объект осуществления своих империалистических планов.

В правящих кругах султанской Турции были люди, которые, объективно оценивая

сложившуюся ситуацию, подозрительно относились к политике Германии и выступали за соблюдение нейтралитета в назревавшем конфликте между двумя группировками европейских держав. Однако весьма влиятельная группировка в младотурецкой верхушке правительства Турции, видя в агрессивных планах германских империалистов возможность реализации своих пантюркистских и панисламистских идей, жаждала скорейшего присоединения к Центральным державам. Она выступала за немедленное заключение оборонительно-наступательного союза с Германией.

[стр. 47]

Эта группа начала зондировать почву на предмет заключения союза с Германией еще в 1911 г. Особенно активизировались прогерманские элементы после Балканских войн, когда над Турцией нависла угроза международной изоляции. Но Берлин в то время не давал своего согласия даже на предварительные переговоры.

Чтобы убедить своих турецких приверженцев не торопиться с формальным заключением союза, германская дипломатия прибегла в тот период даже к провокационному запугиванию возможными ответными акциями со стороны России, вплоть до применения ею вооруженных сил, якобы стоящих наготове у «почти открытых восточных границ» Оттоманской империи [3].

Установив фактический контроль над вооруженными силами Турции и имея активную поддержку ее самых влиятельных кругов, правительство Германии было уверено, что оно может склонить Турцию к заключению союза в любое время и поэтому не спешило с принятием на себя союзнических обязательств по отношению к Турции.

Практические соображения, которыми при этом немцы руководствовались, сводились к следующему: во-первых, они не хотели преждевременно обострять отношения с европейскими державами, и прежде всего с Россией; русская дипломатия, зная об антирусских настроениях в правящих кругах Османской империи, пристально следила за событиями в Стамбуле.

Во-вторых, было очевидным, что необходимое улучшение военно-экономического потенциала Турции требовало значительных затрат, которые могли быть покрыты только за счет внешних займов. Пока Турция оставалась нейтральной, эти займы можно было получить и от стран Антанты. Это избавляло Германию от бремени подготовки к войне своего весьма слабого союзника.

Отношение правительственных кругов Германии к заключению союза с Турцией, однако, резко изменилось после убийства сербской террористической организацией 28 июня 1914 г. в г. Сараеве наследника австрийского престола Франца Фердинанда, когда обстановка в Европе крайне накалилась и сомнений в близком начале большой войны не оставалось.

После обмена мнениями с некоторыми членами турецкого правительства в конце июля 1914 г., в соответствии с инструкциями кайзера, министерство иностранных дел Германии предложило послу империи в Стамбуле Вангенгейму поставить в известность турецкое правительство о согласии Германии начать переговоры о заключении союзнического договора.

У турецкой стороны, естественно, давно были готовы соответствующие предложения, с которыми она не замедлила ознакомить немцев. Турецкий проект договора предусматривал заключение оборонительного и наступательного союза против России на длительный период, а также предоставление Германии

[стр. 48]

права командовать четвертой частью турецких войск в случае войны [4].

Однако турецкий проект договора не удовлетворял правительство Германии, и оно предложило свой проект, который и был принят за основу германо-турецкого тайного договора о союзе, заключенного 2 августа 1914 г., т. е. через день после объявления кайзеровской Германией войны России.

Договор был заключен на срок до конца 1918 г. и предусматривал защиту Турции лишь при нападении на нее России (ст. 4). В случае же объявления войны Турции другими

государствами, в том числе союзниками России, Германия не обязана была выступать на стороне Турции. По договору фактическое руководство турецкой армией переходило в руки германской военной миссии (ст. 3). Это был один из неравноправных договоров, заключенных в угоду германскому империализму [5].

Для судеб Закавказья германо-турецкий договор мог иметь крайне отрицательное значение. Он превращал Закавказье в случае возникновения конфликта не только в объект открытых захватнических устремлений империалистических сил, но и в непосредственный театр военных действий; в дальнейшем так оно

и случилось.

Идя навстречу просьбам младотурецких руководителей и принимая во внимание военную неподготовленность Турции, представитель Германии еще во время подписания договора дал согласие на вступление Турции в войну де-факто лишь после проведения ею мобилизации и осуществления других мер по усилению обороноспособности страны.

С учетом этой договоренности турки немедленно объявили всеобщую мобилизацию. А чтобы выиграть время для ее проведения, Турция официально опубликовала заявление о соблюдении нейтралитета. Вместе с тем турецкая дипломатия предприняла попытки завязать закулисные переговоры с Россией якобы для заключения оборонительного союза[6].

О целях турецкого нейтралитета Джемаль-паша — один из членов неофициального «триумвирата» (Энвер, Талаат-паша, Джемаль), фактически правивший Турцией накануне и во время первой мировой войны,— в своих записках указывал: «Мы объявили себя нейтральными только для того, чтобы выиграть время, мы ждали момента, когда наша мобилизация закончится и мы сможем принять участие в войне»[7].

Одновременно с объявлением нейтралитета в восточных вилайетах Османской империи, граничащих с Закавказьем, было введено военное положение, усилилась охрана границы с Россией, активизировалась разведывательная деятельность турецкой резидентуры в пограничных районах.

В Стамбуле были получены настоятельные рекомендации из Берлина ускорить осуществление мер, могущих вызвать волне-

[стр. 49]

ния и другие беспорядки среди мусульманского населения Кавказа [8].

По прямому указанию самого кайзера при генеральном штабе германской армии создается специальное подразделение, на которое возлагается организация подрывной деятельности в тылу противника. Это подразделение должно было, в частности, выйти на связь с националистическими деятелями Грузии, Марокко, Ливии и ряда других стран, находившихся под властью держав Антанты. В Берлине надеялись таким образом организовать и активизировать сепаратистские движения, способные ослабить в какой-то мере военно-политический потенциал противников Германии[9].

Хотя прогермански настроенные младотурецкие лидеры, и прежде всего Энвер-паша, были довольны заключением союза с Германией, однако на первых порах Турция не особенно торопилась с выступлением против Антанты. В Стамбуле какое-то время выжидали, и эта выжидательная позиция не осталась незамеченной правительством Германии. В связи с этим в посольство Германии в Стамбуле поступили одно за другим предписания с требованиями Берлина сделать все, чтобы максимально взвинтить антирусские настроения в Турции [10].

Кроме того, чтобы крепче связать Османскую империю с Тройственным союзом и сделать турецкое правительство более послушным, правительство кайзера Вильгельма II обещало туркам оказать содействие в ликвидации капитуляционного режима [11], возврате Турции ряда территорий, когда-то входивших во владения султана, а также оказать финансовую помощь Турции и максимально учесть турецкие интересы в послевоенном устройстве Европы и

Ближнего Востока.

Конкретно авансы Берлина турецкому правительству выглядели так. Германское правительство через своего посла Вангенгейма передало туркам согласие на расширение территории Османской империи на Востоке за счет присоединения к ней некоторых областей Закавказья [12]. Однако, имея в виду собственные интересы в Закавказье, германское правительство точно не указывало, какие именно области Закавказья оно намерено отдать Турции. В соответствующем письме Вангенгейма великому визирю Сайду Халиму по этому поводу говорилось лишь о расширении территории Турции на востоке таким образом, «чтобы она имела прямую связь с мусульманскими элементами в России» [13].

Робкие колебания в правящей верхушке младотурок быстро были преодолены, и Германия гарантировала себе вступление Турции в войну против стран Антанты.

Подготовка Турции к войне была значительно ускорена после 10 августа, когда германские военные корабли «Гебен» и «Бреслау» под командованием адмирала Сушона вошли в Дарданеллы.

[стр. 50]

Турецкое правительство, опасаясь протестов со стороны правительств стран Антанты, оформило фиктивную покупку этих кораблей. На кораблях были подняты турецкие флаги, на немецких матросов надеты фески, а адмирал Сушон провозглашен командующим турецкими морскими силами.

В этот же период в Турцию начинают прибывать значительные контингента немецких военнослужащих, доставляются военное снаряжение и боеприпасы. Уже к началу сентября 1914 г. все важнейшие посты в турецких вооруженных силах или находились в руках немцев, или контролировались ими. Кроме того, на каждом военном корабле, входящем в турецкий флот, находился немецкий офицер, к каждому укрепленному пункту береговой обороны был прикомандирован немецкий специалист. Примерно с середины августа турки начали интенсивно укреплять район Эрзерума и другие опорные пункты, расположенные вдоль границы с Россией. Под руководством и при непосредственном участии немецких специалистов возводились фортификационные сооружения, устанавливались орудия, завозились боеприпасы и провиант для крупных воинских соединений [14].

Для инспектирования подготовки турецких войск к боевым действиям на Востоке 18 августа в Эрзерум прибыл сам Лиман фон Сандерс в сопровождении многочисленной группы немецких офицеров.

С первых чисел сентября в непосредственной близости у русско-турецкой границы начали появляться конные разъезды и отряды турецких солдат, немецкие и турецкие офицеры открыто проводили рекогносцировку местности. Участились случаи провокаций на границе. 15 и 23 сентября в районе Карса имели место стычки между русскими солдатами и вторгшимися турецкими отрядами. К середине октября у кавказской границы уже были сосредоточены основные силы 3-й турецкой армии, подкрепленные четырьмя курдскими кавалерийскими дивизиями. Общая численность войск к этому времени достигала 135 тыс. человек [15].

Этими силами Турция, согласно разработанному немецкими советниками плану, должна была нанести удар по Закавказью и, завязав бои на его территории, сковать там русские войска с тем, чтобы лишить генеральный штаб русской армии возможности использовать эти части в качестве подкрепления для западного фронта.

Пока боевые действия в Европе развивались для германской армии благоприятно, немцы не предъявляли к туркам особых требований, не настаивали на открытом выступлении турецкой армии на стороне Германии. Однако после вторжения русской армии в Восточную Пруссию и поражения кайзеровских поиск на Марне (сентябрь 1914 г.), а также разгрома австро-венгерских войск в Галиции правящие круги Германии предприняли

[стр. 51]

усиленный нажим на Турцию, чтобы она немедленно вступила в войну.

Посольству Германии в Стамбуле было дано категорическое указание подтолкнуть правительство Турции к открытию военных действий с тем, чтобы оттянуть русские войска к Кавказу и блокировать сообщение России с союзниками через черноморские проливы [16]. Одновременно Германия предоставляет Турции крупный заем (100 тыс. фр. золотом).

Под давлением немцев в Стамбуле еще в сентябре принималось решение направить флот к берегам России, предпринять высадку десанта в районе Одессы и на Кавказском берегу [17]. Но затем турецкое правительство отчасти под влиянием сторонников политики нейтралитета, отчасти опасаясь последствий планируемой акции, изменило свои намерения.

Тогда правящие круги Германии, чтобы заставить Турцию немедленно вступить в войну, решили использовать свое влияние в турецких вооруженных силах. Замысел при этом состоял в том, чтобы «совершенно неожиданно напасть на русские черноморские порты, действуя одновременно всеми боеспособными кораблями объединенного германо-турецкого флота, и произвести настолько значительные разрушения, чтобы ни Россия, ни Турция не могли уже пойти на попятную» [18].

При содействии Энвер-паши немцам удалось реализовать свой замысел и поставить Турцию перед «совершившимся фактом». 22 октября Энвер-паша подписал продиктованный немцами секретный приказ, обращенный к объединенному германо-турецкому военно-морскому флоту, в котором было сказано: «Турецкий флот должен добиться господства на Черном море. Найдите русский флот и атакуйте его без объявления войны, где бы вы его ни нашли» [19].

27 октября под предлогом проведения военных учений германо-турецкий флот вышел в Черное море. Здесь в открытом море личному составу кораблей был объявлен приказ о нападении на русский флот и поставлены конкретные боевые задачи.

29—30 октября германо-турецкий флот совершил нападение на Севастопольский порт, а также порты Одессы, Феодосии и Новороссийска. Было потоплено несколько русских пароходов и одно французское торговое судно, из военных кораблей удалось потопить канонерскую лодку «Донец» и заградитель «Прут». Береговые сооружения указанных портов подверглись существенным разрушениям.

2 ноября Россия объявила войну Турции. На следующий день, 3 ноября 1914 г., в Закавказье начались боевые действия.

Начало военных действий на Кавказском фронте. Провал германо-турецкого плана вторжения в Закавказье

Вступление Турции в войну на стороне Германии и ее союзников привело к открытию трех новых фронтов первой мировой войны — Кавказского, Месопотамского и Сирийско-Палестинского. Из них в политическом и стратегическом отношениях наиболее важное значение имел Кавказский фронт. Это обусловливалось целым рядом обстоятельств, среди которых можно выделить следующие.

Боевые действия на данном фронте были направлены непосредственно против одной из главных держав Антанты, которая сковывала на Восточном фронте в Европе с начала войны 30%, а в последующем до 50% всех вооруженных сил центральных держав.

Царская Россия вынуждена была выставить против Турции вооруженные силы общей численностью около 200 тыс. человек, что исключало возможность использования этих сил для наращивания наступательной мощи русской армии на Западном фронте в стратегически выгодные периоды.

В случае успеха спланированного немцами турецкого наступления на Закавказье Россия лишалась важнейшего пути, связывающего ее через Персию с союзниками. Закрытие проливов, блокада коммуникаций оказались бы серьезным ударом по странам Антанты.

Хотя Турция и располагала значительными людскими и экономическими ресурсами, однако в военном отношении страна была крайне слабо подготовлена и сколько-нибудь существенно поколебать соотношение сил воюющих группировок, естественно, не могла. Тем не менее вступление Турции в войну на стороне Центральных держав в период их неудач на западных фронтах сыграло роль важного морального фактора. В Германии и Австро-Венгрии этому фактору придавалось особое значение; там были уверены в существовании всеобщей мусульманской солидарности с Османской империей, в том числе и среди народов России.

Открытие Кавказского фронта знаменовало собой переход к практическому осуществлению двух взаимоисключающих оперативно-стратегических концепций. С одной стороны — царской России, стремившейся к захвату Черноморских проливов и присоединению ряда областей Турции, а с другой — немецких и турецких захватчиков, намеревавшихся отторгнуть у России все Закавказье.

Исход борьбы на Кавказском фронте имел исключительно важное значение и для судеб народов Закавказья. После почти 100-летнего перерыва они вновь оказывались под угрозой нашествия иноземных захватчиков.

[стр. 53]

Сразу же после объявления войны боевые действия начались на всем протяжении русско-турецкой границы. Но наиболее упорный характер они носили в районе Эрзерума, стратегически важного пункта Азиатской Турции, где противостояли друг другу основные силы воюющих сторон [20].

Русским войскам, предпринявшим контрнаступление, в первые же дни удалось отразить нападение турок и даже отбросить их за первоначальные позиции, занимаемые ими на центральном участке до начала боевых действий. На южном же направлении русские войска вторглись в Баязетскую и Алашкерскую долины, а на северном — ударом из Олту на Ид создали угрозу важнейшим коммуникациям 3-й турецкой армии. К 6 ноября, преодолев сопротивление турок, части русской армии овладели Кеприкейскими укрепленными позициями у Пассинской долины, примыкавшей с запада непосредственно к Эрзе-румскому укрепленному району. Однако в результате просчетов, допущенных командованием, части русской армии не смогли закрепиться на достигнутых рубежах.

Турки, перегруппировав свои силы, 11 ноября перешли в контрнаступление. В ходе завязавшихся упорных боев они сумели создать перевес сил на правом фланге русских войск, прорвали их оборонительные заслоны и глубоко продвинулись в направлении Карса. Чтобы избежать обхода с фланга, русские войска 12 ноября отошли на линию Али-Калиса — Ардос — Хорасан. Одновременно с этим командование русской армии ввело свои резервы, с подходом которых бои развернулись с новой силой на всех участках фронта. Соединения русских войск сражались, проявляя свойственные им упорство и отвагу. В этих боях особо отличились солдаты 1-й кубанской пластунской бригады генерала Крыжановского. Солдаты этой бригады в течение суток дважды под покровом ночи форсировали бурный Аракс: под утро 17 ноября, перейдя на левый берег реки, они стремительным ударом разгромили двигавшуюся вдоль реки турецкую пехотную дивизию; затем, на исходе дня, с наступлением темноты, части бригады снова вернулись на правый берег Аракса и своим внезапным появлением перед позициями противника обратили в бегство другую турецкую пехотную дивизию, намеревавшуюся было предпринять наступление на русские позиции.

Восстановив положение на своем правом фланге, русские войска усилили давление на турок по всему фронту. 19 ноября турки вынуждены были перейти к обороне, а затем начали общее отступление. Русское командование, не желая рисковать в условиях капризной горной зимы, сочло благоразумным не преследовать противника, а занять оборону по линии Маслагет — Азапкей — Арди. Эта линия проходила западнее первоначальных позиций русских войск, но от достигнутого в первые дни наступления рубежа ее отделяло значительное расстояние.

[стр. 54]

Так завершились на центральном участке трехнедельные бои, известные под названием

Кеприкейской операции [21].

Хотя эта операция привела к некоторым тактическим успехам турок, однако в ходе ее выявились слабые стороны 3-й турецкой армии и, прежде всего, несостоятельность планов военных операций, разработанных с помощью немецких штабистов.

Более результативными были действия русских войск на южном участке. Здесь они значительно продвинулись в сторону Вана и заняли ряд важных пунктов на территории Турции. Это давало возможность, с одной стороны, перекрыть пути, идущие из Турции в Азербайджан через Персию, а с другой — в случае развития наступления войти в контакт с английскими союзниками на Месопотамском фронте.

Неблагоприятная обстановка сложилась для русских войск в первые дни войны на северном участке фронта (Трапезундское направление). На выдвинутый к русско-турецкой границе отряд возлагалась задача лишь ведения активной обороны дальних подступов к важному в стратегическом отношении Батумскому району. Здесь русским войскам противостояли главным образом пограничные части турок. Цепи лесистых гор, тянувшиеся поперек прибрежной полосы, благоприятствовали оборонительным действиям. Однако неожиданно высадившимся в районе Хопа двум турецким пехотным полкам под командованием немецкого офицера Штанке удалось потеснить прибрежную группу русских войск и просочиться в Чорохское ущелье. Не встречая серьезного сопротивления, отряд Штанке добрался до местечка Борчха, которое было занято им почти без боя. Отсюда, пополненный группами повстанцев из числа отуреченных жителей ряда аджарских деревень, Штанке повел наступление по двум направлениям: на север, в сторону Батуми, и на восток, “в сторону Ардагана и Ахалкалаки. Вскоре туркам удалось занять Артвин и Ардануч.

Части русских войск, отступив в Батумском направлении, заняли оборону вдоль р. Аджарисцкали, у самых подступов к городу.

Первые бои на Кавказском фронте совпали по времени с Лодзинским наступлением немцев на русско-германском фронте [22]. Как известно, потерпев неудачу на западе, германское командование решило перенести центр тяжести войны на восточный театр военных действий [23]. Надо было предотвратить вступление русских войск в Германию, спасти от разгрома основного союзника Германии — Австро-Венгрию. Для того чтобы не дать возможности русским использовать Кавказскую армию на западе, немцы торопили турок вступить в войну, а затем ускорить наступление на Закавказье.

Однако у турок и их немецких советников сил хватило в первые недели войны только на Кеприкейскую операцию и на прорыв отряда Штанке, которые, разумеется, не могли серьезно

[стр. 55]

повлиять на события европейского театра военных действий. Поэтому немцы, естественно, были недовольны итогами первых боев на Кавказском фронте. Когда после Кеприкейской операции командующий 3-й турецкой армией Хасан Изет-паша потребовал передышки для отдыха и пополнения армии, то по подсказке Лимана фон Сандерса он был отстранен от занимаемой должности. Во главе 3-й армии встал сам военный министр Энвер-паша, а в качестве начальника штаба к нему был прикомандирован немецкий генерал Бронзарт фон Шелендорф. Все важнейшие отделы штаба возглавили также немецкие офицеры, целые расчеты батарей были укомплектованы немецкими артиллеристами. Почти месяц турки и их немецкие инструкторы готовились к наступлению. На ряде участков фронта за счет резервов было достигнуто численное превосходство над русскими частями. Отряд Штанке был увеличен почти вдвое.

22 декабря турецкая армия перешла в наступление по всему фронту. В завязавшихся боях русская Кавказская армия, умело используя горный ландшафт, успешно отражала атаки турок. Но последние, создав численное превосходство на узком участке Олтинского и Сарыкамышского направлений, сумели все же потеснить русские части.

25 декабря турки заняли ряд укрепленных пунктов, прикрывавших правый фланг

Сарыкамышской группы русских войск. Линия фронта подошла непосредственно к Сарыкамышу. В этот же день отряд Штанке занял г. Ардаган.

Положение русской армии становилось критическим. Казалось, что разработанный Шелендорфом и его штабом план окружения и разгрома Кавказской армии и захвата Закавказья был близок к осуществлению.

Однако Кавказский фронт не дрогнул. Русская армия выдержала натиск противника. Решающую роль в этом сыграли мужество, отвага и военная выучка русского солдата, храбрость и ратное мастерство отдельных командиров старой армии. В составе русской Кавказской армии, в ее регулярных и добровольческих частях плечом к плечу с русскими, украинцами и другими представителями народов Российской империи мужественно сражались с неприятелем десятки тысяч сыновей народов Закавказья. Захватнические цели затеянной империалистами войны были им, разумеется, чужды, однако угроза родному очагу, да еще со стороны турецких захватчиков, причинивших в прошлом народам Закавказья немало вреда, сыграла свою роль. Местное население, сражаясь бок о бок с русскими солдатами, проявляло традиционные боевые качества, выработанные в многовековой борьбе с иноземными захватчиками.

Собственно, на это и рассчитывали, как будет ниже показано, царское правительство, господствующие классы и все оборонцы. И, надо сказать, не без основания. В этой связи нельзя игнорировать, в частности, и тот особый настрой армян — сол-

[стр. 56]

дат русской армии, который создавался в результате антиармянской политики правящих кругов Османской империи.

Упорное сопротивление оборонявшихся частей русской армии позволило командованию осуществить перегруппировку сил, подтянуть подкрепления и направить их на те участки фронта, где складывались критические ситуации.

На помощь частям генерала Геника, ведшего тяжелые бои с отрядом Штанке, из Ахалцихе подоспела сибирская казачья бригада генерала Калитина.

В подкрепление войскам, оборонявшимся на Олтинском направлении от превосходящих сил противника, из-под Карса двинулась 3-я кавказская стрелковая бригада под командованием генерала Габаева.

В самый трудный для защитников Сарыкамыша час прибыли части генерала Баратова. 29 декабря эти части совместно с частями генерала Крыжановского под общим командованием последнего нанесли туркам под Сарыкамышем внезапный удар. Смелые и решительные действия русских войск вызвали смятение в рядах неприятеля. 1 января 1915 г. один из отрядов русских войск, прорвавшись в тыл противника, занял перевал Бардус, имевший важное значение для развертывания дальнейших наступательных действий. Это ухудшило положение турок.

4 января русские войска перешли в решительное наступление в районе Сарыкамыша. Турки дрогнули. Началось их поспешное отступление, сопровождавшееся огромными потерями личного состава и военного снаряжения [24].

В районе Ардагана Сибирская казачья бригада наголову разбила отряд Штанке. Турки потеряли несколько тысяч человек убитыми, ранеными и пленными. Почти все боеприпасы и снаряжение отряда были захвачены. Остатки отряда двинулись в сторону Олты, но в пути были настигнуты и окончательно разгромлены. Сам Штанке в сопровождении нескольких сот человек успел бежать в сторону Хопа.

5 января русскими войсками было полностью восстановлено положение, которое они занимали до наступления турок.

В этих боях, известных под названием Сарыкамышской операции, туркам был нанесен сокрушительный удар. Турецкая 3-я армия потеряла две трети своего состава. Энвер-паша и

генерал Бронзарт фон Шелендорф, оставив войска, бежали в Константинополь.

Перенося боевые действия в основном на турецкую территорию, русские войска закрепились на занятых позициях.

Сарыкамышская операция, завершившаяся полным провалом немецко-турецких планов, оказала существенное влияние на соотношение сил на Ближневосточном театре военных действий. Турки вынуждены были снять с Месопотамского и Сирийско-Палестинского фронтов войска, чтобы преградить путь русским на Востоке.

[стр. 57]

В свою очередь, западные союзники по Антанте, опасаясь, что Россия еще до окончания войны может достичь своих целей в отношении проливов и ряда турецких территорий, решили высадить в марте 1915 г. десант в районе Дарданелл. Однако, как известно, это предприятие закончилось неудачей [25].

Военные действия в последние месяцы 1915 г. почти на всех фронтах на европейском театре оказались неудачными для союзников по Антанте [26].

Русские войска вынуждены были оставить Польшу, Галицию, Литву и часть Латвии. Наступление англо-французских войск в Шампани и Артуа, так же как и Дарданелльская операция, оказалось безуспешным. Вступление Болгарии в войну на стороне Центральных держав привело к разгрому Сербской армии. Потерпели поражение английские экспедиционные войска в Месопотамии под Ктезифоном.

Единственным театром военных действий, где Антанта добилась успеха в 1915 г., был Кавказский фронт. Несмотря на то что проведенные здесь после Сарыкамышской битвы две операции носили сугубо локальный характер и силы, участвовавшие в них, были невелики, результаты их оказали существенное влияние на политическое и стратегическое положение Центральных держав. Речь идет об Алашкертской и Хамаданской операциях, проведенных русской Кавказской армией.

В 1915 г. протурецкая пропаганда в Персии, Западном Азербайджане и Афганистане, поддержанная немецкой агентурой, достигла широких масштабов. Но дело этим не ограничилось. Неудачи войск стран Антанты на западном театре военных действий при очевидных успехах Центральных держав побудили сторонников Центральных держав перейти к активным действиям.

Шахское правительство под давлением прогермански и протурецки настроенных политических деятелей приняло решение потребовать от России вывода войск из северных областей Персии.

Одновременно немецко-турецкой агентуре, проникшей в командование персидской жандармерии, удалось склонить ее к вооруженному выступлению против русских сил. Наряду с этим в Персии сосредоточилось большое число бежавших из восточных районов России австро-германских военнопленных. Они становились ядром вооруженных отрядов, формировавшихся из местного населения для выступления против русских войск. Оружие для этих отрядов доставлялось из Афганистана. Общее число вооруженных лиц вместе с шахской жандармерией составляло несколько десятков тысяч человек.

Для того чтобы поддержать эти силы ударом против Кавказской армии, турки в районе озер Ван и Урмия сосредоточили крупные воинские соединения. Однако русским войскам упреждающими ударами, нанесенными в течение июля — августа, уда-

[стр. 58]

лось измотать, а затем и окончательно разгромить группировку турок в Алашкертской долине.

Ликвидировав таким образом опасность вторжения турок в Персию, командование русской Кавказской армии приняло решение направить в Персию специальный экспедиционный корпус с целью уничтожения военных формирований, готовившихся выступить против русских.

В начале ноября такой корпус был уже сформирован и во главе с генералом Баратовым 13

числа высадился в порту Энзели. 20 ноября, с марша заняв Казвин, части экспедиционного корпуса развили наступление в направлении Тегерана, Кума и Хамадана [27].

С подходом русских войск к подступам Тегерана в городе началась паника. Жандармские части, готовые было выступить против русских, разбежались. Персидскую столицу спешно покидала немецкая агентура из числа влиятельных лиц в окружении шаха. Правительство поспешило заявить о своей лояльности к странам Антанты. Русские войска заняли города Севе и Кум. В боях с 3 по 16 декабря были частью рассеяны, частью разгромлены все воинские формирования, состоявшие из бывших австро-германских военнопленных. Экспедиционный корпус занял Аве и Хамадан.

Таким образом, прочность тыла левого фланга Кавказского фронта была обеспечена, опасность наступления неприятеля на Тифлис и Баку со стороны Персии ликвидирована.

Русские войска получили возможность войти в контакт с английскими войсками, ведшими тяжелые бои в Месопотамии. Однако англичане не захотели в полной мере использовать открывшиеся в этой связи оперативно-стратегические возможности [28].

Восстановление положения в Персии позволило командованию русской армии высвободить значительные силы, прикрывавшие Закавказье с юга, и использовать их на Кавказском фронте. Но значение итогов Алашкертской и Хамаданской операций не ограничивалось только этим. Весьма существенное значение имело то обстоятельство, что в результате указанных операций долголетние усилия турецких захватчиков и их вдохновителей — германских экспансионистов — использовать мусульман Среднего Востока в борьбе против России оказались сведенными на нет[29]. Авантюристический план пантюркистов провалился.

Наряду с этим в результате Алашкертской и Хамаданской операций впервые блок Центральных держав оказался в своего рода кольце, которое в перспективе могло сомкнуться. Этот факт был предвестником серьезного ухудшения положения германского блока.

Провал германо-турецких планов организации антирусских выступлений в Закавказье

Германо-турецкие союзники в своих захватнических планах в отношении Закавказья, как уже говорилось, особую роль отводили насаждению и широкому распространению антирусского, сепаратистского движения среди народов, населявших этот край.

Насколько эти планы были реальными и в какой мере они могли быть осуществлены, позволяет судить рассмотрение отношения народов Закавказья к войне вообще и к боевым действиям на Кавказском фронте в частности.

Несмотря на то что открытие Кавказского фронта было спровоцировано правящими кругами Германии и Османской империи и формально турки и немцы были нападающей стороной, а царская Россия обороняющейся, несмотря на очевидную справедливость требований защиты прав армянского населения Турции и возврата территорий, ранее принадлежавших народам Закавказья, Кавказский фронт оставался фронтом империалистической войны, войны захватнической, грабительской не только со стороны германо-турецкого блока, но и со стороны царской России [30]. «Задача империалистической политики России, определяемая вековым соперничеством и объективным международным соотношением великих держав, может быть коротко выражена так: при помощи Англии и Франции разбить Германию в Европе, чтобы ограбить Австрию (отнять Галицию) и Турцию (отнять Армению и особенно Константинополь)»[31],— писал В. И. Ленин в разгар первой мировой войны.

Отношение к первой мировой войне различных слоев общества, классов и партий, выражавших интересы этих классов, в Закавказье не было одинаковым.

Наиболее ясную, последовательную позицию в своем отношении к войне занимала сознательная часть трудящихся масс Закавказья, следовавшая за своим боевым авангардом — большевистской организацией края. Большевики Закавказья, твердо придерживаясь ленинских

установок по вопросу войны, мира и революции, оставались до конца верными принципам пролетарского интернационализма, неустанно призывали трудящихся Грузии, Азербайджана и Армении к борьбе против буржуазно-помещичьего строя, против империалистов и империалистических войн [32].

Принципиальная и твердая позиция закавказских большевиков нашла свое убедительное выражение в резолюции, принятой на совещании представителей партийных организаций края, которое состоялось в октябре 1915 г. В резолюции, в частности, говорилось, что война есть следствие империалистической политики всех стран, и путь избавления от нее лежит через уни-

[стр. 60]

чтожение эксплуататорского строя и социалистическую революцию[33].

Огромное значение в интернациональном воспитании трудящихся Закавказья имела всеобщая стачка бакинских рабочих летом 1914 г., совпавшая с объявлением войны, а также их антивоенные выступления в дни всеобщей мобилизации [34].

Несмотря на террор и репрессии царского режима, стачечная борьба в Закавказье не прекращалась. В 1915 г. забастовками был охвачен ряд предприятий Тифлиса и Баку[35].

Эти выступления носили ярко выраженный классовый характер и, разумеется, ничего не могли иметь общего ни с проявлениями национализма, ни с проявлениями сепаратизма. Политически они были одинаково опасны как для русского царизма, так и для германского империализма, имевшего в этих районах, как было показано, весьма серьезные экономические интересы.

Дворянство, национальная буржуазия и духовенство Грузии, Армении и Азербайджана всецело поддерживали в войне царское правительство. На проводимых ими многочисленных «патриотических» собраниях и манифестациях всячески провозносилась политика царского правительства. Война, в которую оно ввергло страну, объявлялась «народной».

Состоявшееся 3 августа 1914 г. чрезвычайное заседание Тифлисской городской думы приветствовало начало войны и выделило в качестве пожертвования в фонд армии значительную сумму денег из собственного бюджета. Подобные пожертвования были сделаны и в других городах Закавказья. Отчисления в пользу казны делались также крупной и средней буржуазией.

Свою воинственность, энтузиазм и лояльность по отношению к политике царизма спешило проявить высшее дворянство Грузии, представители которого занимали крупные посты в русской армии и аппарате царского правительства [36]. В приветственных телеграммах в связи с началом войны дворяне Тифлисской и Кутаисской губерний рапортовали царю о своей верности «отечеству и троку» и готовности «биться» против врагов империи.

Но особое усердие в проявлении верноподданнических чувств демонстрировала армянская буржуазия, и прежде всего ее наиболее состоятельная часть. Это объяснялось тем, что, с одной стороны, война, как и всей буржуазии страны, сулила ей огромные барыши, а с другой стороны, она связывала с победой царской России в войне решение армянского вопроса в интересах национальной буржуазии.

Начало войны с Турцией вызвало подъем новой волны националистического угара в Закавказье. Господствующие классы и выражавшие их интересы политические партии, ухватившись за популярные требования воссоединения всех земель, ранее

[стр. 61]

принадлежавших народам Закавказья, пытались представить участие в войне на Кавказском фронте как проявление патриотического долга, как благородную историческую миссию.

Наиболее активно в этом плане выступала армянская буржуазно-националистическая партия «Дашнакцутюн», связывавшая свои надежды с успехами политики империалистической буржуазии стран Антанты.

В связи с началом боевых действий на Кавказском фронте в ноябре 1914 г. царь предпринял путешествие в Закавказье. Дворянство и представители крупной буржуазии, чрезвычайно довольные этим шагом царя, устроили ему в Тифлисе торжественную встречу. В выступлении во время одного из приемов царь, говоря о войне с Турцией, счел нужным апеллировать к национальным чувствам народов Закавказья. Обращаясь к представителям высшего дворянства Грузии, он напомнил о заслугах их предков в борьбе против «общих» врагов и выразил уверенность в скорейшем разгроме неприятеля, осмелившегося вторгнуться в пределы Закавказья.

Довольный оказанным приемом и проявлением верноподданнических чувств, царь обещал представителям имущих классов Закавказья провести либеральные реформы в крае вплоть до предоставления автономии по образцу Польши и Финляндии.

Приезд царя дал новый толчок «патриотической» шумихе. Ускоренными темпами происходило формирование добровольческих отрядов и дружин, немедленно отправлявшихся в действующую армию. Наиболее успешно шло формирование дружин в Армении. Одновременно проходила мобилизация призывников для пополнения регулярных частей Кавказской армии.

В августе 1915 г. графа Воронцова-Дашкова на посту наместника царя на Кавказе сменил великий князь Николай Николаевич Романов. Смена наместника была связана с политикой заигрывания царизма с местным дворянством и буржуазией, целью которой было усиление их поддержки в империалистической войне.

В соответствии с данной в Петербурге инструкцией, новый наместник не скупился на обещания насчет грядущих реформ, но только после победы в войне. Характерно, что при всем этом царизм для укрепления своих позиций на Кавказе по-прежнему прибегал к разжиганию национальной розни. Политика искусственного насаждения духа соперничества, взаимного недоверия и вражды между народами Закавказья проводилась еще более утонченно, с еще большими ухищрениями, чем это делалось в мирное время [37].

Мелкобуржуазные соглашательские партии Закавказья, прикрывавшиеся лжереволюционной фразеологией, с самого начала встали на позиции оборончества, поддержав тем самым империалистическую буржуазию. Эти партии сыграли главную роль в одурманивании националистическим угаром значительной ча-

[стр. 62]

сти населения Закавказья, и прежде всего мелкобуржуазных слоев города и деревни.

Царское правительство имело все основания быть довольным поведением эсеров и меньшевиков Закавказья.

Несмотря на свою приверженность к панисламизму и пантюркизму, политику царя в войне поддерживали также и мусаватисты — члены буржуазно-помещичьей националистической партии в Азербайджане.

Вопреки ожиданиям турок и немцев идеи и лозунги панисламизма в Азербайджане оказались непопулярными. Организовать здесь в период решающих боев на Кавказском фронте что-либо наподобие антирусского выступления турецкая агентура так и не смогла. По словам самих немцев, турки не нашли в среде азербайджанской общественности того широкого сочувствия, на которое они рассчитывали в предвоенные годы[38].

Красноречивым признанием этого факта явилось обращение Энвер-паши к турецким солдатам после неудач на Кавказском фронте. Он писал: «Наши единоверцы, на помощь которых мы имели право рассчитывать, оказались в большинстве недостойными имени мусульман, и проклятие пророка — над их головами»[39].

Также тщетными оказались надежды германских империалистов и их агентуры в Грузии. Идея отделения от России, да еще с помощью внешних сил, была чуждой грузинскому народу. Жалкие потуги немецкой агентуры, пытавшейся распространять идеи сепаратизма, не

находили никакой поддержки.

Мнение широкой демократической общественности по поводу самой идеи использования немецко-турецких сил для достижения независимости Грузии нашло свое выражение в резолюции, принятой собранием студентов-грузин, обучавшихся Б петроградских высших учебных заведениях. В резолюции, в частности, говорилось: «Рабочему классу и угнетенным народам России не в состоянии принести свободу ни правительство России, ни правительства Германии или Турции. Дело достижения свободы для нашей страны в руках русского пролетариата и всех передовых демократических сил России... Модные разговоры об избрании тех или иных внешних ориентации мы считаем игрой воображения беспринципных людей. Мы не можем построить свои политические планы на основе поддержки турецкого государства, правительство которого держит свой народ в состоянии безмолвного рабского повиновения»[40].

Эта резолюция в 1915 г. была размножена и распространена во многих городах России, где обучалась грузинская молодежь[41].

То, что турки не смогли найти опору в Грузии, зафиксировал даже Особый отдел царского полицейского департамента. В информации отдела о положении в Закавказье от 30 ноября 1914 г. говорится: «В Грузии трудно найти человека, кото-

[стр. 63]

рый сознательно высказывал бы желание стать на стороне турок» [42].

Что касается армянского населения Закавказья, то о его сочувственном отношении к планам Турции или Германии не могло быть и речи. Немцы при каждом удобном случае с раздражением подчеркивали «проантантовские настроения армян» [43], их ненадежность в смысле участия в протурецких или прогерманских выступлениях.

Таким образом, ни в одном из общественных классов, ни в одной из прослоек, народностей или значительных групп населения немцы и турки не могли найти опоры для реализации своих широко задуманных планов организации антирусского сепаратистского движения в Закавказье.

Единственными, на кого они могли опереться, оказались группы грузинских и азербайджанских эмигрантов, осевших в Германии и Турции и ставших прямой агентурой империализма.

Однако даже от них для немцев и турок большого прока не было. Правда, туркам удалось забросить несколько вооруженных банд в Иранский Азербайджан, где они занимались нападением на русские обозы и грабежом населения. Но найти себе опору в народе они не смогли. Выдавать их действия за движение сопротивления против русских даже турки не осмеливались. Эти банды были уничтожены сразу же после пресечения немецко-турецких происков в Иране экспедиционным корпусом Баратова.

Наиболее ярким примером провала планов организации антирусских выступлений в Закавказье явился бесславный конец деятельности грузинского Комитета независимости.

Пожалуй, стоит несколько подробнее остановиться на этом.

По первоначальному замыслу, одобренному генеральным штабом вооруженных сил Германии, этот комитет должен был обеспечить создание многочисленных диверсионно-повстанческих отрядов, которые, будучи заброшенными в Закавказье, послужили бы ядром массового движения грузин, а затем и других народов Закавказья против России [44].

Предполагалось также еще до того, как начнется их заброска, несколько таких отрядов использовать для спровоцирования на русско-турецкой границе крупного инцидента, способного ускорить вступление Турции в войну [45].

В этой связи специальное подразделение генерального штаба сочло необходимым уже в первых числах сентября 1914 г. по согласованию с министерством иностранных дел Германии начать переброску в Турцию членов Комитета независимости и ряда грузинских эмигрантов,

проживавших в разных странах Европы.

Одним из первых в Турцию был направлен Л. Кереселидзе. По этому поводу германский посланник в Берне (Швейцария) Ромберг 29 августа 1914 г. докладывал в Берлин: «Грузин сего-

[стр. 64]

дня выехал через Вену в Константинополь. Ему вручен консульский паспорт, в котором он значится как эльзаслотарингский житель под именем Лео Керелле. Его билет до пункта назначения оплачен консульством»[46].

Через три недели после этого за Кереселидзе последовали другие члены комитета. Они также были снабжены немецкими паспортами и выступали под именами Нестора Моурбанда, Пьера Сурате, Пауля Келлинга, Георга Керелле и др. По сообщению того же Ромберга, шесть других сторонников комитета находились в пути из Франции в Константинополь, а остальные должны были «выехать из Женевы позже»[47]. Общее число эмигрантов, прибывших в Турцию, не превышало трех десятков. По указанию из Берлина ответственным за руководство деятельностью комитета был назначен поверенный в делах Германии в Стамбуле Лоис Мозель. В начале же сентября 1914 г. он вместе с Л. Кереселидзе (т. е. Керелле) выехал в Лазистан для подбора места расквартирования и боевой подготовки будущих диверсионно-повстанческих отрядов, а также выбора и изучения участка русско-турецкой границы, подходящей для осуществления санкционированной Берлином провокационной акции [48]. К концу сентября 1914 г. Мозель вернулся в Стамбул и доложил послу Германии о результатах своей поездки.

Все подготовительные мероприятия, судя по его докладу, были как будто осуществлены. Дело стало за небольшим — желающих записаться в диверсионно-повстанческие отряды оказалось слишком мало. Оставалось одно — использовать в этих целях грузин, попавших в плен на русско-германском фронте. Члены Комитета независимости не только подали эту идею, но и взялись за осуществление этого неблаговидного дела. Надеясь на успех, они вышли с предложением предоставить им в распоряжение трофейное вооружение русского производства в количестве, достаточном для оснащения воинского соединения численностью до 20 тыс. человек [49].

24 сентября 1914 г. по требованию министерства иностранных дел Германии Георгий Мачабели и Михаил Церетели представили письменно свой план «Отделения Закавказья от России и его последующего политического устройства».

Центральное место в этом плане занимали организация вооруженного мятежа и срыв мобилизационного плана в Закавказье, подрыв боеспособности русской Кавказской армии и осуществление других акций, могущих привести к ослаблению России в целом и склонению ее к заключению мира с Германией. После отделения от России, по представлению авторов плана, Закавказье должно было конституироваться как независимая федеративная республика [50].

В плане отчетливо не говорилось о взаимоотношениях, которые предусматривалось установить в будущем между Закфедерацией и кайзеровской Германией. Но на этот счет у берлинских

[стр. 65]

стратегов сомнений не оставалось. Они были уверены, что таким образом их господство в Закавказье будет обеспечено.

План, предложенный двумя руководителями комитета, естественно, был лишен реальных оснований. Тем не менее в правящих кругах Германии сочли возможным приступить к его осуществлению. Для формирования грузинских «добровольческих отрядов» срочно выделили 200 тыс. немецких марок [51]. Соответствующим ведомствам было дано указание о сборе нужного количества трофейного оружия [52], а также о выявлении среди русских военнопленных лиц грузинского происхождения и осуществлении их соответствующей обработки [53].

К середине октября 1914 г. действительно было собрано нужное количество трофейного

оружия. Эшелон из 26 вагонов с этим оружием был направлен из Кенигсберга в Константинополь [54]. Что же касается набора живой силы в диверсионно-повстанческие отряды, то тут опять произошел конфуз. В 19 обследованных лагерях для русских военнопленных лиц грузинского происхождения оказалось всего лишь 881 человек, в их числе 7 офицеров, один врач и один гражданский чиновник[55].

80% всего числа пленных по ранению, болезни и общему физическому состоянию не могли быть пригодными для несения военной службы. Остальные 20%, не составлявшие даже двухсот человек, отнеслись к предложению своих соотечественников из Комитета независимости весьма подозрительно.

Несмотря на уговоры эмигрантов и специально выделенных для этого немецких офицеров, большинство тех пленных, которые были в состоянии нести службу, не пожелали идти в добровольческий отряд. В результате к началу боевых действий на Кавказском фронте удалось собрать лишь небольшой отряд в составе около 300 человек, получивший от немцев весьма громкое название — «грузинский легион». Он был сколочен в основном из грузин-мусульман — жителей Турции. Этот, с позволения сказать, «легион» под командованием Л. Кереселидзе принимал участие в боях на батумском направлении в составе отряда Штанке, который, как уже говорилось выше, полностью был разгромлен.

Чтобы как-то оправдать расходы, затраченные на создание отряда Кереселидзе, Вангенгейм специально докладывал в МИД Германии о «храбрости, проявленной его бойцами в первых боях на Кавказском фронте»[56]. Вместе с тем посол сетовал на то, что работа по расширению «легиона» и активизации его деятельности наталкивается на отрицательное отношение турок.

Турки, претендовавшие на все Закавказье, и слышать не хотели о его самостоятельности, поэтому их не очень-то устраивала деятельность грузинского комитета и особенно наличие у него вооруженного отряда. Мозель и сам Вангенгейм всячески пытались их успокоить, но безуспешно.

С учетом всех этих обстоятельств еще в середине октября

[стр. 66]

1914 г. Мачабели и Церетели по настоянию немцев вынуждены были внести поправку в свою первоначальную докладную записку от 24 сентября. Они в качестве дополнения к ней составили новую записку, озаглавленную: «Проект нейтрализации Кавказа и его будущей политической организации»[57].

В этом документе речь шла уже не о создании единой Закавказской федеративной республики, а об образовании на территории всего Кавказа трех государственных объединений: Грузинского государства (с конституционно-монархическим строем). Армяно-татарского кантона и Федерации горских народов.

Члены Комитета независимости при посредничестве немцев добивались, чтобы турки официально признали их планы относительно создания самостоятельного грузинского государства. Однако турки в каждом случае уходили от прямого ответа. По этому поводу Вангенгейм 28 ноября 1914 г. докладывал рейхсканцлеру следующее: «При переговорах с турецкими ведомствами Кереселидзе в известной степени нашел покровительство, однако он натолкнулся на упорное сопротивление, когда стал настаивать на том, чтобы турецкое правительство незамедлительно дало официальное заверение в том, что Турция признает будущую Грузию в указанных границах в качестве независимого государства... Мозель, пользующийся в кругах комитета определенным авторитетом, пытался устранить эти разногласия; открытого конфликта удалось избежать, однако он не смог воспрепятствовать тому, что планам Кереселидзе оказана только незначительная поддержка с турецкой стороны» [58].

Немного позже Вангенгейм вышел с предложением в МИД Германии сменить Мозеля в качестве ответственного за работу с грузинским комитетом и поручить заботы о комитете

бывшему консулу Германии в Тифлисе графу фон Шуленбургу [59]. Это фактически было равносильно признанию провала планов, связанных с деятельностью грузинских сепаратистов, и прежде всего той части плана, которая предусматривала осуществление с их помощью провокаций на русско-турецкой границе еще до появления на Черном море немецких кораблей.

В Берлине пошли навстречу пожеланиям посольства, и граф фон Шуленбург был назначен ответственным «за организацию освободительного движения в Закавказье». В приказе о назначении Шуленбурга должность его именовалась «офицер связи по Кавказу». “ На него возлагались следующие функции: «а) подготовка и осуществление на Кавказе акций, результатом которых было бы возбуждение антирусских настроений, и организация мятежей; б) налаживание взаимодействия и сотрудничества «Комитета независимости» с турецким военным командованием в вопросах организации восстания на Кавказе; в) установление и поддержание связи между повстанцами и соответствующими (читай: разведывательными.— Г. П.) гер-

[стр. 67]

манскими и турецкими ведомствами, а также другими организациями, связанными с освободительным движением; г) сбор и передача информации о Кавказе и соседних районах»[60].

Шуленбург взялся за дело с присущей ему настойчивостью и энергией. Благодаря его усилиям за короткое время удалось создать отряд добровольцев, который вначале насчитывал 450 человек, но затем увеличился до 750 человек. Были предприняты попытки восстановить связи с агентурой, внедренной в свое время в Закавказье. Некоторых членов комитета удалось забросить в Грузию с целью установления «контактов со сторонниками отделения от России». Через Стокгольм была осуществлена доставка в Закавказье значительной суммы денег, предназначенных для финансирования повстанческого движения.

Однако, несмотря на все прилагаемые усилия, достичь каких-либо реальных результатов немцам не удалось.

Турки категорически требовали, чтобы грузинский отряд действовал в составе турецких частей и выполнял указания турецких командиров. Члены же Комитета при поддержке немцев энергично возражали против этого. В связи с разногласиями отряд фактически бездействовал. Агентура, с которой удалось установить связь, также бездействовала. Бесследно исчезли деньги, с таким трудом переправленные в Закавказье. Установить, кому они достались и вообще прибыли ли по назначению, было фактически невозможно. Ничего похожего на диверсионные акты или мятежи в Грузии или в других районах Закавказья не происходило. Напрасно в течение 1915—1916 гг. к берегам Грузии систематически подходили немецкие подводные лодки У-38 и У-14, груженные оружием для повстанцев [61]. Ни разу никто не попытался выйти к ним на связь. Было совершенно очевидно, что дело, в которое было вложено столько средств, с которым были связаны такие надежды, лишено всякой перспективы.

Руководители соответствующих ведомств кайзеровской Германии, так же как и Турции, имели все основания сделать заключение о полном провале тщательно разрабатываемых планов подрывных действий в тылу русской Кавказской армии.

Германский империализм и геноцид армян в Османской империи

В годы первой мировой войны крайне реакционная шовинистическая политика правящих кругов Османской империи в отношении армянского народа проявилась во всей своей отталкивающей жестокости.

Воспользовавшись обстоятельствами военного времени, когда все внимание народов мира было приковано к основным

[стр. 68]

театрам военных действий, и происходившим там по вине империалистов кровопролитием, младотурецкое правительство решило покончить с армянским вопросом путем физического уничтожения армянского народа. При этом оно с полным основанием рассчитывало на сочувствие и поддержку правящих кругов кайзеровской Германии, которая всегда выступала на стороне Турции при решении армянского вопроса. Не удивительно, что министр внутренних дел Талаат-паша в беседе с одним из представителей Германии не постеснялся открыто заявить, что «Порта хочет использовать мировую войну для того, чтобы окончательно расправиться с внутренним врагом (местными христианами), не будучи отвлекаема при этом дипломатическим вмешательством из-за границы».[62].

Результатом этого преступного замысла явилась политика геноцида армян, осуществлявшаяся турецким правительством методически, по заранее намеченному плану, с невиданным коварством и жестокостью.

Реализацию своего плана младотурки фактически начали еще до вступления Турции в войну [63] — во время всеобщей мобилизации. По указанию сверху местные власти тех вилайетов, где имелось армянское население, мобилизацию проводили с чрезвычайной строгостью [64]. Обычные льготы, освобождавшие лицо от призыва в армию, а также система откупа, существовавшая в Турции, не могли быть распространены на лиц армянской национальности. Уклонение от призыва или неявка в срок, если это допускалось армянами, влекли за собой строжайшие меры наказания. Турецкие чиновники очень часто умышленно фальсифицировали возраст армянских юношей, еще не подлежащих призыву, и они шли в армию вместо своих турецких односельчан.

Таким образом, были приняты все меры к тому, чтобы с помощью мобилизации заблаговременно оторвать от родных очагов, от родной среды наиболее дееспособную часть армянского населения Османской империи.

Воинские части, формировавшиеся преимущественно из армян, как правило, направлялись в западные вилайеты. Надо сказать, что вопреки заведомой лжи о нелояльности армян, распространявшейся панисламистами и их немецкими покровителями, эти воинские части были наиболее боеспособными соединениями турецкой армии [65].

Поражение 3-й турецкой армии на Кавказском фронте, очевидные неудачи попыток восстановить мусульманское население Закавказья и Среднего Востока против России и Англии, а также реальная перспектива перенесения военных действий на собственную территорию подтолкнули турецкое правительство ускорить проведение задуманных варварских акций против армянского народа.

Повсеместно усиливались притеснения армян. В официаль-

[стр. 69]

ных кругах, прессе и мусульманской среде распространялись инсинуации о приверженности армян к России, об их «предательстве» на фронте и т. п.[66]. Тем самым подготовлялось общественное мнение к осуществлению широких репрессивных мер против армян по всей Османской империи.

Наконец, в апреле 1915 г. правительством издается секретное распоряжение о высылке армян в южные районы империи. Это распоряжение, получившее в последующем название закона о депортации, формально касалось армян, проживавших в прифронтовой полосе, фактически же было распространено на всех проживавших в империи лиц армянской национальности. Депортация мотивировалась «необходимостью обезвреживания армян в районах, прилегающих к линии фронта». При этом авторами закона о депортации дело было представлено так, будто насильственное выселение применялось в интересах самих же армян, которые иначе-де «могут стать невольными жертвами козней врагов империи».

Турецкие власти шли на сознательный обман, называя свое решение выселением. На самом

деле это было новым изощренным видом той же самой резни армян, которая проводилась в Турции десятилетиями. Это видно из следующей выдержки одного из распоряжений о высылке армян, подписанных Талаат-пашой: «Хотя вопрос об истреблении армянского элемента, который в течение веков стремился разрушить прочный фундамент нашей империи, а в настоящее время стал реальной опасностью, был решен ранее, обстоятельства не позволяли осуществить это священное дело. Теперь, когда все препятствия устранены и настало время избавления нашего отечества от этого опасного элемента, настоятельно рекомендуется не поддаваться чувству сострадания при виде их жалкого положения, а покончить со всеми и всячески стараться уничтожить само название “Армения” в Турции» [67].

Турки после выхода закона о депортации армян не сразу осмелились приступить к его осуществлению. Сначала они решили избавиться от наиболее авторитетных лиц из числа армян, которые могли бы организовать и возглавить что-то вроде движения сопротивления в армянских областях. 21—23 апреля 1915 г. по предварительно подготовленным спискам были произведены аресты лиц подобной категории. Затем, в ночь с 24 на 25 апреля, начались изъятия видных представителей армянской интеллигенции — публицистов, поэтов, писателей и т. д. Не избежали их участи и представители состоятельных слоев. Аресты продолжались и в последующие месяцы. Все арестованные лица вывозились в отдаленные от населенных пунктов места. После глумления и издевательств над их человеческим достоинством арестованных расстреливали, зверски умерщвляли, сбрасывали в пропасть или топили в воде. Казни происходили без следствия и суда, без предъявления обвинения.

[стр. 70]

На следующем этапе расправы с армянским населением турки обрушились на лиц, занимавших административные должности,— чиновников, адвокатов, а также врачей и учителей. Все они были отстранены от работы в государственных учреждениях, затем арестованы и расстреляны. После этого наступил черед армян, служивших в регулярных частях турецкой армии. Они были отозваны и зачислены в рабочие батальоны без права ношения оружия. Постепенно солдаты этих батальонов превращались в арестантов, которых вывозили группами и также расстреливали.

Следует сказать, что все это время, страшное время зверских расправ, армянский народ не безмолвствовал. Население ряда городов и сел пыталось организовать самооборону и не допустить зверств турок.

Армяне Вана, Зайтуна и других городов взялись за оружие и мужественно отстаивали свою честь и свободу. Однако население сопротивлявшихся городов частью уговорами и посулами, частью силой было разоружено, а затем истреблено. Только население г. Вана, на помощь которому успели прийти части русских войск и армянские дружины, было спасено.

Попытки армянского населения прибегнуть к самозащите расценивались турками как восстание[68], и, независимо от того, добровольно или силою прекращалось сопротивление, участвовавшие в нем армяне истреблялись поголовно.

Опасаясь волнений, турки снова прибегли к обману армянского населения. Они объявили мобилизацию оставшегося от призыва в армию мужского населения якобы для отбытия трудовых повинностей. Собрав таким образом людей преклонного возраста и юношей, турки учинили затем над ними расправу.

И вот наконец, когда в городах и селах остались только немощные старики, женщины и дети, когда не стало людей, которые могли возвысить голос протеста, поднять оружие и оказать сопротивление, турецкое правительство приступило к переселению беззащитных людей. Они выгонялись без предупреждения из своих жилищ и группами безо всяких транспортных средств в сопровождении конвоя направлялись в Месопотамию.

Издевательства и жестокость обращения с этими несчастными людьми, по свидетельству очевидцев, не поддавались описанию.

Один из австрийских священников, проживавший в Эрзеруме, о депортации армян пишет

следующее: «Приказ предусматривает смертный приговор виновным [69] или подозреваемым, а также высылку всех остальных. Под словом “высылка” подразумевается:

1. Полное отделение мужчин от их жен, матерей и детей;

2. Угроза или лесть со стороны турецких уполномоченных, пытающихся склонить того или иного к принятию ислама. Ве-

[стр. 71]

роотступники — а таковых было немало — немедленно угонялись в местность, где проживали исключительно мусульмане, и больше оттуда не возвращались;

3. Похищение здоровых и красивых женщин, подходящих для продажи в гарем или для удовлетворения низменных страстей знати или охраны;

4. Малолетние девочки из различных населенных пунктов предназначались в качестве служанок в дома турок, которые были обязаны дать им соответствующее мусульманское воспитание... Все мальчики христианской веры подвергались обрезанию и помещались в дома турок...

5. В некоторых местностях женщин и девочек отдавали турецким солдатам, а затем распределяли их исключительно в турецкие деревни. Оставшихся после подобного отбора вынуждали бросать свое имущество, покидать дома и уходить в глубь страны. Они шли от деревни к деревне в сопровождении жестоких конвойных без всякого отдыха, ничего не зная о своей дальнейшей участи»[70].

О жестокостях по отношению к армянам в годы войны свидетельствуют также воспоминания ряда лиц из числа прогрессивно настроенных турок.

«Я полагаю, что история высылки и резни армян.— писал позже один из турецких чиновников, — не имеет ничего себе равного в написанных по сей день повествованиях о бесчеловечных поступках. В какой бы уголок обширной территории Турции ни бросить взгляд, в какое бы глубокое ущелье ни взглянуть — везде можно найти тысячи трупов и скелетов армян, зарезанных и изуродованных самым жестоким образом»[71].

Действительно, зверства по отношению к людям, ни в чем не повинным, учиненные в то время в Османской империи, не имели себе равных в истории, разве только они были повторены в конце 30-х и начале 40-х годов XX в. немецко-фашистскими извергами — наследниками тех самых германских империалистов, которые выступали в качестве союзников и покровителей султанской Турции и ее младотурецкого правительства.

Общее число армян, ставших жертвой политики геноцида, превышало 1,5 млн. Десятки, сотни армянских городов были разрушены и сожжены дотла. Вместе с ними погибли многие бесценные памятники древней культуры.

Прогрессивные деятели мира в свое время поднимали голос в защиту многострадального армянского народа [72]. Но о злодеяниях, совершенных младотурецкими правителями, известно было не все. О подробностях трагедии, разыгравшейся в Османской империи, мировая общественность узнала лишь позже, когда никакими мерами спасти жертвы геноцида было нельзя. Пантюркисты достигли своих преступных целей, причем безнаказанно. И это создало своеобразный прецедент, который приводил позже в восхищение фашистских головорезов, вскормлен-

[стр. 72]

ных идеями пангерманистов. Не случайно бесноватый фашистский фюрер Адольф Гитлер в одном из своих выступлений накануне второй мировой войны, требуя беспощадного отношения к будущим жертвам германской агрессии, приводил в пример действия младотурок и восклицал: «Кто же сегодня еще говорит об истреблении армян?!»[73].

В советской и зарубежной исторической литературе много пишется об ответственности

кайзеровской Германии за истребление армян в Османской империи в годы первой мировой войны, но не всегда ставится вопрос о мере этой ответственности [74]. Судить об этом следует, имея в виду следующие обстоятельства.

Решение о проведении депортации армян было согласовано с правительством кайзеровской Германии. Это было сделано через Лимана фон Сандерса и Вангенгейма. Глава военной миссии и посол Германии всегда были солидарны с правящими кругами Турции в их борьбе против армянского народа, и младотуркам не стоило большого труда убедить их, что турецкая армия испытывает на Востоке трудности из-за враждебного отношения армянского населения, в окружении которого ей приходится действовать. Вместе с тем официальные представительства Германии в Константинополе в вопросе о депортации армян солидаризировались с немецкими офицерами, прикомандированными к штабу и подразделениям 3-й турецкой армии. В поисках оправдания своим неудачам немецкие офицеры ухватились за ловко подброшенную пантюркистами версию о «предательстве» армян на Кавказском фронте и уверовали в нее, хотя она ничего общего не имела с действительностью.

Сохранились документы, составленные дипломатическими и военными представителями Германии, в которых предпринимаются настойчивые попытки доказать, что интересам Центральных держав якобы наносится ущерб из-за «преобладания антигерманских настроений среди армян в восточных районах Турции» 74а.

Среди этих документов наиболее показательна докладная записка министерству иностранных дел Германии от 22 марта 1915 г., направленная поверенным в делах Германии в Стамбуле Лоисом Мозелем, тем самым Мозелем, на которого было в свое время возложено руководство стамбульским филиалом грузинского Комитета независимости и который кроме этого отвечал за формирование диверсионно-повстанческих отрядов в тылу русской Кавказской армии.

В своей записке Мозель указывает, что одной из причин, отрицательно повлиявших на осуществление планов союзников на закавказском направлении, явилось враждебное отношение к Германии и Турции армянского населения восточных районов Османской империи. Мозель обвинял их в поголовном шпионаже в пользу России 74б.

[стр. 73]

Одобряя решение о депортации, Лиман фон Сандерс и Вангенгейм информировали свое правительство о нем в благожелательном для турецкого правительства тоне, указав при этом, что депортация касается только восточных областей Турции.

Германское правительство, планировавшее перенесение центра тяжести военных действий на Восток, добивалось возобновления широкого наступления турецких войск на Кавказском фронте и ускорения захвата Закавказья. Поэтому оно без колебаний дало согласие на депортацию армян. Официально турецкое правительство об этом было уведомлено 4 июня 1915 г. послом Вангенгеймом. По поручению своего правительства посол представил турецкому правительству меморандум, в котором одобрялись мероприятия по депортации армян и давалось согласие на их проведение в восточных вилайетах. В меморандуме обосновывалась правомерность депортации армян «с точки зрения военных соображений» и она представлялась как «законное средство защиты страны» [75].

Когда же турецкое правительство распространило закон о депортации на территорию всей империи и началось массовое истребление беззащитных людей, многие немцы, находившиеся в то время в Турции, в том числе с официальной миссией, были встревожены той ответственностью, которая ложилась на их страну в связи с антиармянской политикой младотурок.

Так, немецкий консул в Эрзеруме Шойбнер, который, кстати говоря, вначале тоже выступал за депортацию армян из прифронтовой полосы, в своей телеграмме посольству Германии в Константинополе докладывал, что «основания военного характера не могут быть мотивировкой этих акций, потому что возможность восстания местных армян исключена, ибо депортируемые — это старики, женщины и дети» [76]. А вот что о депортации армян писали в

посольство жившие в Турции немцы — сугубо гражданские лица — учителя, инженеры, работники германских фирм: «Это бесчеловечное отношение — неизгладимое позорное пятно в мировой истории не только для турок, но и для нас — немцев, если мы будем смотреть на это дело сложа руки и допустим уничтожение этого народа» [77].

По настоянию ряда сотрудников представительств Германии в Константинополе и некоторых других городах, обеспокоенных масштабом и формами антиармянских акций турецкого правительства, посол Вангенгейм 7 июля 1915 г. обратился к рейхсканцлеру Бетман-Гольвегу с письмом, в котором сообщалось, что турки, вопреки первоначальному согласованному намерению, распространили депортацию на всю империю и что действия турок не вызываются военной необходимостью. В письме, в частности, говорилось: «Еще 14 дней тому назад изгнание армянского населения ограничивалось приблизительно провинциями, близко расположенными к восточному театру военных действий, а также некоторыми районами провинции Адана. Пос-

[стр. 74]

ле этого Порта приняла решение распространить эти действия на провинции Трапезунд, Мамерут ул-Азиз и Себастия и уже приступила к осуществлению вышесказанного, хотя эти части страны не находятся еще под угрозой какого-либо вражеского вторжения.

Эти действия и способы, которыми производится высылка, свидетельствуют о том, что правительство в самом деле имеет своей целью уничтожение армянской нации в Турецком государстве» [78].

В ответ на обращение посла правительство кайзеровской Германии дало категорическое указание не вмешиваться в действия турок в отношении армян, рассматривая это как внутреннее дело союзного государства [79].

Позиция германского правительства в армянском вопросе в то время, когда реальной стала угроза физического уничтожения армянского народа на территории Турции, наиболее полно отражена в предписании отдела цензуры военного министерства. В нем было указано: «О зверствах по отношению к армянам можно сказать следующее: эти вопросы, касающиеся внутренней администрации, не только не должны ставить под угрозу наши дружественные отношения с Турцией, но и необходимо, чтобы в данный тяжелый момент мы воздержались даже от их рассмотрения. Поэтому наша обязанность хранить молчание. Позднее, если заграница прямо обвинит Германию в соучастии, придется обсуждать этот вопрос, но с величайшей осторожностью и сдержанностью, все время заявляя, что турки были опасно спровоцированы армянами. Лучше всего хранить молчание в армянском вопросе»[80].

Действительно, правящие круги Германии имели все основания для опасений. Их с полным правом можно было считать соучастниками злодеяний турок, ибо Германия была единственной державой, которая могла в силу сложившихся обстоятельств предотвратить истребление армян в Османской империи в годы первой мировой войны, однако она сознательно не сделала этого. Вместе с тем в Берлине не могли не понимать, что соучастие Германии в геноциде армян этим не исчерпывалось.

Тысячи военнослужащих германской армии, находившиеся в это время в Турции, не были только сторонними наблюдателями. Во всем, что происходило в этой стране, немецкие военнослужащие участвовали в какой-то форме.

Как известно, депортация осуществлялась не гражданскими, а военными властями. Ее проводили армейские, жандармские, пограничные, ополченческие и другие воинские подразделения, в которых почти до уровня батальона, а то и ниже, в качестве советников находились немецкие офицеры. В силу своего служебного положения они обязаны были принимать и принимали участие во всех мероприятиях, проводимых этими подразделе-

[стр. 75]

ниями, в том числе и в мероприятиях по депортации армян, которая, кстати говоря, была

одобрена германским правительством.

Сохранились свидетельства очевидцев о фактах, когда в обстреле защищавшихся от депортации армянских населенных пунктов принимали непосредственное участие немецкие артиллеристы, как рядовые, так и офицеры. Вместе с тем ряд чинов немецкого военного персонала охотно скупали по дешевке награбленные в городах и селах депортированных армян вещи и ценности.

Все это дает основание утверждать, что германские империалисты в целях скорейшего осуществления своих захватнических планов на Ближнем Востоке и в Закавказье поддерживали антиармянскую политику правящих кругов Османской империи, содействовали проведению депортации армян, по сути дела, потворствовали истреблению армян в Османской империи. Поэтому и на германский империализм ложится вина за преступления, совершенные против армянского народа и человечества. Геноцид армян, осуществленный в годы первой мировой войны, с полным основанием можно включить в список преступлений германского империализма. Восхваление на этом фоне германо-турецкого «боевого содружества» и распространение мифов о некой цивилизаторской миссии кайзеровской Германии на Ближнем Востоке, предпринимаемые рядом буржуазных авторов в ФРГ в наше время, есть не что иное, как неуклюжая попытка обелить мрачные страницы истории агрессивного германского империализма.

Поражение турецких войск на Кавказском фронте

Расчеты правящих кругов кайзеровской Германии на то, что путем перенесения центра тяжести войны на восточный фронт они добьются решающего успеха, не оправдались. В кампании 1916 г. германское командование решило основные военные усилия снова сосредоточить на Западе. В феврале 1916 г. немцы приступили к осуществлению крупной операции под Верденом. Однако, как известно, в результате предпринятого русскими войсками наступления в районе г. Двинска и оз. Нарочь германское командование вынуждено было снять с западного фронта значительные силы и направить их на Восток. Это дало возможность французским войскам организовать оборону и подготовиться к контрнаступлению.

По просьбе союзников в июне русские войска снова перешли в наступление на юго-западном направлении, теперь уже против австро-венгерской армии. Эта операция русских войск, известная под названием Брусиловского прорыва, увенчалась

[стр. 76]

успехом. Австро-венгерским войскам были нанесены сокрушительные удары[81]. Немцы полностью приостановили операцию под Верденом. Воспользовавшись этим, англо-французские войска предприняли наступление на р. Сомме [82]. Центральные державы вынуждены были перейти к обороне.

В результате боев 1916 г. стратегическая инициатива перешла к Антанте.

Наряду с Брусиловским прорывом важную роль в успехе армий стран Антанты сыграли действия русской Кавказской армии, которой удалось вторично сокрушить 3-ю турецкую армию, овладеть важнейшим стратегическим пунктом — Эрзерумом и тем самым создать условия для вывода Турции из войны.

После неудач союзников в Дарданелльской операции турки получили возможность высвободившиеся части перебросить на Кавказский фронт, где они намерены были, опять-таки по настоянию немцев, снова предпринять наступление.

Для того чтобы опередить турок, командование русской Кавказской армии приняло решение организовать зимнее наступление в районе Эрзерума. Благодаря хорошо поставленной военной разведке, умелым действиям по сокрытию факта подготовки операции русским войскам удалось нанести противнику внезапный и сокрушительный удар. Предприняв 10 января 1916 г.

в северном от Эрзерума направлении отвлекающий маневр, русские войска через два дня перешли в решающее наступление на главном направлении. Несмотря на тяжелые метеорологические условия и трудности ведения операции в гористой местности, в течение двухнедельных боев русским войскам удалось овладеть всеми укрепленными позициями, прикрывавшими Эрзерум. На центральном участке фронта турки, бросив свое снаряжение, беспорядочно отступали к Эрзеруму. Успех русских войск был обеспечен действиями Кавказской и Туркестанской бригад, а также Сибирской казачьей дивизии, подразделения которой, проникнув в тыл турецких войск, наводили ужас на неприятеля.

Подобного успеха командование Кавказской армии не ожидало и спешно приступило к подготовке штурма Эрзерумской крепости.

Необходимо было укрепить фланги выдвинутых вперед частей, наладить их снабжение, дать им подкрепление, подтянуть тяжелую артиллерию.

На все это ушло более двух недель. За это время турки, придя в себя после панического отступления, с помощью немецких советников приняли меры к обороне Эрзерума.

Вечером 11 февраля после мощной артиллерийской подготовки русские войска перешли в наступление против турок, оборонявших подступы к городу. К утру следующего дня пали два форта, прикрывавшие город с севера, а еще через день в руках наступавших был уже третий важнейший форт — Тафта. Турки

[стр. 77]

и немцы оказали упорное сопротивление, однако русские войска, преодолев его, 16 февраля штурмом овладели городом. Потеряв около 10 тыс. убитыми и пленными, всю крепостную артиллерию, большое количество боеприпасов и снаряжения, турки поспешно отступили к западу.

Глубокий снег и бездорожье не позволили русским войскам организовать успешное преследование отступающих войск. Это дало возможность основным силам 3-й турецкой армии избежать полного и окончательного разгрома, но они оказались отброшенными от Эрзерума почти на 100 км.

Хвастливые заявления немецких специалистов, уверявших турок в неприступности Эрзерума после проведенных ими там фортификационных работ, оказались опровергнутыми действиями русских войск. И первыми, кто покидал крепость Эрзерум во время его штурма, были немецкие советники штаба 3-й турецкой армии. Спасая свою жизнь, они бежали на Запад, используя при этом любые средства [83].

Вслед за взятием Эрзерума в наступление перешли части 4-го Кавказского корпуса, прикрывавшие Ванское направление. Быстро смяв позиции противостоявших им частей турецких войск, они заняли г. Битлис. Продолжая наступление в сторону Диарбекира. части 4-го корпуса блокировали две важнейшие коммуникации, связывавшие Месопотамию с Турцией. Действия 4-го Кавказского корпуса обеспечили безопасность левого фланга центральной группы русских войск.

В это же время специальный экспедиционный корпус генерала Баратова, заняв г. Керманшах, подошел к границам Ирака. Здесь он создавал серьезную угрозу 6-й турецкой армии, действовавшей против англичан в Месопотамии.

В начале марта активизировались боевые действия приморской группы русских войск, что имело важное значение для прикрытия правого фланга выдвинутой вперед центральной группы войск. При поддержке кораблей Черноморского флота русские войска овладели г. Ризе и подошли к главному городу Лазистана — Трапезунду. 18 апреля, форсировав с ходу р. Кара-Дере, русские части штурмом взяли город. Преследуя турок, наступающие русские войска вышли на линию Платана — Ила — Максила, в 25—40 км западнее Трапезунда. Этот рубеж позволял развить наступление на следующем этапе в направлении Испира и Байбурта и выйти в тыл 3-й турецкой армии. Чтобы не допустить этого, турки укрепили оборону вдоль Понтийского Тавра, используя для этого труднодоступный горно-лесистый ландшафт.

В период проведения Трапезундской операции германо-турецкий флот попытался было появиться у берегов Кавказа, однако предпринять активные действия не осмелился. Вообще в ходе боев на Кавказском фронте роль германо-турецкого флота оказалась ничтожной. После того как с его помощью было спро-

[стр. 78]

воцировано вступление в войну Турции, он фактически был заперт в Мраморном море. В списке «успешных операций», совершенных германо-турецким флотом, значится лишь потопление у берегов Лазистана 17 марта 1916 г. стоявшего на рейде русского плавучего госпиталя «Португалия» [84].

При создавшемся к началу лета 1916 г. положении на Кавказском фронте для турецкой армии, казалось, важно было бы укрепиться на занимаемых позициях и организовать там оборону. Тем более что — как об этом хорошо было известно турецкому командованию — русская Кавказская армия не собиралась развивать наступление в глубь Анатолии. Однако турки, опять под давлением немцев, принимают решение организовать широкое контрнаступление с целью возврата Эрзерума и оттеснения русских войск в пределы Закавказья.

План наступления был разработан штабистами из германской военной миссии и предусматривал последовательные выступления 2-й и 3-й турецких армий. По расчетам, выполненным немецкими офицерами, контрнаступление должно было начаться в июне действиями пополненной из резерва 3-й армии, на помощь которой к началу июля следовало выступить перебрасываемой из Дарданелл 2-й армии.

К намеченному сроку 3-я армия была готова к наступлению, однако переброска 2-й армии затянулась. Не дожидаясь ее завершения, 22 июня 3-я турецкая армия была брошена в контрнаступление против центра русских войск. Завязались упорные бои, части Кавказской армии вначале вынуждены были отступить, но затем, перегруппировавшись, перешли в мощное контрнаступление и опрокинули неприятеля. Преследуя отступающих турок, русские войска заняли г. Байбурт. Одновременно перешедшая в наступление приморская группа русских войск, нанося удар через Понтийский Тавр по левому флангу 3-й турецкой армии, вышла к г. Гюмушане. Турки, понеся большие потери, отошли за р. Северный Евфрат.

Захватив инициативу, русские войска развернули наступление. Особенно успешными были действия 2-го туркестанского корпуса, который, нанося удары в северо-западном направлении, вышел в тыл турецким войскам, оборонявшим г. Эрзинджан. В этих боях своими глубокими рейдами в тыл противника снова отличились бойцы Сибирской казачьей дивизии. Прорвавшись в район Михора, они ударили по базам и коммуникациям турецких войск. 25 июля турки, неся огромные потери, отступили от Эрзинджана. Число только пленных турецких солдат достигало 17 тыс. Это было третье по счету поражение 3-й турецкой армии на Кавказском фронте.

Не посчитавшись с тем фактом, что 3-я армия уже была разбита и осуществление намеченного ранее плана действий 2-й армии оказалось нереальным, турки 5 августа бросили в наступление эту армию в районе Огнота.

[стр. 79]

Основной удар армии приходился по правому флангу центральной группы русских войск. Под напором численно превосходящих сил русские части вынуждены были отступить. Но это отступление велось организованно и сопровождалось короткими, но сильными контратаками. Турки несли тяжелые потери, и их продвижение шло совсем не по тому графику, который был составлен немецкими советниками. Завязавшиеся в Огнотском направлении бои были наиболее упорными и длились почти 40 дней. В ходе этих боев 2-я турецкая армия, потеряв более 60 тыс. человек личного состава, вынуждена была отступить на исходные позиции и окопаться там. К зиме 1916 г. линия Кавказского фронта наконец стабилизировалась. У турок не было сил для наступления, а русские, в соответствии с первоначальным планом ведения кампании, не собирались идти дальше.

Таким образом, русская Кавказская армия уже к концу 1916 г. успешно выполнила возложенную на нее стратегическую задачу — не допустить неприятеля в Закавказье, отбросить его на максимально возможный дальний рубеж и организовать стабильную оборону.

Это означало, что немецко-турецкий авантюристический план захвата Закавказья потерпел крах. Более того, в результате успешных действий русской Кавказской армии впервые за многовековую историю народов Закавказья Юго-Западный Азербайджан, Юго-Западная Грузия, Лазистан и подавляющая часть Западной Армении оказались свободными от иноземного владычества.

Однако значение провала планов немецко-турецкого командования на Кавказском фронте этим не исчерпывалось. Итоги боев на фронте имели весьма существенные последствия. Так, наряду с ухудшением военно-политического положения Центральных держав, оказавшихся перед опасностью потери союзника — султанской Турции, необходимо выделить обострение скрытого антагонизма между державами Антанты на Ближнем Востоке.

В начале 1916 г. можно было наблюдать необычную активность сотрудников англо-французских военных миссий в Тифлисе. Обращали на себя внимание, в частности, многочисленные поездки английских и французских офицеров в Батуми, Карс, Ардаган, Тебриз и другие районы, расположенные поближе к фронту. Часто они появлялись в штабах действующих соединений и у командующего войсками фронта.

Все это могло быть расценено как исполнение служебных обязанностей представителями союзников, если бы не чрезмерный интерес с их стороны к подробностям передвижения русских войск в Восточной Анатолии и не назойливые вопросы относительно планов политического и иного устройства занятых русскими войсками территорий.

[стр. 80]

Задания по сбору подобных сведений были получены сотрудниками миссий от посольств из Петрограда.

Успехи русской Кавказской армии вызвали серьезное беспокойство не только в Константинополе и Берлине, но и в столицах союзников России по Антанте — Лондоне и Париже.

Французы и англичане, будучи осведомлены об оборонительном характере плана действий русского командования на Кавказе, никак не ожидали подобного развития военных действий. У них возникли серьезные опасения, что русские войска могут занять важнейшие территории Оттоманской империи, в том числе и те, которые являлись объектами их заинтересованности.

Под влиянием событий на Кавказском фронте правительства Англии и Франции решили форсировать переговоры о судьбах турецких владений.

Эти переговоры велись еще с ноября 1915 г. в Лондоне. В них принимали участие от имени французского правительства бывший генеральный консул в Бейруте Жорж Пико, а от имени английского правительства — постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании Артур Никольсон, которого в дальнейшем заменил английский эксперт по ближневосточным делам подполковник Марк Сайкс.

В начале февраля 1916 г., как только представители Англии и Франции пришли к соглашению о разделе владений Оттоманской империи на сферы влияния[85], в Лондоне и Париже было решено официально уведомить об этом русское правительство, с тем чтобы заблаговременно ограничить сферу действий последнего.

18 февраля 1916 г. в министерство иностранных дел России соступила телеграмма от посла в Париже о том, что представитель Франции Жорж Пико, которому было поручено вести в Лондоне переговоры по вопросу «о халифате и независимости арабского государства», направляется с аналогичной миссией в Петроград[86]. Через три дня после этого русский посол в Лондоне сообщил своему министру, что Пико будет сопровождать английский эксперт М. Сайкс, которому поручено давать пояснения послу Англии во время переговоров в Петрограде

[87].

Зная о затруднениях союзников на ближневосточных театрах военных действий, в условиях, когда перед русскими войсками были открыты все пути к Константинополю, царское правительство, естественно, не имело никакого желания торопиться с решением вопроса о разделе турецкого наследства и связывать себя новым соглашением. Поэтому министерство иностранных дел России уведомило союзников о том, что русскому правительству известно о ходе переговоров относительно арабских владений Турции и что оно, будучи заранее согласным с позициями союзников, считает излишним прибытие англо-французских представителей.

Союзники, разумеется, не собирались упускать время и на-

[стр. 81]

стояли на том, чтобы русскому правительству был предъявлен текст соглашения.

Передавая требования французского правительства, русский посол в Париже 25 февраля 1916 г. докладывал следующее: «Французское правительство, желая действовать в полном согласии с нами и устранить всякую возможность недоразумений в будущем, придает значение тому, чтобы как Пико, так и лица, с которыми он вел в Лондоне указанные переговоры, прибыли в Петроград и подробно ознакомили Вас со своим трудом»[88]. Еще более настойчивые требования исходили из Лондона.

Царскому правительству не оставалось ничего другого. Как согласиться с предложением союзников, поблагодарив их за «предупредительность» [89].

По прибытии в Петроград Пико и Сайкса послы Англии и Франции представили МИДу России совместную памятную записку, в которой изложили существо проекта достигнутого в Лондоне соглашения о разделе Азиатской Турции[90].

Согласно этому проекту, владения Турции делились на пять зон. Первая зона включала Западную Сирию, часть Ливана, а также области — Киликию, Айнтаб, Урфу, Мардин, Диарбекир и Хаккяри; вторая зона — южную часть Ирака и палестинские порты Хайфу и Акку; третья зона — Палестину без указанных выше портов; четвертая зона — Восточную Сирию и Мосульскую область; пятая зона — ТрансИорданию и Центральный Ирак.

Первая зона должна была перейти в непосредственное владение Франции, а вторая — Англии. В этих зонах устанавливается режим по усмотрению каждой из указанных держав.

Четвертая зона отходила в сферу влияния Франции, а пятая — Англии. В них планировалось образование «независимого» государства или федерации арабского государства, в котором, однако, главенство в экономике и финансах должно было оставаться соответственно в руках французов и англичан. Оставшаяся третья зона предназначалась для международного управления, конкретная форма которого должна была быть определена после войны.

Проект соглашения предусматривал и ряд других положений, обеспечивающих господство двух держав в этом районе.

В министерстве иностранных дел России были крайне раздражены чрезмерным аппетитом союзников, особенно французов. Ведь зона предполагаемого французского владения включала значительную территорию на востоке Оттоманской империи и даже в той ее части, которая была занята русскими войсками. Кроме того, установление господства сильной европейской державы в непосредственной близости от закавказских владений царской России не могло не вызвать беспокойства.

Принять подобные условия царское правительство не могло.

[стр. 82]

Поэтому министерство иностранных дел, в свое время уведомлявшее союзников о согласии с любыми их решениями, выдвинуло контрпредложения. Согласно этим предложениям,

Урмийский округ, Битлисские проходы и часть южного побережья Черного моря, совпадавшая с территорией Лазистана, должны были отойти к России, которая соглашалась взамен этого на включение во французскую зону района Сивас — Харпут — Кессари, т. е. части Западной Армении. Далее излагались общие взгляды на права союзников по управлению отдельными зонами.

В памятной записке МИДа России послам Англии и Франции указывалось, что предложения являются предварительными и выдвигаются в порядке обмена мнениями в связи с тем. что «англо-французский проект об установлении различных зон в Малой Азии и Аравии подлежит рассмотрению специальной комиссией»[91]. В конце записки делалась оговорка о незыблемости достигнутых ранее соглашений между странами Антанты относительно Константинополя и проливов.

Пока англо-французская сторона вела обсуждение выдвинутых русским МИДом контрусловий, под председательством главы русского правительства было созвано Особое совещание, в состав которого вошли министр иностранных дел, морской и военный министры и представитель наместника царя на Кавказе.

В ходе обсуждения англо-французского плана раздела Турции участники Особого совещания пришли к соглашению руководствоваться при установлении границ между французскими и русскими владениями интересами обеспечения «стратегических позиций» России [92].

Что касается определения размеров приобретаемых территорий, то здесь обнаружились некоторые разногласия между МИДом, морским и военным министрами. Морской министр требовал, чтобы на севере граница проходила где-то западнее Синопа. Обратив внимание, что эта важная морская крепость расположена на небольшом расстоянии от Севастополя, министр указал, что в будущем она составит с Севастополем и Константинополем своеобразный треугольник военно-морских баз, который обеспечит окончательное господство России на Черном море.

Военный министр, соглашаясь с морским, отмечал, однако, что территориальные приобретения должны коснуться не только узкой береговой полосы, но и глубинных районов, с тем чтобы получить позиции, удобные для обороны.

Представитель наместника царя на Кавказе выражал беспокойство в связи с тем, что предлагаемая МИДом граница делит Армению на две части, «из которых одна отходит к России, а другая — к Франции». Это могло, по его мнению, вызвать недовольство армян.

[стр. 83]

Возражая ему, министр иностранных дел разъяснял, что предлагаемая граница соответствует топографическим особенностям территории, а также учитывает религиозные особенности различных групп армян. Участники совещания согласились с тем, чтобы оставшаяся вне России часть Армении досталась «культурной Франции». Здесь явно сказалось опасение, что если вся Армения окажется в составе России, то ей придется предоставить автономию, а это противоречило практике самодержавия.

В ходе обсуждения данного вопроса еще раз проявилась антинародная сущность политики царского правительства.

Особое совещание сформулировало требования России, которые 26 апреля были переданы послу Франции М. Палеологу. Эти требования в основном соответствовали первоначальным контрпредложениям МИДа с той, однако, оговоркой, что северо-западные границы отходивших к России территорий подлежали еще определению [93].

После дальнейших консультаций и обмена мнениями соглашение о разделе Турции наконец было подписано. Датой его принятия считается 16 мая 1916 г. Оно получило официальное название «Соглашение Сайкс — Пико» в честь авторов проекта. Это был один из тайных империалистических договоров, отражавших захватнические цели первой мировой войны. Толчком к ускорению его заключения послужили успехи русских войск на” Кавказском фронте

и, разумеется, провал германо-турецких планов захвата Закавказья в начале войны.

Глава III

ГЕРМАНО-ТУРЕЦКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В ЗАКАВКАЗЬЕ. ЗАНЯТИЕ ГРУЗИИ ГЕРМАНСКИМИ ВОЙСКАМИ

Военно-политическая обстановка в Закавказье к концу 1917 г.

Расчеты империалистических держав на окончание войны в 1917 г. не оправдались. Ни одной из воюющих сторон, ни на одном из театров военных действий не удалось достигнуть решающего превосходства над противником. Вместе с тем военно-стратегическое положение стран германского блока продолжало ухудшаться.

Важнейшими событиями 1917 г., событиями, имевшими всемирно-историческое значение, явились свержение царизма в России и победа Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей новую эру в истории человечества — эру крушения капитализма и победы пролетарских революций. Рабочий класс России, совершивший в союзе с беднейшим крестьянством и солдатскими массами в течение одного года две революции, продемонстрировал народам всего мира великий пример избавления от капиталистического рабства и войны, от политики империализма, преграждающей путь к прогрессу человечества.

Революционные события в России оказали огромное влияние на положение самой Германии и ее союзников, в том числе и Турции [1].

В течение 1917 г. на всем протяжении русско-турецкого фронта от Черного моря до оз. Ван вспыхивали спорадические бои между русскими и турецкими частями, однако они оставались боями местного значения. Фронт здесь окончательно стабилизировался. Русское командование, как и прежде, не намеревалось предпринимать наступление, а остатки разгромленных 2-й и 3-й турецких армий были не в состоянии вести активные боевые действия.

Военные неудачи, голод и эпидемии, уносившие тысячи солдатских жизней, сильно подорвали и без того слабое моральное и боевое состояние турецкой армии. Турецкая военная машина — слабейшее звено в блоке Центральных держав — начинала разваливаться.

[стр. 85]

Немцы все чаще и чаще вынуждены были усиливать, подпирать своими частями турецкие армии то на Месопотамском, то на Сирийско-Палестинском фронтах. В 1917 г. в качестве подкрепления 2-й и 3-й турецким армиям прибыло несколько артиллерийских дивизионов, целиком укомплектованных немецкими солдатами и офицерами. Однако помочь ухудшавшемуся военно-стратегическому и политическому положению Турции было уже невозможно.

В правящих кругах Турции стали понимать, что поражение Центральных держав предрешено, и начали подумывать о заключении сепаратного мира [2]. Среди самих младотурок усиливается деятельность оппозиционных сил, которые начинают искать выход в установлении контактов со странами Антанты.

Русская армия, противостоявшая германо-турецким силам на Кавказском фронте, все еще превосходила противника по своим боевым возможностям. Однако и она испытывала серьезные затруднения. Тяжелая зимняя кампания и связанные с ней лишения, а также болезни выводили из строя личный состав многих частей. Соединения, сокрушившие две турецкие армии, проявившие храбрость и воинское мастерство, теперь таяли с каждым днем. А пополнений не было. Контингента войск поглощались более важным, европейским, театром

военных действий,

В ближайшем тылу Кавказского фронта, т. е. в Закавказье, все острее, как и во всей России, ощущалось приближение хозяйственной разрухи, голода и нищеты. Усиливалось революционное движение народных масс против существующего строя, против войны.

Антивоенные настроения в Кавказской армии начали проявляться уже с конца 1915 г., однако эти проявления были локальными и не перерастали в активные революционные действия. Среди причин, обусловивших подобное явление, следует отметить следующее.

Успешные военные кампании, завершившиеся поражением турок, окончательная стабилизация фронта и оборонительные задачи, поставленные перед армией, давали возможность командованию скрывать аннексионистские устремления царизма по отношению к Турции.

Среди солдат Кавказского фронта господствовали антитурецкие настроения, вызванные зверствами турок в отношении армянского населения. Это создавало видимость справедливой миссии солдат Кавказской армии.

И наконец, слабость политической работы во многих фронтовых частях, где в годы, предшествующие Февральской революции, не было большевистских ячеек, давала возможность реакционному командованию русской армии держать под своим влиянием часть солдатских масс.

Но долго продолжаться так, естественно, не могло. Под

[стр. 86]

влиянием революционного движения рабочих и крестьян в тылу и антивоенных выступлений на других фронтах происходит постепенное изменение политического самосознания солдатских масс. Процесс революционизирования Кавказской армии после февраля 1917 г. начинает протекать быстрыми темпами. Старому командованию все труднее становится управлять войсками.

Февральскую буржуазно-демократическую революцию население Закавказья встретило восторженно. Повсеместно проходили митинги и собрания, приветствовавшие свержение самодержавия.

Стремясь сохранить старый государственный аппарат и предупредить возможные массовые выступления, наместник царя на Кавказе Н. Н. Романов поспешил признать Временный комитет Государственной думы [3]. Через представителей имущих классов и лидеров соглашательских партий, которых он официально принял, Н. Н. Романов обратился к населению края с призывом соблюдать спокойствие и порядок[4].

Эксплуататорские классы и соглашательские партии поспешили выступить с заявлением о поддержке Временного правительства. В силу ряда специфических условий, сложившихся в тот период в Закавказье, созданные революционной инициативой масс Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов оказались под влиянием буржуазии и соглашателей. Вместо того чтобы сделать Советы действенными органами народной власти, соглашательские партии выхолащивали их энергию, стремились превратить их в придаток буржуазного государственного аппарата.

Реакционное командование Кавказской армии, в свою очередь, приняло все меры к тому, чтобы не допустить образования Советов или других выборных солдатских органов во фронтовых частях[5]. А там, где такие органы были созданы, командование стремилось превратить их с помощью меньшевиков, эсеров и других соглашателей в свое послушное орудие якобы в интересах поддержания «воинской дисциплины», так необходимой для продолжения войны «до победного конца» [6].

22 марта 1917 г. Временное правительство России для управления краем образовало из числа членов Государственной думы Особый закавказский комитет (ОЗАКОМ). Позже в него был введен представитель меньшевиков А. Чхенкели.

ОЗАКОМ был органом государственной власти крупной буржуазии и поддерживающих ее помещиков[7]. В своей практической деятельности комитет проводил ту же политику подавления революционного и национально-освободительного движения, что и (до недавних пор) аппарат наместника царя на Кавказе. Являясь представителем Временного правительства, ОЗАКОМ открыто выступал с требованием продолжения империалистической войны [8].

Буржуазно-националистические партии меньшевиков, муса-

[стр. 87]

ватистов и дашнаков, поддерживавшие политику царского правительства и его позицию в войне, теперь превратились в надежную опору ОЗАКОМа.

К концу 1917 г. хозяйственная разруха в Закавказье приняла угрожающие масштабы. Резко сократилась добыча нефти, марганца, медной руды и угля. Пришла в упадок обрабатывающая промышленность. Ряд предприятий легкой и пищевой промышленности, особенно те, на которых осуществлялась переработка технических культур сельского хозяйства, были закрыты. Из-за сокращения посевных площадей в крае и ухудшения обработки полей в 1917 г. был собран крайне низкий урожай кукурузы и пшеницы. Заметно упало производство хлопка и табака. На селе не хватало рабочих рук, особенно в Грузии и Армении.

В городах и селах ощущался недостаток хлеба и других продуктов. На области, известные прежде своим изобилием, надвигался голод. Цены на промышленные товары и продукты питания непрерывно росли. Спекуляция повсеместно достигала чудовищных масштабов [9].

Все это вызывало недовольство в народе, крайне обостряло политическую обстановку в Закавказье.

Рабочий класс и беднейшее крестьянство под руководством большевиков поднимались на активную борьбу за осуществление социалистической революции.

И солдатские массы начинали понимать конечные цели политики соглашательских партий и все решительнее требовали передачи всей полноты власти Советам, видя в этом важнейшее средство прекращения войны и установления справедливого мира.

Обстановка, сложившаяся в Закавказье после Февральской революции, давала возможность Турции предпринять шаги к заключению перемирия на Кавказском фронте. Это значительно облегчило бы народу Турции бремя войны.

Однако младотурецкое правительство, с одной стороны подталкиваемое германскими империалистами, а с другой — обуреваемое по-прежнему жаждой захватов, не сумело трезво оценить положение. Свержение царизма в России в Стамбуле расценили как событие, благоприятствующее достижению пантюркистских целей на Востоке, и прежде всего в Закавказье. В мае 1917 г. Талаат-паша открыто заявлял, что для продолжения войны на Востоке «свержение царизма в России является благоприятным и для Турции событием» [10].

Подобная позиция Талаат-паши и его единомышленников отражала взгляды их союзников — германских милитаристов. Как известно, в правящих кругах кайзеровской Германии после Февральской революции было распространено мнение, что «русский народ, его армия окончательно потеряли боеспособность и желание продолжать войну»[11], в связи с чем настал удобный

[стр. 88]

момент для реализации идей пангерманистов о расширении рейха на Востоке. Гинденбург и Людендорф выступили за немедленное использование создавшегося положения для аннексии западных областей Российской империи, которые они «предназначали для организации поселений немцев — участников войны, как заслуженной награды за их боевую работу» [12].

Германские милитаристы такой же наградой для себя и для своих союзников считали и Закавказье.

В результате победоносного народного восстания 25 октября (7 ноября) было свергнуто Временное правительство и государственная власть перешла в руки Советов.

Героические усилия большевистской партии, возглавившей борьбу трудящихся масс России за переход от буржуазно-демократической революции к социалистической, увенчались успехом.

Великая Октябрьская социалистическая революция имела огромное значение для судеб угнетенных царизмом народов, в том числе и народов Закавказья. Она открыла им путь к национальному освобождению и миру, равенству и социальной справедливости. В «Декларации прав народов России»[13], провозглашенной Советским правительством, были воплощены вековые мечты лучших сынов Грузии, Армении, Азербайджана, боровшихся за свободу и счастливую жизнь своих народов.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции и первые декреты Советского правительства вызвали огромный прилив революционной энергии у рабочего класса и беднейшего крестьянства Закавказья, у солдатских масс русской Кавказской армии.

Героический пролетариат Баку не замедлил выступить с требованием о передаче всей власти Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [14]. Волна многочисленных митингов и собраний в поддержку революционного пролетариата России прокатилась в городах и селах Грузии [15], Армении [16] и Азербайджана [17].

13 ноября большевистскими делегатами на расширенном заседании Бакинского Совета рабочих и солдатских депутатов был поставлен вопрос о переходе всей власти в Бакинском районе к Советам. А 15 ноября, вопреки саботажу представителей соглашательских партий. Бакинский Совет провозгласил высшим органом власти в Баку Исполком Совета рабочих и солдатских депутатов.

Выражая волю и чаяния всех трудящихся Закавказья, Бакинский Совет 17 ноября объявил Баку неотъемлемой частью Советской России и признал Советское правительство во главе с В. И. Лениным единственно законным правительством страны [18]. Это решение Бакинского Совета сыграло огромную роль в интернациональном и революционном сплочении народов За-

кавказья, в усилении их борьбы за социалистическую революцию [19].

Несмотря на поддержку подавляющего большинства трудящихся и размах революционных настроений солдат Кавказской армии, Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов края не удалось распространить свою власть на все Закавказье.

Капиталисты и помещики, реакционное командование Кавказской армии и политические партии имущих классов — меньшевики, мусаватисты и дашнаки, консолидировав свои силы, сумели упредить революционные выступления рабочих и крестьян Закавказья. При поддержке империалистов США, Англии и Франции им удалось в конце ноября 1917 г. захватить власть в важнейшем военно-политическом центре Закавказья — Тифлисе. 28 ноября по прямой указке империалистов Антанты, при непосредственном участии англо-французских и американских представителей [20] взамен ОЗАКОМа из числа представителей буржуазно-националистических партий был создан контрреволюционный орган государственной власти — Закавказский комиссариат. Во главе комиссариата стоял меньшевик Е. Гегечкори, членами были эсеры Д. Донской и А. Неручев, дашнаки Г. Тер-Газарян, Х. Карчикян и А. Оганджанян, мусаватисты Хан-Хойский, М. Джафаров, Х. Мелик-Асланов и Х. Хасмамедов, соцфедералист Ш. Алексеев-Месхиев.

Основную свою задачу Закавказский комиссариат видел в подавлении революционной борьбы трудящихся Грузии, Армении и Азербайджана, в сохранении и упрочении буржуазно-помещичьего эксплуататорского строя.

Не признавая власть Совета Народных Комиссаров, Закавказский комиссариат делал все для того, чтобы оторвать Закавказье от России и узаконить такое отторжение.

В проведении своих реакционных мероприятий Закавказский комиссариат опирался на так называемые Национальные советы Грузии, Армении и Азербайджана, созданные меньшевиками, дашнаками и мусаватистами.

Опасаясь объединения революционных рабочих и крестьян с солдатами, комиссариат принял решение разоружить и демобилизовать Кавказскую армию, заменив ее национальными формированиями [21]. Это обстоятельство вызвало немедленное ухудшение внешнеполитического положения Закавказья. Массовый самовольный уход солдат с фронта, начавшийся вслед за этим решением Закавказского комиссариата, грозил развалом Кавказского фронта, угрожал существованию единственно реальной силы, способной противостоять германо-турецким войскам, и отдавал Закавказье, по существу, на произвол германо-турецких захватчиков.

Как известно, 2 (15) декабря 1917 г. в Брест-Литовске Советской Россией было заключено с блоком Центральных держав перемирие. Условия этого перемирия распространялись и

[стр. 90]

на русско-турецкий фронт. Однако Закавказский комиссариат, стремясь продемонстрировать, что он не признает Брестские переговоры, 5 (18) декабря 1917 г. в г. Эрзинджане заключает сепаратное перемирие с Турцией.

На сей раз англо-франко-американские представители молчали, они не требовали продолжения войны против стран германского блока «ради союзнических интересов». Важнейшим для стран Антанты стал не фронт против германо-турецких сил, а фронт против Советской России.

По прямой указке англо-французских и американских империалистов Закавказский комиссариат устанавливает тесные взаимоотношения с белогвардейскими генералами на юге России и контрреволюционными правительствами Северного Кавказа, образуя тем самым единый фронт против Советской России.

Белогвардейским генералам, выступавшим за «единую и неделимую Россию» не особенно-то импонировали закавказские националисты с их сепаратистскими лозунгами. Но приходилось считаться с тем, что Закавказье стало для белогвардейских армий тылом, откуда они могли получать разного рода помощь, и это вынуждало забыть до лучших времен об «идейных разногласиях».

Таким образом, уже в конце 1917 г. Закавказье превращается в плацдарм борьбы контрреволюции и поддерживавшего ее международного империализма против молодой Советской Республики.

Наступил один из самых трудных, мрачных периодов в жизни народов Закавказья.

Агрессия кайзеровской Германии против Советской Республики. Подготовка к захвату Закавказья

С первых же дней Великой Октябрьской социалистической революции Советское правительство развернуло активную борьбу за прекращение империалистической войны и заключение мира. Исходя из ленинского Декрета о мире, оно обратилось ко всем воюющим государствам с предложением установить на всех фронтах перемирие и приступить к мирным переговорам.

Как известно, союзники бывшей Российской империи по Антанте, а также США оставили без внимания мирные предложения Советского правительства. Что же касается Центральных держав, то они выразили согласие приступить к переговорам.

После достижения предварительного соглашения о перемирии в г. Брест-Литовске начались переговоры между советской делегацией, с одной стороны, и делегациями Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии — с другой [22].

[стр. 91]

Идти на переговоры с Советской Республикой кайзеровскую Германию объективно вынуждали тяжелое военно-экономическое положение и настойчивое требование немецкого народа прекратить империалистическую бойню. Однако, не считаясь с объективной ситуацией, германская военщина и крайне реакционная часть правящих кругов империи, выражавшая интересы монополистического капитала Германии, рассчитывали в своих интересах использовать мирные шаги Советской России. Германские милитаристы стремились путем высвобождения сил на Востоке усилить свои позиции на Западном фронте, а также осуществить наконец свою экспансионистскую программу на Востоке.

Империалисты Германии строили планы не только расчленения России и захвата ее важнейших территорий. Берлинская верхушка путем ликвидации Советской власти надеялась на ослабление революционного движения в собственной стране. На одном из секретных заседаний коллегии по иностранным делам при рейхсканцлере перед началом переговоров в Брест-Литовске было единодушно решено предпринять все возможные меры к тому, чтобы Россия была расчленена. «Объединенная Россия стала бы вновь враждебна нам, — к такому выводу пришли участники заседания. Поэтому надо сделать все, что возможно, чтобы не допустить этого» [23].

В числе районов, подлежащих отторжению от России, назывались прежде всего Прибалтика, Украина и, разумеется, Закавказье.

В то же время в официальных заявлениях представителей правящих кругов империи не было недостатка в уверениях готовности Германии заключить справедливый и демократический мир с Россией, всячески превозносились миролюбие Германии, великодушие кайзера и т. п. Почти все газеты, выходящие в империи, утверждали, что Германия не будет требовать от России территориальных уступок. Все это делалось для обмана масс, обработки общественного мнения страны в том смысле, что германская нация проливала кровь в войне якобы лишь в интересах справедливости.

Подлинные намерения германских империалистов стали очевидны сразу же после начала обсуждения на Брестских переговорах конкретных пунктов будущего мирного договора. Делегации стран германского блока, выдавая себя за представителей победившей стороны, попытались «навязать Советской стране грабительский и унизительный мир»[24]. Они потребовали от Советской Республики уступки территории площадью около 150 тыс. кв. км.

Советское правительство, стремясь получить мирную передышку для укрепления только что возникшего государства рабочих и крестьян, готово было подписать мир с Германией даже на таких условиях. Однако этому помешала предательская по-

[стр. 92]

литика Троцкого, возглавлявшего на одном из этапов переговоров в Брест-Литовске советскую делегацию.

Переговоры были прерваны, но условия перемирия оставались в силе. Однако кайзеровская Германия, вероломно нарушив их, 18 февраля 1918 г. предприняла наступление своих войск по всему фронту.

Регулярными войсками Советское государство тогда еще не располагало, а старая русская армия, изнуренная войной и возглавляемая царскими офицерами, была не в состоянии дать решительный отпор противнику. Поэтому в первые дни наступления продвижение немецких войск в глубь России проходило быстро.

Агрессия против первого в мире социалистического государства германскими империалистам была представлена мировому общественному мнению как «расширение немецкой оперативной сферы, чтобы произвести давление на большевистское правительство в Петрограде» [25]. Ударные группы немцев были нацелены на три важнейших центра нашей страны: Петроград, Москву и Ростов-на-Дону — соответственно через Прибалтику, Белоруссию и Украину.

До конца февраля 1918 г. германским войскам удалось захватить Двинск, Ровно, Вольмар, Гапсаль и Минск. После упорных, продолжительных боев пала Нарва. Опьяненные успехами первых дней, германские империалисты считали совсем близким тот день, когда будет захвачен Петроград — колыбель Октябрьской революции и ликвидировано Советское государство. Однако революционные рабочие и крестьяне России, возглавляемые Коммунистической партией большевиков, сумели за короткое время создать боеспособную армию и организовать оборону страны.

Германские войска вынуждены были приостановить свое наступление, а кое-где и отступить под натиском только что родившейся Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Б период наступления немцев Советское правительство неоднократно обращалось к кайзеровской Германии с предложениями о возобновлении переговоров, однако все предложения оставались без ответа. Лишь только тогда, когда правящие круги Германии убедились, что сломить Советскую Республику вооруженной силой не удастся, было получено согласие на возобновление переговоров.

Несмотря на то что новые требования германских империалистов были еще более тяжелыми, советская делегация 3 марта 1918 г. подписала в Брест-Литовске мирный договор. Трудящиеся России получили долгожданный мир. Военные действия против Советской России на северном и западном направлениях были приостановлены, однако на Украине германские войска по сговору с националистической Центральной радой продолжали наступать. Части Красной Армии и отряды украин-

[стр. 93]

ских партизан вели упорные бои с иноземными захватчиками, но из-за малочисленности не были в состоянии сдержать превосходящие австро-германские силы. 1 марта 1918 г. был занят Киев. К 29 марта немцы вышли на линию Полтава — Харьков — Николаев. После упорных боев советские отряды 8 апреля оставили Харьков. 30 апреля немцам удалось перерезать железнодорожную линию Воронеж — Ростов-на-Дону. К этому времени германскими войсками полностью был занят Крым”.

Оккупировав Украину к началу мая 1918 г., армия кайзеровской Германии установила там жесточайший режим. Грабеж населения сопровождался репрессиями против революционных рабочих и крестьян. Заодно с оккупантами действовали украинские националисты. Характерно, что в качестве опоры в проведении захватнической политики германские империалисты активно использовали буржуазных националистов. Они подстрекали националистически настроенных лидеров к отделению от Советской России на основе предоставленного Октябрьской революцией и Советским государством народам права на самоопределение, а затем помогали им в восстановлении буржуазно-помещичьего эксплуататорского строя в национальных окраинах бывшей Российской империи, оккупированных германской армией. Так было в Литве, Латвии, Белоруссии, на Украине. Так немцы намерены были действовать и в Закавказье, к границам которого германские войска быстро приближались.

В первых числах мая 1918 г.. захватив все важнейшие черноморские порты и Ростовскую область, германские вооруженные силы уже были на подступах к Кавказу и получили возможность начать реализацию планов по захвату Закавказья. Однако проникновение в Закавказье с севера было сложно, ибо это было сопряжено с опасностью новой войны против Советской России и привело бы к боевым действиям против быстро набиравшей силу Красной Армии. Поэтому берлинские стратеги предпочитали действовать главным образом через кучку националистов, используя их для создания условий, могущих благоприятствовать вступлению германских войск в Закавказье.

Одновременно с этим были предприняты шаги, направленные на восстановление утраченного во время войны влияния Германии в Закавказье.

Как только в Эрзинджане состоялось перемирие на Кавказском фронте, немцы приступили к восстановлению связей со своей уцелевшей агентурой. Некоторые из бывших агентов

получили даже официальные назначения в качестве представителей тех или иных ведомств Германии. В одном из документов Грузинского национального совета по этому поводу сказано: «В Закавказье бывшие немецкие тайные агенты сейчас действуют в открытую. Еще до государственного переворота (т. е. до Февральской революции.— Г. П.) большая часть их была выявлена, выслана или арестована. Возбужденное против них

[стр. 94]

следствие закончилось безрезультатно. А теперь же они из Германии получили различные назначения. Так, например. Герман Мей имеет поручение вести переговоры по закупкам хлопка и шпал, Евгений Пфицмайер выясняет размеры ущерба немцев в Закавказье в ходе данной кампании. Кроме того, эти лица выполняют все поручения немцев, относящиеся к сбору шпионских сведений как военного, так и коммерческого характера»[26].

Агентами Германии, остававшимися в Тифлисе во время войны в качестве частных лиц, были и сотрудники Музея Грузии профессор Шмидт и д-р Андерсон. Последний позже был назначен генеральным консулом Германии в Тифлисе[27].

Шмидту и Андерсону еще в 1917 г. удалось установить связь с некоторыми членами Грузинского национального совета. При их содействии в январе 1918 г. грузинские националисты направили в Стокгольм делегацию с секретной миссией. Делегация имела встречи с представителями Германии полковником Рихтером и д-ром Штайнвахом [28].Делегация вела переговоры об оказании помощи Закавказскому контрреволюционному правительству, целью которого, было сохранение буржуазно-помещичьего строя в крае. Делегация on имени Закавказского правительства просила о содействии в отделении Закавказья от России. Обсуждался также вопрос о путях установления более тесных взаимоотношений Германии как с Грузией, так и с Закавказьем в целом.

Сообщение Рихтера и Штайнваха о содержании секретных переговоров с представителями грузинских националистов было воспринято в Берлине с удовлетворением, так как предложения грузинских националистов полностью отвечали планам кайзеровской Германии в Закавказье. После этого в начале февраля в Закавказье через нейтральную Швецию под видом представителя Общества Красного Креста и Красного Полумесяца был направлен офицер германского генерального штаба Кайзер[29]. Он имел полномочия представлять в Тифлисе интересы германского правительства.

Прежде всего Кайзер установил контакт с руководством Грузинского национального совета. «Я имею приказ своего кайзера и своих непосредственных руководителей,— заявил он,— приложить все усилия для закладки фундамента сотрудничества Германии и Грузии»[30].

Кайзер и его помощники, выступавшие под видом представителей Общества Красного Креста и Красного Полумесяца Швеции и Дании, при содействии Закавказского комиссариата и активной поддержке членов Грузинского национального совета, приступили к сосредоточению немецких военнопленных в населенных пунктах Грузии, расположенных вдоль железнодорожной магистрали. Немецкие военнопленные с Северного Кавказа, Закавказья и даже из Ирана и Закаспия направлялись германскими агентами в Грузию якобы для последующей отправки

[стр. 95]

их на родину. На самом деле германское командование планировало вооружение и использование бывших военнопленных для оккупации Закавказья.

Миссия Кайзера пользовалась также услугами ряда членов Грузинского комитета независимости, прибывших в Закавказье после установления перемирия. Члены комитета имели задание добиваться установления протектората Германии над Грузией. Кайзеровская Германия располагала еще одним каналом связи с Грузинским национальным советом. В начале апреля 1918 г. меньшевиками в Берне (Швейцария) было создано специальное пресс-бюро, которое с целью привлечения внимания европейских стран к Грузии всячески

подчеркивало антибольшевистский характер установленного в то время в Закавказье государственного строя [31]. Это, безусловно, не прошло мимо внимания соответствующих ведомств кайзеровской Германии, которые не упустили возможности установить контакт с представителями меньшевиков.

Установление контактов с грузинскими националистами, посылка специальной миссии в Тифлис и сосредоточение немецких военнопленных в определенных пунктах Грузии были важными подготовительными мероприятиями к непосредственному вступлению германских войск в Закавказье. Однако немцы не ограничились этими шагами.

В конце апреля германское правительство с целью распространения своего влияния на все Черноморское побережье, Закавказье и даже районы Закаспия под предлогом обеспечения защиты немецких интересов, регулирования судоходства по Черному морю и налаживания торговых отношений с причерноморскими областями создало широкую сеть представительств. Во главе этих представительств были поставлены офицеры немецкой армии и флота (обычно сотрудники разведки) и гражданские лица из числа особо доверенных чиновников имперского ведомства экономики. В помощь им были присланы представители некоторых торговых фирм. Эти последние были агентами крупнейших монополистических объединений.

Указанные представительства подразделялись на две группы — западные и восточные. Центр западной группы представительств находился в г. Брэиле (Румыния), а восточной — в Севастополе. Брэильский центр носил название Немецкий штаб по охране общих интересов, его возглавлял капитан Шёне.

Севастопольский центр именовался Навигационно-технической комиссией (сокращенно Натеко). Представителем этого центра по Закавказью был назначен уже упоминавшийся выше офицер германского генштаба Мей. В секретном документе генерального штаба германской армии, где излагаются функции представительств, о которых идет речь, в отношении Германа Мея сказано следующее: «Полномочный офицер генерального штаба главного морского управления и военного министерства

[стр. 96]

для Кавказских областей майор Мей. Временное местопребывание Батум. Позднее, по-видимому,— Тифлис. Почтовый адрес — “Батум. Немецкому полномочному офицеру генштаба”. Задача: охрана немецких интересов в новых кавказских государствах и в занятых турецкими войсками русских областях; восстановление связи по Каспийскому морю с Закаспием» [32].

Мей быстро укомплектовал свой аппарат и деятельно включился в работу по созданию благоприятной обстановки для вступления немецких войск в Закавказье [33].

Немаловажную роль в подготовке вступления немецких войск в Закавказье сыграли представители отдельных фирм, а также крупных финансовых и промышленных магнатов, капиталы которых еще до войны были вложены в промышленность Закавказья. Указанные представители появились в Закавказье сразу же после подписания Брестского мира. Они приступили к изучению не только состояния интересующих их предприятий, но и занимались сбором сведений о наличии в крае сырья и материалов, в которых крайне нуждалась Германия к концу войны. В своих отчетах и докладах, направляемых в центр, они ставили вопрос о немедленной оккупации Закавказья [34].

Однако события в первые месяцы 1918 г. развивались таким образом, что Германия получила реальную возможность ввести свой войска в Закавказье только в начале лета.

Вторжение турок в Закавказье. Распад Закавказской республики

Для достижения захватнических целей, как уже отмечалось, кайзеровская Германия стремилась использовать в своих интересах марионеточные правительства, создание которых в

национальных окраинах бывшей Российской империи инспирировалось эмиссарами Берлина. Используя свое безграничное влияние на эти правительства, берлинская дипломатия побуждала их к заключению союза настолько тесного, что завершался он, как правило, приглашением немецких войск и фактической оккупацией страны.

Однако в Закавказье эта тактическая линия теоретиков и практиков германской экспансии натолкнулась на определенные трудности, которые в общих чертах заключались в следующем. Закавказье являлось многонациональной страной, где долгое время искусственно насаждалась национальная рознь; образовавшееся здесь буржуазно-помещичье правительство в лице Закавказского комиссариата являлось коалиционным, члены его не только были лишены чувства национального единства, но и придерживались разной внешнеполитической ориентации, в некоторых случаях и проантантовской; политика кайзеровской Германии, избравшей в качестве союзника такого хищника, как

[стр. 97]

Османская империя, среди народов Закавказья была крайне непопулярна; Закавказский комиссариат хотя и не признавал власти Совета Народных Комиссаров, но, опасаясь протеста широких народных масс, официально не решался объявить об отделении края от России. И наконец, в Баку, важнейшем экономическом и политическом центре края, существовала Советская власть, требование которой о единстве Закавказья с Советской Россией поддерживалось трудящимися массами, охваченными революционным движением.

Преодоление всех этих трудностей составляло серьезную проблему, о чем в руководящих сферах в Берлине имели отчетливое представление [35]. Однако ход событий в дальнейшем коренным образом изменил ситуацию. 10 января 1918 г. в Брест-Литовск к самому началу обсуждения условий мирного договора прибыла «делегация» Украинской Центральной рады, снаряженная по инициативе Германии. «Делегация» заявила, что она представляет законное правительство независимой Украины и будет выступать «самостоятельно» [36]. Троцкий, возглавлявший в это время советскую делегацию в Брест-Литовске, признал представителей Рады в качестве самостоятельных участников переговоров и тем самым оказал важную услугу германским империалистам, стремившимся, используя союз с послушной их воле Радой, захватить Украину.

Поощренные этим прецедентом, турки с ведома немцев 14 января предложили Закавказскому комиссариату начать сепаратные мирные переговоры, порекомендовав одновременно направить в Брест своих уполномоченных в качестве делегатов независимого Закавказского государства [37].

Закавказский комиссариат от прямого ответа на предложение о посылке делегации в Брест уклонился. Что касается сепаратных переговоров, то туркам лишь через две недели было сообщено о согласии приступить к ним, однако о времени и месте переговоров не было сказано ни слова. Да и турки предусмотрительно не требовали деталей. Используя перемирие как передышку, турецкие власти из последних сил вели подготовку к наступлению на Закавказье.

Из частей разгромленных в свое время на Кавказском фронте 2-й и 3-й армий, а также переброшенных с других фронтов подразделений [38] были сформированы воинские части численностью до 5 дивизий. В помощь им турки придали несколько отрядов курдской кавалерии и добровольцев, доведя тем самым общую численность своих войск на Восточном фронте до 25 тыс. человек.

Между тем в это же самое время со своих позиций уходили последние солдаты русской Кавказской армии. Прибывавшие на смену старой армии части армянских и грузинских национальных соединений были малочисленны и плохо вооружены. Раздираемое внутренними противоречиями, правительство За-

[стр. 98]

кавказской республики не проявляло никакой заботы об обороне страны. Следствием такого отношения к проблемам обороны было быстрое изменение соотношения сил на Кавказском

фронте в пользу турецких вооруженных сил, и турки, понимая это, ждали только удобного момента в международной обстановке, чтобы приступить к реализации своих захватнических планов в Закавказье.

Таким моментом для них послужил срыв переговоров в Брест-Литовске между представителями стран Германского блока и Советской Республики.

10 февраля в результате предательской политики Троцкого, не выполнившего директиву Советского правительства, переговоры были прерваны.

12 февраля, через два дня после срыва переговоров в Брест-Литовске и за 6 дней до начала наступления германских войск на Советскую Россию, Турция, нарушив условия перемирия, заключенного и в Бресте, и в Эрзинджане, под вымышленным предлогом открыла военные действия против Закавказья.

13 февраля турки заняли Эрзинджан. В соответствии с приказом командования армянские части стали отходить. Развивая наступление в феврале и марте, турецкие войска овладели городами Гюмушане, Байбурт, Трапезунд, Ардаган. 12 марта пал Эрзерум. Вскоре турецкие войска вышли на линию русско-турецкой границы 1914 г.

Еще 19 февраля Закавказский комиссариат известил командование турецких войск о своей готовности приступить к переговорам о мире.

8 марта, согласно договоренности с турками, делегация Закавказья во главе с меньшевиком А. Чхенкели прибыла в Трапезунд, где должна была открыться Турецко-Закавказская мирная конференция. Однако открытие ее затянулось. Теперь уже турки не торопились.

Прогермански настроенная часть грузинских националистов надеялась на возможное установление членами делегации Закавказья контакта с немцами в Трапезунде, с тем чтобы в необходимых случаях информировать германскую сторону о ходе переговоров и заручиться ее поддержкой в случае выдвижения турками чрезмерно тяжелых условий мира. Но турки создали вокруг делегации Закавказья такую обстановку, что члены делегации не могли ступить ни шагу без контроля, более того — фактически они были полностью изолированы.

Переговоры начались лишь 14 марта, и то по настоянию немцев, однако турки не собирались вести их серьезно. Зная о слабости Закавказской республики, турецкая сторона выдвигала все новые и новые требования, стремясь как можно дольше затянуть работу конференции. Это и понятно: тем временем наступление турецких войск продолжалось. Турецкие представители на переговорах требовали, чтобы в соответствии с усло-

виями Брестского мира о выводе русских войск из Карса, Ардагана и Батуми закавказское правительство передало эти районы Турции. Доводы представителей Закавказской республики, что для них не могут быть обязательными пункты Брестского мирного договора, поскольку закавказское правительство не признает власть правительства Советской России, и что Турция претендует на исконно грузинские и армянские территории, турецкой делегацией совершенно не принимались во внимание, равно как и другие любые аргументы. В Трапезунде шли долгие и бесполезные дискуссии, а турецкие войска уже миновали довоенную границу. Продвигаясь по территории Армении, они чинили жесточайший террор и насилие над мирным населением. Армянские подразделения и отряды партизан оказывали противнику отчаянное сопротивление, но силы были слишком неравны, и армянские части вынуждены были отступать с боями. На северном направлении турецкие захватчики быстро приближались к Батуми, Ахалциху, Боржоми.

Делегация Закавказской республики готова была подписать мир с Турцией, уступив Карс и Ардаган, но турок это не удовлетворяло. 6 апреля они предъявили категорическое требование признать пункты Брестского договора в отношении Карса, Ардагана и Батуми. Одновременно с этим, в соответствии с ранее выработанной германо-турецкой линией, турецкая делегация заявила, что впредь турецко-закавказские переговоры могут быть продолжены лишь в том случае, если Закавказье официально объявит себя независимым государством.

Цель этого последнего требования заключалась в том, чтобы поставить Закавказье вне условий Брестского мирного договора, затруднить возможность защиты этого края со стороны Советской России и тем самым открыть свободу действий для германских империалистов и турецких захватчиков.

Закавказский сейм отказался выполнить требования турок и 14 апреля отозвал делегацию из Трапезунда. Правительство объявило военное положение, был издан указ о мобилизации. Однако время уже было упущено, да и организовать отпор интервентам при всех обстоятельствах закавказское буржуазно-помещичье правительство не могло.

Фронт, противостоявший наступающим турецким частям не имел централизованного руководства, национальные части действовали автономно, сами по себе, их боеспособность была низка, а тыл был развален. Солдаты-кавказцы из регулярных частей русской армии, покинувшие фронт вместе с русскими солдатами, в большинстве своем снова были мобилизованы, однако вооружать их правительство опасалось из-за революционных настроений, которые они открыто выражали. Тифлисский губернский комиссариат, докладывая о настроениях солдатских масс министру внутренних дел, в частности, писал: «Как только солдаты получат в руки оружие — они немедленно направят его

[стр. 100]

уходили в красные против нас же»[39]. Многие из этих солдат партизанские отряды.

Господствующие классы боялись объявления народной войны против турецких захватчиков, ибо в ходе ее могли быть не только изгнаны интервенты, но и заодно свергнуто правительство буржуазии и помещиков.

В довершение всего в самом правительстве не было единства в вопросе борьбы с турецкими интервентами. Азербайджанские мусаватисты, когда-то поддерживавшие царское правительство в империалистической войне, в том числе и против мусульманской Турции, теперь категорически отказывались принять участие в войне с «единоверной» страной.

Между тем обстановка на фронте ухудшалась. 15 апреля турки заняли Батуми и продолжали наступление на север в направлении Поти. 18 апреля пал Каракёсе, 19 апреля Зекарский перевал — важный оборонительный рубеж на пути к Тифлису— был захвачен турецким добровольческим отрядом.

В связи с вторжением турок в Закавказье грузинские националисты, поддерживавшие контакты с немцами, по дипломатическим и иным каналам неоднократно обращались к представителям Германии с просьбой повлиять на Турцию — союзника империи, положить конец захватническим действиям. Однако ответ немецких представителей каждый раз сводился к тому, что турки не посмеют пересечь рубеж, указанный в Брест-Литовском мирном договоре, и потом-де Германия не может активно вмешаться в конфликт, поскольку Закавказье является составной частью России, с которой у Турции из-за Кавказа старые споры. Закавказскому правительству не оставалось иного выхода, кроме возобновления переговоров с турками, предварительно выполнив их ультимативное требование о признании Брест-Литовского мирного договора и объявлении независимости Закавказья.

22 апреля Закавказский сейм официально провозгласил независимость края от Советской России и поручил правительству возобновить переговоры с Турцией.

Закавказское правительство, теперь уже возглавляемое А. Чхенкели, обратилось к турецкому командованию с предложением прекратить с 17 час. 00 мин. 23 апреля военные действия и приступить к переговорам о заключении перемирия.

Но турок не устраивало перемирие. 25 апреля, заняв Карс, они продолжали продвигаться дальше, выдвинув в ответ на предложение закавказского правительства новые территориальные претензии. Теперь уже шла речь о границах 1877 г.

Было совершенно ясно, что туркам мир не нужен, что они, воспользовавшись сложившейся обстановкой, решили претворить наконец в явь свою давнишнюю мечту о захвате всего

Закавказья. Но к этому времени германские империалисты, в руках которых уже находились Украина и Крым с важнейшими

[стр. 101]

черноморскими портами, в свою очередь, сочли, что условия, необходимые для перехода к более активным действиям в Закавказье, вполне созрели. Однако их любые конкретные шаги в этом направлении не могли не привести к столкновению с интересами Турции. Когда турки увлеклись захватами до такой степени, что стали угрожать всему Закавказью, германские империалисты открыто выступили с намерением схватить за руку свою союзницу, покушавшуюся на их добычу.

Германия потребовала от турецкого правительства прекратить дальнейшее продвижение по Закавказью и сесть за стол переговоров с правительством Закавказской республики [40]. В Турции были крайне недовольны решением Германии, однако пришлось подчиниться воле старшего партнера. Для того чтобы впредь не возникли «недоразумения», Германия заставила Турцию заключить с ней секретный договор о разделе сфер влияния в Закавказье. Договор этот был подписан обеими сторонами в Константинополе 27 апреля 1918 г.[41]. Согласно пунктам договора, к Турции переходили уже занятые ею области Закавказья и вдобавок еще часть Армении вдоль железнодорожной линии Карс — Александрополь — Караклис. В остальной части Закавказья, включая районы Азербайджана, находившиеся под властью закавказского правительства, преобладающими должны были считаться интересы Германии. Однако турки все же сумели выторговать право провоза войск по Закавказской железной дороге якобы для борьбы против англичан в Северной Персии.

Это была уловка, удобный предлог для введения войск в Закавказье в обход договоренности с немцами. И, как в дальнейшем стало ясно Берлину, этим предлогом турки воспользовались для захвата Азербайджана.

Заключение договора 27 апреля 1918 г. между Германией и Турцией о разделе сфер влияния в Закавказье позволяет понять, насколько были беспочвенны утверждения лидеров грузинских националистических партий и ряда буржуазных историков о том, что Национальный совет Грузии вынужден был пригласить войска «цивилизованной Германии» в интересах спасения Грузии от ига «варварской Турции»[42]. На самом деле официальное приглашение немцев в Грузию, осуществленное от имени националистических лидеров, было лишь формальным актом. Еще задолго до совершения данного акта было принято решение о том, что Грузия достанется Германии.

Что же касается самого факта «приглашения», то он явился результатом заранее спланированных действий кайзеровской Германии, умело воспользовавшейся услугами представителей буржуазно-националистических партий, ослепленных классовой ненавистью к Советской России и революционному движению трудящихся Закавказья.

28 апреля, т. е. на следующий день после заключения дого-

[стр. 102]

вора о разделе сфер влияния в Закавказье, Турция дала согласие начать мирные переговоры в Батуми.

Переговоры эти открылись лишь 11 мая. Германия сразу же выразила желание взять на себя роль посредника в них. Представители Закавказья не были против, ибо они считали, что «пребывание немцев в Батуми имело значение накинутой на Турцию уздечки»[43]. Однако турки категорически отвергли услуги германской делегации и повели тайные переговоры с мусаватистами, чтобы обойти договор о сферах влияния. Это не ускользнуло от внимания немцев, и они, в свою очередь, приступили к секретным переговорам с грузинской частью закавказской делегации по вопросам германо-грузинских отношений и оказания Грузии «покровительства»[44].

Теперь германским империалистам и турецким захватчикам выгодно было, чтобы вместо

единой Закавказской республики существовали три «независимых государства». Представители Турции в ходе переговоров в Батуми преднамеренно выдвигали такие требования, принятие которых было равносильно ликвидации Закавказской республики.

26 мая, после того как турецкие войска захватили Караклис (ныне Кировакан) и Александрополь (ныне Ленинакан), турецкая делегация выдвинула требование о присоединении к Турции новых территорий, расположенных в уездах Шаруро-Даралагязском, Нахичеванском, Эриванском, Эчмиадзинском, Ахалкалакском, а также г. Александрополя. Одновременно турки ультимативно потребовали от закавказского правительства дать им право беспрепятственной перевозки турецких войск по всем железным дорогам Закавказья с обеспечением этих войск продовольствием. Ответ следовало дать через 72 часа.

Собравшийся в тот же день для обсуждения создавшегося положения Закавказский сейм, не придя ни к какому решению, сложил свои полномочия. Закавказская республика распалась. Взамен нее национальными советами Грузии, Армении и Азербайджана были провозглашены «независимые» республики: Грузия. Армения и Азербайджан.

Оккупация Грузии немецкими войсками

В ходе закулисных переговоров в Батуми с грузинской частью закавказской делегации немцы ясно дали понять, что Закавказская республика должна вот-вот распасться и Грузии следует обратиться за помощью к Германии. «В откровенной беседе немцев с членами делегации созрела будущая позиция Грузии. Мы заранее чувствовали, что закавказская коалиция непременно распадется. В секрет были посвящены только несколько человек» [45],— признает один из представителей Грузии в Закавказской делегации в своих мемуарах. Опасаясь подвоха

[стр. 103]

со стороны турок, немцы торопили представителей Грузии с принятием окончательного решения. В соответствии с их требованием, 14 мая 1918 г. Грузинский национальный совет принял решение просить у Германии покровительства. В решении говорилось следующее: «Сообщить председателю германской мирной делегации генералу фон Лоссову, что Грузинский национальный совет выражает желание и просьбу, чтобы Германия, насколько возможно, всемерно поддержала Грузию в международных и политико-государственных вопросах.

Просить генерала Лоссова о принятии им соответствующих мер для продвижения немецких войск на Северном Кавказе к границам Грузии настолько, чтобы возможно было установить с ними контакт для обеспечения безопасности Грузии.

Просить генерала Лоссова оставить в Грузии, пока возможно, находящихся здесь германских пленных и поручить германским офицерам их военную организацию с тем, чтобы грузинское правительство имело возможность в необходимых случаях использовать эти войска для установления порядка внутри страны и для борьбы с анархией»[46].

Через несколько дней после вручения генералу Лоссову этого «прошения» в Батуми, Поти и Очамчире были направлены отряды немецких солдат из состава оккупационных войск Германии на Украине. Одновременно немецкая делегация в Батуми приступила втайне от турок к спешной подготовке текстов договоров с будущей «независимой» Грузией.

25 мая, согласовав текст договоров с делегатами Грузии, представитель Германии фон Лоссов сделал официальное заявление, что в связи с некоторыми изменившимися обстоятельствами он должен выехать для консультации со своим правительством. Вечером того же дня на торговом судне «Минна Хорн» он отбыл, как сообщалось официально, в направлении Констанцы. Однако «Минна Хорн» к следующему утру причалила к пирсу Поти. Здесь фон Лоссов, в соответствии с существовавшей “секретной договоренностью, стал поджидать представителей Грузии, которые из Батуми выехали официально в направлении Тифлиса, однако в Самтредиа повернули на запад. «На узловой станции Самтредиа,— пишет З. Авалишвили,— отцепили вагон с делегатами, а поезд продолжал свой путь в Тифлис. Мало кто из пассажиров вагона

знал, что в Поти заранее было назначено свидание»[47]. Здесь 28 мая на пароходе «Минна Хорн» после трехчасового обмена мнениями состоялось подписание уже согласованных в Батуми текстов договоров, пункты которых фактически ставили Грузию в кабальную зависимость от Германии. В тот же день «Минна Хорн» вышла в море и на этот раз действительно взяла курс на Констанцу. На ее борту остались члены грузинской делегации А. Чхенкели, Н. Николадзе, З. Авалишвили, направлявшиеся в Берлин для окончательного урегулирования взаимоотношений с Германией.

[стр. 104]

Всего в г. Поти было заключено 6 договоров, из них четыре основных и два так называемых дополнительных.

Согласно второму пункту первого, основного, договора, Германия могла беспрепятственно пользоваться железными дорогами Грузии. В договоре формально указывалось, что в составе военной комиссии по железным дорогам могут находиться и представители союзников Германии. В действительности же все ее члены были немцами, начальником военной комиссии был назначен также немец, капитан фон Ниде, замененный затем фон Кригером. О том, что немцы не собирались допускать кого-либо из своих союзников к контролю над железными дорогами, свидетельствует письмо начальника немецкой военной комиссии военному министру Грузии от 5 июня 1918 г. (т. е. отправленное через неделю после заключения договоров в Поти). «На основании статьи соглашения между Грузией и Германией, а также словесной договоренности, прошу Ваше превосходительство в связи с поручением военной комиссии Германии дать немедленно всем железнодорожным и военно-транспортным учреждениям категорическое распоряжение не давать никаких сведений по военным и техническим вопросам на железнодорожном транспорте турецким офицерам и их агентам. Все эти лица должны направляться в военную комиссию Германии в Грузии, которая даст им необходимые сведения»[48],— говорилось в этом письме.

Этот договор, на первый взгляд, казалось бы, разрешавший лишь вопросы транспорта, в сущности давал Германии право на оккупацию Грузии. Поскольку немецкие войска занимали все железнодорожные станции, а в Грузии через все важнейшие населенные пункты проходила железная дорога, то оказывалось, что во всех важнейших населенных пунктах должны были разместиться немецкие гарнизоны.

Второй договор формально касался вопроса обмена военнопленными, но в нем содержался пункт (IV), который также фактически санкционировал оккупацию Грузии германскими войсками. «Имперское правительство Германии,— говорилось в нем.— оставляет за собой решение вопроса о немедленной отправке немецких военнопленных на родину или же о формировании из них военных частей для использования на территории Грузии или же в районах, граничащих с нею». Как видно из этого пункта, Германия собиралась использовать бывших военнопленных не только для оккупации Грузии, но и для дальнейшего распространения своего господства в Закавказье.

Согласно третьему договору, все суда, принадлежащие Грузии, переходили в распоряжение немцев. Капитаны кораблей, согласно договору (III пункт), считались находящимися на службе у Германии, причем им выдавался соответствующий документ (к договору прилагался образец этого документа).

Четвертый договор касался валютных взаимоотношений Гер-

[стр. 105]

мании с Грузией. Германская валюта допускалась на территорию Грузии на равных правах с местной.

Не менее важными для Германии были и два дополнительных договора, в особенности первый из них, который касался экономических взаимоотношений.

Это соглашение являлось типичным образцом тех договоров, которые империалисты

навязывали обычно колониальным и полуколониальным странам.

Прежде всего бросается в глаза то, что правительство Грузии должно было «национализировать» свои железные дороги, порты, рудники и предприятия горнорудной промышленности для облегчения их передачи под контроль германских фирм. И все эти колоссальные уступки лишь за то, что Германия обещала дать Грузии заем. Грузия не имела права использовать даже для внутренних нужд собственные богатства, которые подлежали неограниченному вывозу только в империю. Германия заранее гарантировала себе монопольное положение в экономике Грузии. Подписав такие обязательства, правительство Грузин превращалось в послушное орудие германских капиталистов

Второй дополнительный договор касался установления между сторонами консульских и дипломатических представительств. Особо оговаривалась защита интересов немецких колонистов. Грузинское правительство обязывалось подтвердить старые указы Российской империи, обеспечивавшие привилегии этим колонистам. Конечно, немцы считали этих колонистов своей опорой в Грузии.

Официальным представителем Германии в Грузии был назначен граф Шуленбург. Но наряду с дипломатическим представительством существовала еще упомянутая выше военная комиссия для руководства железнодорожным транспортом, а также различные комиссии по линии военного министерства, имперского ведомства экономики, ведомства военного снабжения и т. д., включая командование войск, которые начали прибывать в Грузию в массовом порядке уже с 25 мая 1918 г. Все эти комиссии и представительства, вместе взятые, назывались немецкой делегацией в Грузии. Главным руководителем делегации был назначен полковник Кресс фон Крессенштейн, получивший вскоре чин генерал-майора. Советниками по экономическим вопросам при главе немецкой делегации были назначены профессора Цугмаер и Дир. Советником военного министерства Грузии был назначен граф Вольфске [49]. Кроме Батуми, Поти и Очамчире немецкие войска были расквартированы в Ахали-Сенаки (ныне г. М. Цхакая), Самтредиа, Кутаиси, Гори, Сигнахи, Ворчало (ныне Марнеули), Тетри-Цкаро и др. В Тифлис немецкие войска прибыли 10 июня, а 11 июня здесь, на Головинском проспекте, был проведен парад германских вооруженных сил совместно с меньшевистскими войсками. Во время па-

[стр. 106]

рада с речью к войскам обратились граф Шуленбург и Рамишвили.

Общая численность немецких соединений, расположенных на территории Грузии, совместно с бывшими военнопленными и мобилизованными колонистами превышала 20 тыс. человек [50]. Это была армия оккупантов, но на приеме, устроенном в честь командования немецких войск, фон Кресс, обращаясь к членам грузинского правительства, говорил: «Нас привели сюда, в древний Кавказ, не только военные цели, но и громадное желание помочь грузинскому народу восстановить свою древнюю государственность и независимость. Мы находимся здесь не как победители, а как друзья. И это является основой нашего дальнейшего сотрудничества»[51]. Однако эти слова были рассчитаны лишь на обман масс, равно как и обращение правительства Грузии к народу в связи со вступлением немецких войск в страну.

В этом обращении, в частности, указывалось: «грузинское правительство доводит до сведения, что прибывшие в Тифлис германские войска приглашены самим правительством Грузии, имеют своей задачей защиту границ Грузинской республики»[52] в полном согласии и по указанию правительства Грузии.

Трудящиеся Грузии с враждебным недоверием встретила вступление немецких войск в их страну. Многие районы Западной и Восточной Грузии в это время были охвачены огнем народных восстаний. Никакие обращения и заверения не в состоянии были оправдать в глазах простых людей добровольную отдачу их родины иноземным захватчикам.

Даже газета меньшевиков «Борьба» вынуждена была признать политическую близорукость меньшевистского правительства, облегчившего кайзеровской Германии захват Грузии. «Правительство Германии,— говорилось в ней,— посылая войска в Грузию, преследовало свои

цели, стремясь защитить и обеспечить свои государственные интересы. И в дальнейшем политику Германии в Грузии будут определять не соображения грузинского правительства, а требования немецких интересов на территории Грузии»[53].

Так из-за антисоветской, антинародной, контрреволюционной политики меньшевиков, мусаватистов, дашнаков германским империалистам удалось в мае — июне 1918 г. оккупировать Грузию и поставить под угрозу захвата остальную часть Закавказья.

В этих условиях независимость страны, о которой разглагольствовали лидеры буржуазно-националистических партий, являлась фикцией. «Вы все хорошо знаете,— говорил тогда В. И. Ленин,— что эта независимость Грузии превратилась в чистейший обман,— на самом деле есть оккупация и полный захват Грузии германскими империалистами, союз немецких шты-

[стр. 107]

ков с меньшевистским правительством против большевистских рабочих и крестьян»[54].

Меньшевики и дашнаки, которые отказались подписать Брестский мир, вынуждены были 4 июня 1918 г. подписать на гораздо более тяжелых условиях мирные договоры с Турцией. Согласно этим договорам, турки занимали жизненно важные области Армении и значительную часть довоенной территории Грузии.

В тяжелом положении находилась Грузия в те годы, ряд ее районов был охвачен голодом, экономика была расстроена, транспорт работал с перебоями, государственная казна была пуста. «Грузинское правительство настолько бедно, что не имеет средств даже для того, чтобы выпустить национальные флаги»[55],— писал в своем отчете один из немецких дипломатов, приезжавший в Тифлис по особому поручению.

Эмиссар Брэильского информационного штаба майор Хей так описал состояние дел в Грузии в конце мая 1918 г.: «Экономическое положение Грузии безнадежно. Кризис горючего угрожает остановкой всей экономической жизни. Рост цен принял угрожающий характер; что же касается оборудования для промышленности, то его достать совсем невозможно. Желания, высказанные влиятельными лицами при встрече с нами, превышают наши возможности, в особенности в вопросе снабжения зерном» [56].

В архивных материалах Германии имеется немало документов, характеризующих положение в Грузии накануне ее оккупации германскими войсками. В одном из них, составленном в министерстве иностранных дел кайзеровской Германии, сказано: «Грузинское правительство проникнуто желанием утвердить спокойствие и порядок в стране. Однако ему не хватает для этого сил, и оно вынуждено лавировать между партиями. Ввиду того что национал-демократы [57] отказываются от всякого сотрудничества с правительством, последнее вынуждено пойти на союз с другими правыми силами, что может вызвать угрозу новой революции.

Для правительства наиболее жгучим является аграрный вопрос. Как бы оно ни разрешило этот вопрос, правительство вынуждено будет считаться с недовольными. Взрыв серьезных волнений, по мнению самого правительства, не исключен. Пока правительству удастся создать армию, пройдет много времени. Из-за плохого состояния финансов и недостатка зерна при общей неуверенности цена денег чрезвычайно понизилась. Еще ни с одним из соседних государств не установлены твердые границы Грузии. Повсюду есть районы, на которые претендуют как Грузия, так и ее соседи»[58].

Меньшевики, призывая немцев в Грузию, надеялись с их помощью укрепить свое шаткое положение. Тот же майор Хей, о котором выше говорилось, докладывал в Берлин, что «прави-

[стр. 108]

тельство Грузии просило, как это нам сообщили по телефону, дать в его распоряжение 3 бронемашины, снаряженные пушкой и пулеметами. Насколько для нас трудно удовлетворить их требование о зерне и других товарах потребления, настолько желательно как можно быстрее исполнить просьбу о передаче военного снаряжения, ибо это послужило бы и нашим прямым

интересам» [59].

Нетрудно догадаться, что меньшевикам эти броневики нужны были не для использования на фронте. Они предназначались для вооруженного подавления революционного движения рабочих и крестьян, которым была охвачена Грузия. Это стремление меньшевистского правительства соответствовало и желанию немецких империалистов. Ведь одной из целей их политики в Закавказье после Великой Октябрьской социалистической революции стало подавление революционного движения народных масс. Поэтому и указывал Хей в своем докладе, что передача оружия грузинскому правительству «соответствует нашим прямым интересам».

Глава IV

ГОСПОДСТВО ГЕРМАНСКИХ ИМПЕРИАЛИСТОВ В ГРУЗИИ

Заключение с Грузией новых кабальных договоров

Антинародная политика меньшевистских и других буржуазно-националистических деятелей, стремившихся любым путем укрепить свою власть, даже с помощью иноземных штыков, даже ценой потери национального суверенитета, позволила германскому империализму добиться господства в важнейших отраслях экономики Грузии, временного превращения Грузии, по существу, в колониально зависимую страну.

Первые контингенты немецких войск еще только сходили на кавказскую землю, а делегация меньшевистского правительства, выехавшая в Германию вместе с генералом фон Лоссовым, уже обивала пороги различных государственных ведомств Германии, пытаясь форсировать признание независимости Грузии и добиться заключения политических соглашений с германским правительством[1]. Эта делегация прибыла в Берлин 3 июня 1918 г. Через два дня она была принята министром иностранных дел Германии фон Кюльманом. 8 июня З. Авалишвили вместо заболевшего главы делегации А. Чхенкели встретился с представителями фракций парламента и сделал обстоятельный доклад о положении на Кавказе. Доклад был составлен таким образом, чтобы еще более возбудить интерес политических и деловых кругов Германии к Грузии, хотя в этом особой нужды не было, так как место Грузии в германской политике на Кавказе давно было определено.

В последующие дни делегация Грузии была принята некоторыми политическими и военными деятелями Германии [2]. Каждый раз встречи завершались обещанием содействовать скорейшему началу официальных переговоров между Германией и Грузией, однако те, от кого в действительности зависело решение данного вопроса, молчали. А пока делегация была занята составлением ответов на запросы многочисленных немецких фирм и отдельных предпринимателей, стремившихся, пользуясь случаем, получить подробные сведения об экономике Грузии, ее ресурсах и общем положении. Кроме того, делегация приняла деятельное участие в создании смешанного немецко-грузин-

[стр. 110]

ского общества, ставившего своей целью разведку и эксплуатацию природных богатств Грузии [3]. С немецкой стороны в общество вошли крупные предприниматели и банкиры, землевладельцы и представители торговых фирм.

Первое официальное собрание вновь созданного общества состоялось 27 июня 1918 г. в Берлине [4]. На собрании были заслушаны два доклада: первый — «О восстановлении независимости Грузии» и второй — «Об экономическом значении Грузии и Кавказа». В числе влиятельных лиц, присутствовавших на собрании, находились герцог Адольф Фридрих

Бранденбургский, граф Хенкель Датский, баронесса Тучи Кучебах, министры кайзеровского правительства фон Хентиг и фон Рихтер, профессора Ганс Дельбрюк, Людвиг Штейн, Рихард Штюбе. Рудольф Фитцнер и др.

Делегация меньшевистского правительства уделяла много внимания установлению контактов с влиятельными лицами Германии с тем, чтобы через них добиться скорейшего признания независимости Грузии и начала переговоров. В этом же направлении действовал и фон Лоссов. Ему удалось склонить военных руководителей империи к большей активизации политики захватов на Кавказе, добиться обещания при необходимости выделить дополнительные силы для отправки на Кавказ.

Во время аудиенции, данной фон Лоссову Вильгельмом II, генерал сделал доклад о положении дел в Закавказье. При этом он особенно подробно говорил об успехах политики Германии в Грузии, результаты которой могут привести к образованию в Закавказье государства, находящегося всецело в зависимости от Германской империи. Соглашаясь с ним, Вильгельм II поинтересовался, каковы реальные возможности осуществления вынашивавшегося в правящих кругах Германии плана восстановления в Грузии монархии.

Как известно, германские империалисты хотели не просто восстановить монархию в Грузии, но и посадить на трон одного из германских принцев. Посольство Германии в Москве имело специальное задание прозондировать данный вопрос[5].

Фон Лоссов следующим образом передал членам грузинской делегации желание кайзера о восстановлении монархии в Грузии: «Вильгельм сказал, что, как ему помнится с детства, отец его, будучи наследником трона, принимал участие в церемониале бракосочетания Александра III, где увидел королеву Грузии, головной убор которой украшали узоры, напоминающие орнамент башен римских замков. Память императора и романтичность его мыслей весьма примечательны! Как вам нравится корона Грузии?» [6].

Слова фон Лоссова не могли не смутить членов делегации. С одной стороны, они хорошо понимали, что при Александре III уже ни одной из цариц Грузии в живых не было, с другой стороны, так или иначе, они представляли республиканское

[стр. 111]

правительство и возрождение в Грузии монархии означало бы, автоматически, ликвидацию того самого республиканского строя, правительство которого делегация представляла. Однако, никак не выразив своей озабоченности, члены делегации продолжали обсуждать с генералом пути успешного осуществления возложенной на делегацию миссии. Фон Лоссов не скрывал от членов делегации, что задержка с признанием Грузинской республики де-юре объясняется веской причиной: по «Брест-Литовскому договору, Грузия, как и весь Кавказ, считается составной частью России»[7], а Германия не решалась нарушить условия этого договора.

Германское правительство понимало, что признание независимости Грузии и проведение с ней переговоров вызовут законное недовольство Советской России. Как раз об этом и говорил фон Кюльман на заседании рейхстага 22 июня 1918 г. во время обсуждения вопроса об отношении к окраинным районам бывшей Российской империи. Он заявил, что дипломатическое признание ряда государств, отделившихся от России, в том числе и Грузии, зависит от результатов переговоров с Советским правительством [8].

«Грузинское государство,— говорил в своей речи фон Кюльман,— с которым у нас установились дружеские взаимоотношения, мы признали де-факто. Для окончательного оформления наших взаимоотношений здесь по нашему приглашению находится делегация этого государства. Мы с нашей стороны стремимся оказать всевозможную помощь образованным на Кавказе государствам. С этой целью послана дипломатическая миссия в Тифлис... Мы желаем Грузинскому государству, его мужественному народу и богатой стране счастливого будущего и готовы ради этого установить дружественные отношения между Грузией и Германией»[9].

На этом заседании рейхстага кроме Кюльмана выступили шесть депутатов, в той или иной мере затронувших вопрос признания независимости Грузии [10]. Среди этих выступлений наиболее характерным в смысле раскрытия целей Германии в Закавказье являлась речь депутата рейхстага графа фон Вештерна. Он заявил: «Я приветствую признание Грузинского государства де-факто и установление с этим государством в скором будущем таких взаимоотношений, которые дадут возможность тесного сотрудничества не только в политике, но и в экономике. Эта страна для немецкой экономики имеет важное значение из-за богатства ископаемыми: медью, нефтью, марганцем — и замечательных климатических условий; из-за удобного ее расположения — между Каспийским и Черным морями — в районе заинтересованности Германской империи» [11].

То, что с грузинской делегацией так долго не начинали официальных переговоров, объяснялось не только сложностью вопроса о признании независимости Грузии, но также и тем,

[стр. 112]

что в правящих кругах Германии хотели иметь более обстоятельные и подробные данные о состоянии ресурсов Грузии и вообще Закавказья. Добыть эти сведения было поручено Брэильскому информационному центру, эмиссар которого, уже упомянутый Хей, со своими помощниками находился в Тифлисе с соответствующим заданием. Одновременно между различными ведомствами велась оживленная переписка, собирались статистические, справочные и другие данные, необходимые для подготовки к переговорам по экономическим вопросам. Например, шеф ведомства военного снабжения интересовался у министерства иностранных дел возможностью получения из Грузии масличных культур и кормовых — кукурузы и ячменя, просил учесть интересы военного снабжения при переговорах с грузинской делегацией [12]. Фриц Тиссен — глава крупнейшего монополистического концерна — просил ведомство экономики сообщить ему список фирм, которые примут участие в акционерном обществе по эксплуатации потийского порта [13]. Другие предприниматели запрашивали сведения о размерах пошлин на вывозимые из Грузии товары и т. д.

Имперское ведомство экономики интересовалось долей Грузин в экспорте Российской империи, при этом оно предупреждало МИД о необходимости иметь в виду, что не все товары, вывозившиеся из грузинских портов, производились в Грузии.

Как видно, германские монополии собирались эксплуатировать Грузию и Кавказ в целом как сырьевой придаток экономики метрополии.

Наконец, 9 июля 1918 г. из Тифлиса поступил отчет Хея. Подробно проанализировав экономическое и военно-политическое положение Закавказья, автор доклада писал в заключении: «Падение Закавказской республики и наступление турок вопреки Брест-Литовскому соглашению на армянские и азербайджанские территории имело весьма неблагоприятные экономические последствия. Надежда на то, что будет создан единый экономический район Закавказья, потерпела крах. Баку находится под влиянием большевиков, нефтепровод местами поврежден, большинство запасов хлопка в руках турок или же на территории их сферы влияния. Развитие наших экономических взаимоотношений с Закавказьем зависит от решения ряда вопросов. К ним относятся:

1. Создание единого экономического района Закавказья и связанное с этим урегулирование положения на транспорте и в налоговой системе; надо исходить из того, что три республики — Грузия, Азербайджан и Армения — не способны на самостоятельное экономическое существование.

2. Обеспечение добычи бакинской нефти заинтересованными государствами.

3. Надо учредить специальную комиссию для занятых турками территорий, которая защищала бы интересы Германии в тор-

[стр. 113]

говле, так как турки не разрешают местным властям вести с немцами обмен товарами» [14].

Далее Хей писал, что наиболее целесообразным при создавшемся в Закавказье положении является заключение с представителями Грузии договоров на уровне частных фирм, а не по линии государственных органов.

После тщательного изучения доклада Хея в ведомстве экономики, в МИДе, в канцелярии рейхсканцлера на пятницу 12 июля 1918 г. было назначено совещание для обсуждения вопросов использования экономических возможностей Грузии. В совещании приняли участие как представители военного министерства (управление резервов и снаряжения), ведомства экономики и МИДа, так и представители монополистического капитала, такие, как Тиссен, Крупп и др. [15]. Представителей Грузии, как и следовало ожидать, на это совещание не пригласили [16]. После обмена мнениями было решено начать переговоры с грузинской делегацией, предварительно уточнив список промышленно-финансовых объединений, которым следовало принять участие в эксплуатации экономики Грузии.

Вечером того же дня начались переговоры с грузинской делегацией. Немецкую сторону на переговорах представляли [17]: Немецко-Люксембургское горнорудное общество, Эссенское общество Фридриха Круппа, Гельзенкирхенское горнорудное общество, Королевское промышленное объединение Фрица Тиссена, Оберхаузенское промышленное объединение, Кавказское горнорудное общество.

Переговоры длились недолго. Они завершились на следующий день — 13 июля подписанием четырех договоров с немецкими предпринимателями о создании акционерных обществ по эксплуатации чиатурских марганцевых рудников, железной дороги Чиатура — Поти и Потийского порта.

Согласно договорам, железнодорожная линия Шоропань — Чиатура — Сачхере с 1 октября 1918 г. переходила в управление акционерного общества сроком на 40 лет, порт Поти — на 60 лет, а чиатурские рудники — на 30 лет [18].

По условиям договоров, контрольные пакеты акций создаваемых акционерных обществ оказывались в руках немецких предпринимателей. Две трети руководящего состава каждого из акционерных обществ по эксплуатации марганцевых рудников, железной дороги к ним, а также порта Поти должны были составлять немцы, а одну треть — представители Грузии.

Акционерным обществам передавались в свободное и неограниченное пользование все сооружения и эксплуатационные средства железной дороги и порта. Акционерным обществам предоставлялось право выступать во всех случаях в качестве собственников этих сооружений и оборудования.

Правительство Грузии обязано было, как вытекало из договоров, предоставлять акционерным обществам в неограничен-

[стр. 114]

ное пользование любые земельные участки, которые могут понадобиться им, «включая подъездные пути всех видов и все пути сообщения для цели улучшения транспортировки марганцевой руды от рудников до самой железной дороги или других предприятий, примыкающих к железной дороге, даже против желания владельцев этих участков» [19].

Грузинское правительство не имело права облагать германо-грузинские акционерные общества какими-либо налогами, но вместе с тем правительство Грузии брало на себя обязательство охранять имущество акционерных обществ и нести ответственность за ущерб или разрушения, которые могли быть причинены в результате волнений, восстаний или «иных внутриполитических событий».

Как видно, немецкая сторона отдавала себе отчет в том, насколько противоречили интересы германского капитала интересам грузинского народа, и, учитывая риск, связанный с функционированием акционерных обществ в этих условиях, стремилась получить необходимые гарантии.

На переговорах немецкая сторона обеспечила себе право эксплуатации и водных ресурсов

Грузии. Было также оговорено, что соглашения, заключенные фон Лоссовым в Поти, не подлежат отмене.

Договоры входили в силу после упорядочения политических вопросов во взаимоотношениях между Германией и Грузией, т. е. признания независимости последней.

Таким образом, договоры, заключенные с Германией, фактически ставили экономику Грузии в полную зависимость от германского капитала. Единственное, чем готовы были заплатить представители Германии за столь значительное приобретение.— это признание независимости Грузии.

Вслед за подписанием договоров с представителями меньшевистского правительства Грузии лица, представлявшие немецкую сторону, подписали между собой другое соглашение, касающееся доли каждого в прибыли обществ, а также способов регулирования взаимоотношений с другими предпринимателями[20].

Немцы были вполне довольны результатами перегон.: ров. «Мы заключили с Грузией договоры и теперь можем эксплуатировать ее богатства, столь необходимые для наших нужд».— записал в своем дневнике посол Мекленбург-Шверинского герцогства фон Бранденштейн [21].

Об условиях заключенных договоров в Грузии стало известно лишь в начале августа. Кабальная сущность договоров была настолько очевидной, что ими остались недовольны даже многие члены меньшевистского правительства, не говоря уже о широких кругах населения Грузии. Обеспокоенный этим фактом, генерал фон Кресс срочно телеграфировал министру иностранных дел Германии, прося его сообщить подробно о политической

[стр. 115]

стороне заключенных договоров для соответствующего разъяснения общественности. «Ибо,— как писал он,— из-за действий оппозиции и социалистической пропаганды, начавшейся по этому поводу, может последовать падение кабинета»[22].

Из текста этой телеграммы видно также, насколько дорожили в Берлине такими преданными слугами, как члены меньшевистского правительства.

Заключив экономические договоры, грузинская делегация приступила с представителями МИДа Германии к выработке политического договора. Август — сентябрь ушли на согласование пунктов на уровне советников. За это время Германия «добилась» согласия Советской России о признании Грузии независимым государством. Соответствующий пункт был включен в Дополнительный договор от 27 августа 1918 г.[23]. К 3 октября проект политического договора с Грузией был готов. Он состоял из 8 глав и содержал ряд вопросов экономического характера. Основным результатом договора, по мнению членов грузинской делегации, было признание независимости Грузии. По этому поводу они не скрывали своей радости. Однако их ликование было преждевременным. Подписание договора затянулось, сначала в связи с правительственным кризисом в Германии, а затем из-за ухудшения положения германских войск на фронтах и надвигавшейся революции. Договор этот так и остался неподписанным [24].

Пока в Берлине шли переговоры с представителями Грузии, немецкая делегация в Тифлисе не сидела сложа руки. Чтобы ускорить процесс втягивания Грузии в сферу влияния Германии, в начале июля немецкая делегация предложила правительству организовать в Тифлисе немецкий экспортно-импортный банк. Делегация представила подробный план привлечения в банк капиталов немецких колонистов и купцов, проживающих в Грузии. «Используя обширные связи, банк смог бы способствовать сбору сырья со всего края и продаже его немецким заготовителям. Банку будет дано право обеспечивать в первую очередь те круги населения, которые поставляют сельскохозяйственные продукты»,— говорилось в докладе немецкой делегации своему правительству [25].

Члены делегации в ряде документов высказывали недовольство тем, что финансовое хозяйство Грузии, несмотря на рекомендации немецких специалистов, оставалось полностью

расстроенным. Так, 24 августа 1918 г. немецкий советник центральной кассы тифлисского банка докладывал в Берлин, что «вот уже 12 месяцев, как из-за политического положения здешние банки вынуждены были приостановить свои операции и за неимением денег не выполнять заказы... Доверие к банкам совершенно подорвано, в связи с чем никто не вносит вкладов в банк на хранение, предпочитая держать деньги дома, в сейфах»[26].

[стр. 116]

Немецких коммерсантов и промышленников, стремившихся обосноваться в Грузии, не устраивало то, что единственным средством, при помощи которого грузинское меньшевистское правительство добывало деньги, было печатание банкнотов, не имевших никакого реального обеспечения. Вести в Грузии деловые отношения в рамках заключенных экономических соглашений на основе этих банкнотов было невозможно.

Учитывая это, 15 августа 1918 г. группа немецких банков («Дисконто-гезельшафт», Бременское торговое общество, Торгово-промышленный банк, фирма «Блайхредер», Немецкий банк, Дрезденский банк, фирма «Мендельсон», Гамбургская компания «М. М. Варбург») заключила с грузинским правительством финансовое соглашение. Банковская группа гарантировала грузинскому правительству заем в 54 млн. марок сроком на 28 лет на условиях 6% годовых с началом погашения в октябре 1924 г.[27].

Прибыль от этого займа должна была быть использована для того, чтобы поставить денежное обращение в Грузии на новую основу. Для этой цели основывался грузинский государственный банк, который получал исключительное право, разумеется под контролем немцев, на выпуск банкнотов в Грузии. Для гарантии уплаты процентов и возврата займа грузинское правительство закладывало выручку, которую оно должно было получить от акционерных обществ, создававшихся в соответствии с договорами от 13 июля. Финансовое соглашение от 15 августа [28] фактически дополняли берлинские соглашения. Все эти документы, вместе взятые, по сути дела, лишали Грузию доходов от экономики своей страны на ближайшие десятилетия. В таких условиях самостоятельность Грузии была бы абсолютной фикцией, однако германским империалистам до интересов грузинского народа не было дела.

Установление колониального гнета

Немецкие оккупанты вели себя в Грузии, как в собственной колонии: по своему усмотрению проводили денежное обложение, отбирали скот, продукты питания, чинили всякого рода насилия [29]. Местными законами они пренебрегали, сложившиеся веками порядки и обычаи нагло попирали. Считая себя хозяевами страны, они уже разрабатывали планы онемечивания грузин и других народов Закавказья. Так, в одной из докладных записок немецкой делегации указывалось, что «немецкий язык, по имеющимся сведениям (в Закавказье), является довольно распространенным, так что можно без особого труда и далее распространять его»[30].

Заключение кабальных договоров открывало дорогу в Грузию вслед за представителями крупных монополий множеству

[стр. 117]

мелких немецких предпринимателей и дельцов. Появились их многочисленные проекты и предложения о строительстве в Грузии мясо-молочных, консервных, винно-водочных и других заводов, чайных и табачных фабрик [31].

В имперское ведомство экономики и на имя руководства немецкой делегации в Грузии поступало немало просьб также и со стороны немецких землевладельцев о разрешении приступить к изучению особенностей земледелия в Грузии с тем, чтобы в последующем основать там свои фермы [32].

Германские империалисты не скрывали, что намеревались со временем превратить Грузию в экономический придаток метрополии.

Меньшевистское правительство готово было во всем угождать немецким оккупантам. Какими бы вопиющими ни были действия захватчиков, о протесте с его стороны не могло быть и речи. Во всех министерствах и ведомствах сидели немецкие советники. Помимо банков под их контролем находились почта и телеграф. Немцы вмешивались в дела учреждений и ведомств. Немецкие советники, игнорируя местное руководство, сами давали низовым звеньям те или иные директивы.

Глава немецкой делегации фон Кресс считал возможным вмешиваться даже в спор между местными властями и отдельными землевладельцами. «Германская миссия ревностно защищала интересы помещиков»[33]. Она зорко следила за происходящими в стране социальными процессами и каждый раз, когда возникали ситуации, угрожавшие господству эксплуататорского строя, предлагала свои услуги буржуазно-националистическому правительству [34]. Под «услугами» подразумевались, естественно, карательные акции и различного рода репрессии по отношению к местному населению.

Руководители немецкой делегации и представители германских монополий были недовольны низкой производительностью труда на шахтах и рудниках Ткибули и Чиатура, на погрузочных работах в порту Поти. Немецкие советники объясняли низкую производительность труда нежеланием рабочих трудиться и требовали от меньшевистского правительства введения жесткого трудового законодательства, которое допускало бы применение и карательных мер.

Немецкие оккупанты постоянно добивались неуклонного выполнения любых своих требований, в то же время просьбы местных властей, если они не касались подавления революционного движения в стране, как правило, оставались без внимания. И уж совсем не могло быть речи об элементарной ответственности и заботе о нуждах населения. В этой связи уместно напомнить, как немцы относились к проблеме обеспечения населения Грузии хлебом и другими продуктами.

Летом 1918 г. в Грузии снабжение населения продовольствием и товарами первой необходимости катастрофически ухуд-

[стр. 118]

шилось. Однако кайзеровская Германия, на помощь которой все еще надеялось меньшевистское правительство, ничего не хотела предпринимать.

В начале июля члены грузинского правительства пригласили фон Кресса и некоторых других ответственных лиц из немецкой делегации, чтобы ознакомить их с положением в стране. Немцев просили оказать помощь в снабжении населения продуктами, иначе — объяснили оккупантам — могут возникнуть голодные бунты. Фон Кресс дал обещание поставить этот вопрос перед своим правительством.

Н. Рамишвили, приняв слова Кресса за твердое намерение Германии прийти на помощь голодающему населению Грузии, объявил во всеуслышание, что «Германия решила оказать помощь хлебом». Опасаясь скандала, Кресс вынужден был 11 июля 1918 г. телеграфировать в Берлин, в министерство иностранных дел: «Вчера на заседании национального собрания Рамишвили под одобрение присутствующих объявил, что Германия будет посылать муку, хотя я ничего не обещал, а предпринял только соответствующий шаг в отношении Центральных держав. Я протестовал против искажения моих слов. Но тем не менее ныне в наших же интересах необходимо, чтобы Германия доставила муку. Компенсация поступит в виде меди»[35].

Не дожидаясь ответа из Берлина, Кресс 16 июля дал новую телеграмму сразу в три инстанции — генеральному штабу, имперскому ведомству экономики и ведомству военного снабжения. В телеграмме говорилось: «Положение в Грузии критическое. Правительство настоятельно просит поддержки продовольствием. Прежде всего наши кровные интересы требуют, в противовес серьезной пропаганде наших противников, поддержать грузинское правительство необходимыми на один месяц продуктами. Большое политическое значение имела бы немедленная отправка в Поти хотя бы одного маленького парохода, груженного мукой» [36].

Из Берлина вскоре поступил ответ с категорическим отказом. Крессу давали понять, что в Грузию Германия пришла не для того, чтобы снабжать ее хлебом, а чтобы брать оттуда все, что необходимо для империи [37].

Имперское ведомство экономики, игнорируя положение в Грузии, 22 июля в письме на имя министра иностранных дел Германии, наоборот, требовало, чтобы «при переговорах с представителями Грузии воздействовать на них с целью обеспечения вывоза из Грузии продуктов питания, семян, кожи, зерна и бобовых» [38].

Видя, что на получение зерна из Германии мало надежды, грузинское правительство 3 сентября с ведома фон Кресса снарядило делегацию на Украину для переговоров о закупке зерна и других продуктов в обмен на марганец, табак, лавровый лист, шерсть. Делегация грузинского правительства, зная по соб-

[стр. 119]

ственному опыту, что Центральная рада Украины подобные вопросы сама не может решать, обратилась непосредственно к германским оккупационным властям в Киеве. Делегация Грузии попросила разрешения на закупку 59 тыс. т пшеницы, 17 тыс. т кукурузы и 16 тыс. т сахара. Но германские оккупационные власти на Украине не решились разрешить закупку продуктов без санкции своего правительства. Поэтому их представитель Мумм 4 сентября, информируя Берлин о просьбе грузин, писал в имперское ведомство экономики: «Мы обнадежили грузинских представителей скорым ответом, вместе с тем объяснили им, что требуемое количество продовольствия трудно достать. В ответ на это грузины подчеркивали свое бедственное положение. Просим сообщить вашу точку зрения»[39].

Из имперского ведомства экономики пришел ответ: Германия сама нуждается во всех перечисленных продуктах, на просьбу грузинской делегации о закупке продуктов следует ответить категорическим отказом [40]. Тогда фон Кресс решился снова обратиться с ходатайством в правительство. 14 сентября 1918 г. он направил в МИД Германии телеграмму следующего содержания: «Здесь положение все ухудшается. На немцев, которые “страну только высасывают, но ничего не привозят”, сваливают вину за дороговизну. Я настоятельно прошу направить, наконец, муку для Грузии» [41].

Однако в Германии никто серьезно не думал об оказании помощи далекой Грузии. Более того, чиновники разных рангов были серьезно раздражены тем, что вообще к ним обращались с подобными просьбами. Так, руководитель ведомства военного снабжения фон Вальдов 23 сентября в своем письме начальнику генерального штаба, министру иностранных дел и главе имперского ведомства экономики писал: «К нам поступают документы, свидетельствующие, что Грузинская республика просит значительное количество продовольствия у Украины и некоторые наши представители ходатайствуют об этом. Я не могу одобрить это и считаю ненужным присылать мне в дальнейшем какие-либо предложения на этот счет. Я прошу отклонять их без дальнейших разговоров, так как потребности Германии в зерне и другом продовольствии на текущий год не обеспечены.

При таком положении дел невозможно отдать Грузинской республике какое-либо количество продуктов... Я был бы благодарен вам,— продолжал фон Вальдов,— если бы на это было обращено внимание лиц, ведущих переговоры с Грузией, и было бы дано им указание отклонять все предложения относительно доставки ей продовольствия» [42].

Без внимания была оставлена также и просьба грузинского правительства о доставке товаров первой необходимости. Причем, как и на зерно, в обмен на эти товары грузинское правительство готово было поставлять руду, шерсть, табак и дру-

[стр. 120]

гие сырьевые материалы, т. е. речь шла не о безвозмездной помощи.

Еще 26 июля министерство иностранных дел Грузии предоставило германской делегации список товаров, которые желательно было бы завезти в Грузию.

20 сентября делегация Грузии в Берлине вторично представила этот список имперскому ведомству экономики. «Честь имеем выслать вам один экземпляр списка товаров,— писал руководитель грузинской делегации главе ведомства экономики,— экспорт которых в Грузию необходим. Мы готовы дать любую справку относительно неясных вопросов. Вас же просим позаботиться об ускорении разрешения на экспорт, без чего стал бы невозможен дальнейший ход наших дел»[43].

Однако грузинская делегация напрасно ждала ответа на свое письмо. Германия не собиралась оказывать помощь товарами, так же как и зерном.

После долгого ожидания грузинская делегация в начале октября направила повторный меморандум шефу имперского ведомства экономики. При знакомстве с текстом меморандума нельзя не обратить внимание на униженную форму, в которой грузинская делегация выражает свои законные требования.

Выше было показано, какими кабальными были экономические договоры, навязанные Германией грузинской стороне. Германия поощряла грузинских сепаратистов в их антинародной политике отторжения Грузии от России. Германия, естественно, должна была нести ответственность за критическое положение, в котором оказалась экономика Грузии. Но представителям грузинского правительства приходилось выступать в роли просителей. Так, текст меморандума гласил: «В августе с. г. экономическая комиссия грузинского правительства в Берлине начала свою деятельность по закупке товаров в Германии и в нейтральных государствах для вывоза в Грузию. Как известно Вашему высочеству, в Грузии царит их нехватка, из-за этого чрезвычайно вздорожало все продовольствие, от чего должно страдать не только местное население, но и представители немецкой империи в лице военных частей, находящихся в настоящее время в Грузии. Цены повысились не только на продовольствие, но и на различное сырье, в котором Германия крайне нуждается. И мы убеждены, что быстрое снабжение Грузии необходимыми товарами будет в интересах обеих стран. Скорое снабжение Грузии желательно также и по той причине, что распространение немецких товаров в этой и в соседних странах подготовило бы местные рынки для принятия товаров Германии без конкуренции со стороны других стран в будущем. Эти взгляды разделяли также до сих пор руководящие круги Германии, но когда комиссия приступила к практическому выполнению своей задачи, выяснилось, что почти невозможно осуществить экспорт из Германии в Грузию, поскольку комиссия в своих мероприятиях

[стр. 121]

наталкивается на такие трудности, которые невозможно преодолеть без дальнейшего содействия центральных правительственных органов» [44].

Как ни старалась грузинская делегация облегчить кризисное положение страны, какие доводы ни приводила, подчеркивая выгоды, которые могла бы извлечь Германия, она ничего не добилась. Дело кончилось тем, что 11 октября делегацию пригласили в имперское ведомство экономики и заявили, что решение данного вопроса в настоящее время невозможно.

При всей жестокости и бесцеремонности политики оккупантов по отношению к местному населению германские империалисты все же не решались открыто демонстрировать безучастное отношение к нуждам населения в стране, правительство которой «пригласило германские войска в качестве защитников». Поэтому в Берлине вынуждены были прибегать к различного рода недостойным ухищрениям. Так, в октябре 1918 г. представитель имперского ведомства военного снабжения в Тифлисе Тило Вестерхаген предложил своему правительству для укрепления позиций Германии в Грузии заинтересовать грузинских коммерсантов и широкие круги местного населения немецкими товарами. Но поскольку Германия не могла направить достаточное количество товаров, необходимо прибегнуть к маневру. Вестерхаген писал: «С товарами, которые Германия может поставить только в ограниченном количестве, можно достичь кое-чего путем ловкой, но тайной работы прессы, публикуя статьи о том, что из Германии-де прибыли крайне необходимые товары, очень дешевые из особой любезности Германии к Грузии. Это надо делать время от времени и весьма осторожно»[45].

Следует отметить, что этот план Вестерхагена был одобрен министерством иностранных дел и другими ведомствами [46].

Никаких товаров из Германии еще не поступало, но вскоре в тифлисской газете «Борьба» появился явно инспирированный немцами материал. Один из корреспондентов газеты был приглашен взять интервью у членов немецкой делегации и, ссылаясь на помощника фон Кресса, профессора Цугмайера, писал, что для Грузии «выписано много товаров широкого потребления, хотя и Германия в настоящее время сама испытывает в них нужду»[47].

Как видим, немецкие оккупанты не останавливались перед любыми, даже самыми низкими и бесчеловечными (речь шла о судьбе людей, испытывавших жестокую нужду в самом необходимом) приемами, чтобы продлить свое хозяйничанье в Грузии. В то же время в Германию вывозились богатства страны: марганец, табак, кукуруза, шерсть, кожа, фрукты, винно-водочные изделия. По признанию самих членов немецкой делегации, за короткий период времени, с мая по сентябрь 1918 г., из Грузии вывезено было товаров и продуктов на 30 млн. марок[48]. Несмотря на это, немецкая делегация получала все но-

[стр. 122]

вые и новые директивы из Берлина об увеличении поставок Германии. В Берлине были недовольны тем, что предполагаемого количества продуктов и некоторых материалов в Грузии не оказалось. Германские представители имели прямое указание изымать даже последние запасы страны.

Государственный секретарь ведомства военного снабжения в сентябре 1918 г. писал имперскому ведомству экономики, что, по его данным, перед войной доля экспорта сельскохозяйственных продуктов из Закавказья составляла примерно 1/9 часть экспорта всей Российской империи. «Насколько запасы Грузии, имеющиеся в данное время в наличии,— говорилось далее в письме,— допускают возможность экспорта, нельзя судить на основании цифр, характерных для мирного времени. Поэтому я был бы благодарен Вам, если бы немецкому представительству в Тифлисе было дано распоряжение, опираясь на эти цифры, проверить, нужно ли отказаться от ранее намеченных цифр общего вывоза. При этом прошу исходить из того, что наше продовольственное хозяйство должно получать прибавку, особенно жира и зерна, и что интересы фатерланда должны быть выше интересов населения Грузинской республики»[49].

В имперском ведомстве экономики, разумеется, не имели ничего против, и соответствующее распоряжение в Тифлис последовало немедленно [50] .

Германские империалисты, стремясь лишить Грузию поддержки со стороны верной и испытанной покровительницы — России, добивались от Советского правительства признания ее независимости. Однако предотвратить последствия этой «независимости»— хозяйственную разруху, нищету населения — они не собирались, поскольку Грузия, по замыслам берлинских стратегов, должна была стать колонией кайзеровской Германии.

Для лучшего понимания, насколько иллюзорной была независимость Грузии, можно привести отрывок из письма министерства иностранных дел Германии имперскому ведомству экономики, направленного 28 августа 1918 г., т. е. через день после подписания Добавочного договора с Советской Россией. В письме, в частности, говорилось: «В политической области признание независимости Грузии является одним из основных достижений, значение которого нельзя недооценить. Однако далеко идущие пожелания Грузии (союз, военная конвенция, гарантия территории) должны остаться невыполненными»[51]. Эту же мысль, но иными словами еще раньше высказал посол Германии в Константинополе в донесении своему министерству иностранных дел. Рекомендуя не препятствовать проникновению турок в Закавказье, он писал: «Правда, мы обещали Грузии признать ее самостоятельность, но не завоевывать последнюю для нее» [52].

Так благодаря ухищрениям германского империализма Грузия стала жертвой грабительской политики колониализма.

Подготовка к захвату Азербайджана

Оккупировав Грузию, германские империалисты получили важные позиции для форсирования захвата остальной части Закавказья. Теперь все их усилия были направлены на то, чтобы прибрать к рукам Баку с его нефтяными промыслами. Нехватка горючего в Германии, ощущавшаяся еще в начале 1918 г.[53], вынуждала правящие круги империи торопиться с решением этой проблемы.

Перед руководителями немецкой делегации в Грузии генералом фон Крессом и графом фон Шуленбургом были поставлены конкретные задачи по изучению обстановки в Баку и созданию условий для немецкого проникновения в Азербайджан. При этом эмиссары Берлина должны были действовать с учетом того, что в соответствии с договором от 27 апреля 1918 г. Азербайджан входил в сферу влияния Германии. Однако тут немцы наталкивались на определенные трудности. Пока немецкие войска занимали Грузию, турки не сидели сложа руки. 14 июня между мусаватистским правительством Азербайджана и турецкими властями был заключен договор, согласно которому железные дороги Азербайджана на пять лет переходили в распоряжение Турции[54]. Кроме того, последняя с согласия мусаватистов получала в свои руки нефтяную промышленность, суда каспийской флотилии, нефтепровод Баку — Батуми и ряд других предприятий азербайджанской промышленности.

Турецким властям удалось добиться от мусаватистов официального приглашения для «наведения» порядка в «республике» и оказания помощи в «борьбе против большевиков». В ответ на эту «просьбу» в отряды мусаватистов были направлены турецкие офицеры в качестве командиров, затем под видом подкреплений в отряды вливались целые подразделения турецких солдат. И наконец, следуя примеру немцев, «приглашенных» грузинскими меньшевиками, турки в конце мая и начале июня ввели в Азербайджан крупные воинские подразделения. Заняв Гянджу, Акстафу, Казах, турки для обмана международного общественного мнения переименовали эти подразделения своих регулярных войск в «кавказскую армию ислама», представляя их чуть ли не добровольцами.

К концу июня в наиболее важных стратегических пунктах Азербайджана уже находились турецкие подразделения, и вместе с тем турки продолжали сосредоточивать новые части в Армении и на юге Азербайджана. Наряду с турецкой активностью германские империалисты вынуждены были считаться и с существованием Советской власти в Баку, и с требованиями Брест-Литовского мирного договора.

Разумеется, германское командование было недовольно тем, что турецкие войска под предлогом борьбы против англичан в Северной Персии сосредоточились на востоке и тем самым

[стр. 124]

ослабили свои позиции на западе [55]. В правящих кругах Германии к тому же понимали, что дальнейшее продвижение Турции в Закавказье вызовет новую переброску сил, чреватую дальнейшим осложнением положения Турции и возможным обострением германо-турецкого соперничества на Кавказе. Но тем не менее с решительными мерами против турецкого наступления в Азербайджане в Берлине не торопились.

Германские империалисты исходили из того, что в случае успеха турок в их руках окажется Баку с его нефтяными богатствами, в дележе которых Германия сможет принять участие на правах союзника и старшего партнера Турции. Кроме того, несмотря на протурецкую позицию мусаватистов, немцы поддерживали тесные отношения с правительством Хан-Хойского. Они имели при нем своих специальных представителей, снабжали оружием и боеприпасами мусаватистские отряды, которые сражались против советских частей, защищавших Баку. Одновременно с этим члены немецкой делегации вели обработку в прогерманском духе некоторых лидеров мусаватистов, рассчитывая на их помощь в укреплении позиций германского капитала в нефтяной промышленности в случае падения Советской власти в Баку и установления там господства мусаватистов.

Немецкая делегация поддерживала контакты, причем внешне — относительно доброжелательные, и с армянским правительством, которое по вине турок после объявления независимости Армении в течение продолжительного времени вынуждено было находиться в Тифлисе.

Сотрудники фон Кресса вынашивали планы создания армяно-грузинской федерации. В случае реализации этого плана господство Германии должно было распространиться и на ту незначительную часть Армении, которая еще оставалась не захваченной турками.

Наряду с уговорами и посулами (речь шла, разумеется, о выгодах, связанных с «покровительством» Германии) немцы запугивали представителей армян турецкой оккупацией. Это был испытанный прием германских империалистов. В одном из отчетов о положении в Закавказье, представленном в Берлин немецкой делегацией в июле 1918 г., подчеркивается: «Стремление (кавказцев.— Г. П.) получить защиту от турок — вот то обстоятельство, которое необходимо использовать уже сегодня, поскольку после войны поведение турок, без сомнения, изменится, а на повестку дня встанет вновь английское влияние» [56].

Говоря о возможном изменении «поведения турок» после войны, авторы доклада имели в виду, конечно, не только возможный, но и неизбежный поворот в турецкой внешней политике, поворот в сторону Англии. Немцев раздражали также проантантовские настроения дашнакского правительства, но действовать более активно в отношении Армении до решения судьбы Баку они воздерживались.

[стр. 125]

Тем временем турки продолжали активное проникновение в Азербайджан. Прежде всего новые подразделения турецких войск продвинулись на Гянджу через Дилижан — Казах — Акстафу, а также в район Джульфы и Шуши.

В начале июля турецкие войска предприняли наступление на Баку. 10 июля они заняли Кюрдамир — важный стратегический пункт на пути к городу, а 26 июля в их руках оказалась станция Карасу и еще через день — Аджи-Кабул, что к юго-западу от Баку. Одновременно турки с целью охвата города с севера развили наступление в направлении Шемахи.

27 июля С. Шаумян в телеграмме, направленной на имя В. И. Ленина, сообщал: «Положение на фронте ухудшается с каждым днем. В шемахинском направлении наши войска отступили от Баку и переформировываются по линии железной дороги. Войска, угрожаемые с севера на пирсагатском направлении, с юга, со стороны Сальян, отступили до станции Алят, положение крайне серьезное»[57].

В это время по указанию фон Кресса наиболее боеспособные части немецких оккупационных войск в Грузии начинают стягиваться к границам Азербайджана. Немецкая делегация предложила командованию турецких войск план использования этих частей для обеспечения тыла турецких соединений, наступавших на Баку. Немцы в случае принятия этого плана рассчитывали взять под свой контроль железную дорогу Тифлис — Баку. Однако турки разгадали замысел союзников и отвергли предложенный план, заявив, что для занятия Баку у них имеется достаточное количество войск.

Турецкие части продолжали наступать. Советское правительство, неоднократно выступавшее против агрессивных действий немецко-турецких захватчиков, вновь обратилось к Германии с нотой протеста. Оно настаивало на принятии неотложных мер по прекращению германо-турецкого наступления на Баку и строгом выполнении условий Брест-Литовского мирного договора [58].

Советские части, оборонявшие Баку, несмотря на свою малочисленность и слабое вооружение, оказывали упорное сопротивление турецким войскам. Продвижение к Баку оказалось не таким легким, как это представлялось членам немецкой делегации в Тифлисе и командованию турецкой армии на Кавказе.

В такой обстановке группа влиятельных лиц, занимавшихся в правительстве Германии восточными проблемами, уверенная в том, что Советская Республика никогда не примирится с захватом Баку интервентами, начинает понимать бесперспективность усилий турок. Эта группа считала, что если даже туркам удастся занять Баку, то, во-первых, это будет не надолго, а, во-вторых, нефтепромыслы в случае реальной угрозы городу могут быть уничтожены бакинскими рабочими. И тогда промышленность Германии останется без нефти.

[стр. 126]

В этой связи в правящих кругах Германии наряду с поддержкой турецкого наступления возникло стремление к заключению соглашения с Советской Россией о поставке бакинской нефти. В этом смысле характерна запись генерального консула Германии в Стамбуле, прибывшего в начале июля в Гянджу в качестве сопровождающего генерал-интенданта турецкой армии Исмаила Хаки-паши и встречавшегося с командующим турецкими силами в Азербайджане Нури-пашой. Генеральный консул записал:, «Представляется сомнительным, чтобы туркам вообще удалось взять Баку; вероятно — и это было бы желательно — они потерпят там от большевиков основательное поражение. Если мы полюбовно договоримся с большевиками, то нефтяные источники Баку и тамошние запасы попали бы в наши руки в целости и сохранности. Если последние, вопреки ожиданиям, будут вынуждены покинуть город, то они подожгут весь Баку и тем самым ни турки, ни мы не сможем воспользоваться запасами нефти» [59].

Для Советской Республики, разумеется, было выгодно, чтобы Германия оказала давление на Турцию с целью приостановления наступления на Баку. Поэтому, когда немцы дали понять, что они нуждаются в закупках нефти, Советское правительство немедленно дало согласие начать переговоры. В. И. Ленин в то время писал: «Немцы согласились бы приостановить наступление турок на Баку, если бы мы гарантировали немцам часть нефти. Конечно, мы согласимся»[60].

Однако начавшиеся переговоры по данному вопросу стали затягиваться. Правда, вначале с немецкой стороны проявлялась определенная заинтересованность, о которой можно судить по тому, что в конце июля и в первых числах августа из Берлина в Стамбул были направлены требования о приостановлении наступления турок на Баку. Но в дальнейшем полученные из Закавказья сведения об ухудшении положения Советской власти в Баку снова укрепили уверенность Берлина в успехе турок, поэтому немцы уже не стали торопиться с завершением переговоров.

В конце июля власть в Баку захватили эсеро-меньшевистские соглашатели. Их предательская политика позволила англичанам 4 августа захватить город.

На чрезвычайном заседании Бакинского совета 25 июля 1918 г. большевики (С. Шаумян, М. Азизбеков, П. Джапаридзе, Я. Зевин). как известно, предупреждали о пагубных последствиях для судьбы Баку соглашательской политики лидеров дашнако-меньшевистско-эсеровского блока, которые, как теперь установлено, являлись послушными слугами английской дипломатии и разведки.

Отряд английских интервентов, проникший в Баку, был немногочисленным, но их появление в городе значительно меняло обстановку и расстановку политических сил. Теперь турки мог-

[стр. 127]

ли оправдать свое наступление на Баку необходимостью борьбы против англичан. Немцы же получали возможность оказывать своему союзнику открытую помощь, не опасаясь протеста со стороны Советской России, и ввести свои войска в Азербайджан помимо воли турок. И действительно, приказ германского верховного командования о введении немецких войск в Азербайджан последовал почти немедленно. «Верховное командование приступило к подготовке атаки на Баку и с этой целью привлекло войска Нури и отправило в Тифлис кавалерийскую бригаду и несколько батальонов»,— вспоминал об этом в своих мемуарах Людендорф [61]. Всего в Закавказье германским верховным командованием для участия в

наступлении на Баку были направлены две дивизии и около семи полков[62]. Часть этих соединений была снята с Балканского фронта, а часть укомплектована за счет оккупационных войск на Украине.

Турки, не дожидаясь прибытия немецких частей, перебросили свои две дивизии из Анатолии и предприняли новое наступление. Кольцо вокруг Баку продолжало сжиматься. Правящие круги Германии в ожидании скорейшего захвата города сочли необходимым скорректировать свою политику в Закавказье с учетом, сложившейся обстановки.

В этой связи 21 августа 1918 г. в Берлине, в помещении генерального штаба, была созвана специальная конференция [63], на которой были рассмотрены вопросы, касающиеся Закавказья. На конференции присутствовали ответственные лица из состава верховного командования, генерального штаба, имперского ведомства экономики, а также представители монополистических объединений и других «ведомств, имевших интересы на Кавказе». Хотя в протоколе сказано, что «конференция обсудила вопросы экономики и транспорта в той степени, в какой они касались Кавказа, и чисто политические проблемы не затрагивались», однако в ходе работы конференции, по сути дела, решались вопросы, связанные с укреплением и дальнейшим распространением влияния Германии в Грузии и во всем Закавказье.

Сообщения о положении на Кавказе были сделаны членами немецкой делегации в Грузии Еганом фон Кригером и графом фон Шуленбургом, вызванными специально для этого в Берлин.

На основе докладов обсуждению подверглись следующие вопросы: организация своевременной информации из Грузии, о противодействии турецкой конкуренции на Кавказе, о доставке муки в Грузию, о мероприятиях по стабилизации финансов Грузии, о возможностях экспорта товаров в Закавказье, об увеличении вывоза товаров и сырья из Закавказья, об организации консульских служб на Кавказе, о бакинской нефти.

Участники конференции выразили недовольство работой информационного штаба в Бриэле, который в общем не сумел наладить оперативную и надежную связь между Тифлисом и Берлином. Из-за плохой работы штаба многие сведения о со-

бытиях в Закавказье, имевшие для германского правительства «первостепенное значение», поступали в Берлин с большим опозданием или вообще не поступали. В связи с этим штабу были даны соответствующие рекомендации.

В ходе конференции серьезное внимание было уделено турецкому наступлению в Закавказье. Участники конференции были едины в убеждении, что Турция не должна задерживаться на занятых ее войсками территориях. Турки, являвшиеся, как известно, союзниками германских империалистов, в силу собственных захватнических устремлений и планов, связанных с Закавказьем, начинали соперничать с немцами в Закавказье. На конференции было принято единодушное решение — поставить турок на место. В связи с этим немецкой делегации на Кавказе рекомендовалось быть пожестче в отношениях с турками. Но немцы опасались конкуренции не только со стороны Турции. Они не без оснований предполагали, что рано или поздно страны Антанты тоже предпримут шаги к распространению своего влияния на Закавказье. Поэтому конференция решила ежемесячно доставлять в Грузию до 10 тыс. т муки. Эта мера, однако, планировалась не для того, чтобы в соответствии с просьбой грузинского правительства помочь населению Грузии, находившемуся на грани голода. Немцы боялись, что Антанта может посулить помощь Грузии и меньшевистское правительство вынуждено будет ориентироваться на новых хозяев. «Доставка хлеба в Грузию,— зафиксировано в протоколе конференции,— нам нужна лишь для агитации, чтобы противопоставить ее (агитацию.— Г. П.) политике Антанты».

Следует отметить, что даже это мизерное количество «агитационного» хлеба участники конференции предназначали не для продажи населению. В решении конференции прямо указано, что «отправленную в Грузию муку следует использовать: а) для прокормления

немецких оккупационных войск; б) для привлечения рабочей силы на марганцевые рудники и другие предприятия путем выдачи муки в качестве части зарплаты». Наиболее длительному и тщательному обсуждению на конференции подвергся вопрос организации вывоза из Закавказья сырья и материалов, среди которых особое место занимали нефть и марганец. Конференция рекомендовала немецким предпринимателям расширить закупку нефти и марганца для нужд промышленности Германии и Австро-Венгрии. Главе немецкой делегации в Грузии фон Крессу предписывалось предпринять необходимый нажим на правительство Грузии с тем, чтобы оно конфисковало весь добытый запас марганца, принадлежащий гражданам стран, «враждебных Центральным державам», а затем передало бы этот запас Германии.

Далее конференция рекомендовала немецкой делегации установить контакт со всеми немецкими фирмами, имевшими своих представителей на Кавказе, с целью консолидации их

[стр. 129]

усилий на увеличение закупок и вывоза в Германию хлопка, шерсти, шелка, меди, кож, табака, вина, фруктов и растительных жиров.

По вопросу о бакинской нефти после многостороннего обмена мнениями участники конференции решили: «Наша политика по отношению к Баку должна исходить из следующих условий: а) Баку, видимо, останется в руках большевиков; б) добыча нефти будет происходить под руководством немцев; в) железная дорога Баку — Тифлис и нефтепровод Баку — Батум должны находиться под контролем немцев» [64].

Конференция выработала далее конкретные рекомендации по обеспечению транспортировки вывозимых из Грузии сырья и материалов, а также по всем другим вопросам, которые были обсуждены.

Участники конференции вовсе не имели в виду прекращения турецкого наступления на Баку, когда резко высказывались о турецкой конкуренции и принимали решение о бакинской нефти, целиком отвечавшее интересам Германии. Наоборот, правящие круги Берлина желали успеха этому наступлению и желали скорейшего захвата города турками, чтобы обеспечить Германию нефтью. «После захвата Баку намечается эксплуатация нефтяных полей в тесном сотрудничестве с фирмой Нобель,— записано в протоколе конференции.— Шведский гражданин и директор фирмы Нобель — Хагелин должен быть поэтому без промедления подчинен генералу фон Крессу. Один из владельцев нобелевских заводов содержится в плену у большевиков, неподалеку от Баку. Очень желательно, чтобы он мог быть освобожден нами»[65].

Говоря об устранении турецкой конкуренции, немцы имели в виду заставить турок в будущем уйти за те границы Закавказья, которые были указаны в договоре от 27 апреля 1918 г. Но этот уход должен был совершиться лишь после установления господства мусаватистов во всех районах Азербайджана и изгнания англичан из Баку с помощью турок.

История показала, насколько абсурдными, лишенными всякой связи с реальностью были планы, вынашиваемые в Берлине.

Судьба Баку, по мнению германских империалистов, со временем должна была решиться «полюбовно», в переговорах между Советской Россией и «независимым» мусаватистским Азербайджаном, уже находящимся под протекторатом Германии, а не Турции. Германские империалисты рассчитывали заставить Советскую Республику уступить Баку буржуазно-помещичьему Азербайджану и таким образом окончательно прибрать бакинскую нефть к своим рукам. Вынашивая подобные бредовые планы, немцы тем не менее имели подстраховочный вариант: продолжали переговоры с представителями Советской России относительно бакинской нефти, закончившиеся 27 августа 1918 г.

[стр. 130]

подписанием так называемого Русско-германского добавочного договора к Мирному договору между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией — с другой [66].

В соответствии с этим договором (ст. 14), Германия получала от Советской России четвертую часть нефти и нефтепродуктов, добываемых и производимых в Баку. Со своей стороны Германия обязывалась не вмешиваться в отношения Советской Республики с бывшими частями Российской империи (ст. 4) и не способствовать там образованию самостоятельных государственных «организмов».

Договор устанавливал границы, за пределами которых должны были остановить свое наступление турецкие войска. Немцы соглашались оказать соответствующее давление на турок, однако ограничивались лишь обещаниями. На деле, как уже говорилось выше, немцы поощряли наступление турок на Баку и при этом скрывали от них факт заключения рассматриваемого договора с Советской Россией. Немцы никогда не собирались выполнять условия этого договора.

С первых чисел сентября усилился нажим на Баку. Англичане, видя, что оказать превосходящим силам турок сопротивление они не в состоянии, решили 14 сентября покинуть город. На следующий день — 15 сентября 1918 г.— в город ворвались турки. Начались грабежи, насилия, убийства. Бесчинству турок в Баку не было предела.

Немцы так и не успели завершить переброску своих войск для наступления на Баку. Турки опередили своих союзников. «Нури занял Баку прежде, чем мы успели закончить переброску войск,— писал Людендорф,— а последовавшие затем события в Болгарии заставили нас направить эти части в Румынию» [67].

20 сентября Советское правительство заявило решительный протест Турции в связи с захватом Баку и объявило о прекращении действия Брест-Литовского договора между Советской Россией и Турцией. В своей ноте[68] Советское правительство отмечало, что Турция со дня подписания мирного договора в Брест-Литовске не прекращала боевых действий, в нарушение положений договора фактически отторгла в свою пользу Карс, Ардаган, Батуми и другие территории Закавказья. «Теперь,— говорилось в ноте,— когда город Баку уже взят и турецкие войска находятся в самом городе, когда беззащитное население и весь город в продолжении нескольких дней подвергаются ужасам разгрома и разграбления со стороны турецких войск вместе с примкнувшими к ним татарскими бандами, ссылка турецких представителей на то, что якобы в наступлении на Баку принимали участие лишь местные разбойники, является несогласным с фактами прикрытием насильственных действий Турции, под покровом которой произошли и происходят систе-

[стр. 131]

матические нарушения Брест-Литовского договора и прямой захват и грабеж территории Российской Республики»[69].

В своей ноте германскому консулу[70] народный комиссар иностранных дел Советской Республики указывал, что занятие Баку турками является нарушением не только Брест-Литовского мирного договора, но и добавочного к нему договора от 27 августа 1918 г.

Протесты Советского правительства и турки и немцы, по сути дела, оставили без внимания. Последние делали вид, что ничего особенного не произошло. Между тем на следующий же день после занятия Баку турками туда прибыла многочисленная германская военная миссия, возглавляемая самим командующим немецкими оккупационными войсками в Грузии полковником Фридрихом фон дер Гольцем.

Вслед за военной миссией в Баку приехала большая группа немецких экспертов, которым было поручено подготовить материалы для конференции союзников кайзеровской Германии по вопросам раздела военной добычи в Баку и определения судьбы бакинских нефтяных промыслов. Турки были крайне недовольны прибытием этой группы и прежде всего ее задачами, однако вынуждены были уступить требованию своих старших партнеров — германских империалистов. Они дали согласие на создание комиссии из числа представителей союзников, которая должна была определить долю каждого в захваченном Баку и во всем Азербайджане.

Германо-турецкое соперничество в Закавказье в 1918 г.

При осуществлении своих замыслов в отношении Закавказья германские империалисты постоянно наталкивались на серьезное противодействие со стороны турок.

Военно-феодальная верхушка султанской Турции и правящая младотурецкая клика, как известно, исходя из пантюркистских и панисламистских идей, имели особые виды на Закавказье и поэтому, естественно, проявляли крайнее недовольство активным вмешательством Германии в кавказские дела. Правящие круги кайзеровской Германии были сильно раздражены этим и открыто выступили против аннексионистских устремлений Турции. При этом Германию, естественно, не беспокоили интересы народов данного края. Правящие круги империи лишь опасались потерять эту важнейшую экономическую и стратегическую базу для расширения влияния германского монополистического капитала на Востоке.

Документы и материалы, хранящиеся в архивах ГДР, обнажают существо противоречий, возникших в то время между германо-турецкими союзниками на почве борьбы за преобладание в Закавказье.

[стр. 132]

Противоречия эти были сложными и многогранными. В них нашло отражение не только стремление более сильного хищника, каковым являлась кайзеровская Германия, захватить львиную долю добычи, непременно включающую самую лакомую ее часть — бакинскую нефть, но и намерение не оттолкнуть союзника, не лишиться окончательно его поддержки.

Вместе с тем своеобразный отпечаток на германо-турецкие противоречия накладывало и то, что они обострились в разгар борьбы союзников против другой империалистической группировки, два участника которой — английские и американские империалисты — также претендовали на Закавказье и, намереваясь утвердиться в важнейших его частях, также соперничали между собой [71].

Существенную роль в обострении взаимоотношений между соперниками сыграли также факторы, связанные с внутренним положением в Закавказье и наличием такого совершенно нового элемента расстановки сил на международной арене, как влияние Советской России.

Если проследить развитие германо-турецкого противоборства в Закавказье, то обнаруживается, что оно прошло несколько этапов, конкретное рассмотрение которых убеждает в невозможности однозначного вывода о том, что Турция действовала в Закавказье целиком и полностью самостоятельно или же, наоборот, только по подсказке и в интересах своего старшего партнера по военному союзу. Собственно, это и явилось одним из очевидных проявлений сложности и диалектической противоречивости германо-турецких отношений в Закавказье.

Первый этап развития германо-турецкого соперничества можно ограничить хронологическими рамками с момента нарушения турками Эрзинджанского перемирия до открытия Батумской конференции. Второй этап, который был ознаменован наиболее острыми столкновениями, длился со времени начала работы Батумской конференции до вступления англичан в Баку.

И наконец, третий этап охватывает период с момента занятия Баку англичанами до изгнания германо-турецких захватчиков из Закавказья.

На каждом из этих этапов в правящих кругах Германии обострение противоречий с турками встречало разное отношение, вызывало порой серьезные разногласия. Представители немецкого банковского и промышленного капитала, а также дипломатическое ведомство Германии с самого начала проявили резко отрицательное отношение к нарушению Турцией условий перемирия с Закавказьем в Эрзинджане и Советской Россией в Брест-Литовске. Они высказывались против турецкой экспансии в Закавказье, тогда как в ставке верховного главнокомандования в Спа, и прежде всего Людендорф и его окружение, поддерживали турок.

[стр. 133]

В принятии окончательного курса решающей оказалась позиция военных кругов, и, как известно, Германия не стала препятствовать на первых порах наступлению турок на Закавказье.

Существенную роль в выборе подобной позиции сыграло прежде всего желание сохранить заинтересованность Турции в продолжении военных действий, создать у нее иллюзию успеха в достижении целей, ради которых она, собственно, и вступила в войну, и тем самым добиться предотвращения выхода Турции из войны. В действительности подобная возможность, т. е. выход Турции из войны, существовала, поскольку после потерь арабских владений и неудач на фронтах в тылу усилились капитуляционные настроения, которые не остались незамеченными в странах Антанты.

Кроме того, еще до начала войны, хотя и в весьма неопределенной форме, но все же Турции были обещаны кавказские территории. Вывод русских войск из районов Карса, Ардагана и Батуми, чего Германия добилась во время Брест-Литовских переговоров, был компенсацией, «выплаченной» Турции в счет обещанных ей союзником территорий.

В соответствии же с секретным соглашением о разделе сфер влияния в Закавказье от 27 апреля 1918 г., заключенным в Константинополе между Германией и Турцией, последней отдавалась еще часть Армении с железнодорожной линией Александрополь — Джульфа [72]. Немцы шли на эту уступку с определенной целью — направить военные усилия Турции против английских войск в Северной Персии, дав союзнику возможность облегчить переброску войск по железной дороге до Джульфы и дальше на Тебриз. Однако турки вовсе не были согласны с ролью, которую германские партнеры хотели навязать им, и все время стремились занять побольше территорий в Закавказье. Жажда захватов заставила турецкую администрацию бросить в поход на Кавказ войска, которые, казалось бы, следовало использовать против основного противника в Палестине и Месопотамии.

Касаясь этого вопроса, Людендорф в своих воспоминаниях говорит следующее: «Я одобрительно относился к турецким предприятиям, поскольку они отвечали интересам общего развития войны. Но они не должны были отвлекать Турцию от ее прямых военных задач или затруднять нам вывоз сырья с Кавказа, который, как мы ожидали, должен был дать нам существенное облегчение. Задачей Энвера являлась борьба с Англией, и прежде всего на палестинском фронте. Я постоянно ясно указывал ему на это по телефону. Теперь представлялся также случай нанести удар англичанам в Северной Персии. Этому способствовала железнодорожная линия от Батуми через Тифлис на Тебриз. В Северной Персии турки могли иметь превосходство над англичанами. Если бы при этом удалось поднять против Англии население Азербайджана, то это сыграло бы

[стр. 134]

большую роль. Я бы охотно оказал поддержку всему, что могло бы привести к такому результату, но Энвер и турецкое правительство больше думали о своих панисламистских целях на Кавказе, чем о войне с Англией. С этим вопросом связывались очень реальные цели, главным образом выгоды, связанные с использованием закавказского сырья. Что германское военное хозяйство не получило бы при этом ничего, это было понятно каждому, кто имел представление о деловых приемах турок. Ввиду этого мы поневоле оказались в противоречии с целями, которые преследовали турки»[73].

По мере того как Турция усиливала свою экспансию на Востоке, росло возмущение ее действиями и в военных кругах Германии. Разногласия в оценке закавказской политики турок постепенно исчезали. За этим последовали решительные действия правительства Германии, заставившие турок подписать 27 апреля 1918 г. договор о разделе сфер влияния в Закавказье и сесть за стол переговоров с представителями Грузии, Армении и Азербайджана в г. Батуми.

Однако это ничуть не угомонило турок. Умерять свои аппетиты они не собирались. Наглое поведение турок на Батумской конференции, предъявление непомерных требований к Закавказью, отказ от посреднических услуг Германии во время переговоров и дальнейшее продвижение турецких войск в глубь страны свидетельствовали о пренебрежении Турции к

интересам союзницы — Германии.

Людендорф, возмущенный таким поведением турок, в телеграмме заместителю начальника генерального штаба турецкой армии фон Секту 15 мая 1918 г. предложил, чтобы он удержал Энвер-пашу «от требований, выходящих за пределы территории, установленной Брест-Литовским договором»[74].

Через пять дней после этого Людендорф вновь телеграфировал Секту, чтобы тот убедил турок не увлекаться наступлением на север, дабы не распылять свои силы. «Я повторяю свое требование,— писал он,— чтобы турки обратили свое внимание на Персию и Месопотамию»[75].

Еще через пять дней, т. е. 25 мая 1918 г., Людендорф, обращаясь к Секту, повторяет эти требования и предлагает ему использовать все свое влияние, чтобы со стороны Турции были приостановлены дальнейшие военные действия против Закавказья [76].

Не ограничиваясь этим, Людендорф непосредственно обращается с письмом к Энвер-паше. «Турция ведет себя,— писал он,— самостоятельно, не обращая внимания на союзников и на заключенный в Бресте договор в части, касающейся Закавказья. Германия уже указывала на последствия такого образа действий... и если Турция не будет уважать границы, намеченные Брестским договором, Германия оставит за собой свободу дальнейших решений. Договоры, заключенные между Турцией

[стр. 135]

и Закавказскими государствами в обход Германии, Австрии и Болгарии, Германия не признает»[77].

Почти одновременно с письмом Людендорфа Энвер-паше в Стамбуле на имя германского посла Бернсторфа, сменившего Вангенгейма на этом посту, была получена директива министерства иностранных дел за подписью Кюльмана. В ней предписывалось в резкой форме предупредить турецкое правительство о том, что нарушение пункта 4 Брестского мира и переход турецкими войсками границ Батумского округа чреваты самыми серьезными последствиями для Турции.

Данная директива была подкреплена действиями немецких частей, вступивших к этому времени на территорию Грузии. Кое-где имели место стычки с турецкими солдатами [78].

9 июня 1918 г. Гинденбург, встревоженный неуступчивостью турок, в ультимативной форме потребовал от Энвера очистить все закавказские территории, занятые вопреки условиям Брестского мира, и высвободившиеся войска направить в Северную Персию и Месопотамию [79].

В ответ на это Энвер-паша пригрозил отставкой. Но в дальнейшем отказался от своего намерения. В Константинополе, правда, был поднят шум в связи с требованием Германии об ограничении турецкого наступления в Закавказье, однако пойти на разрыв с союзником турецкое правительство не решилось.

Чтобы как-то успокоить немцев, в конце июня 1918 г. из Закавказья был отозван командующий 3-й турецкой армией Вехиб-паша и вместо него назначен Эссад-паша — человек, близкий к Лиману фон Сандерсу и вообще к немцам.

Это незначительное событие, естественно, не могло устранить и не устранило противоречий союзников в Закавказье. Турки не отказывались от своих планов, а немцы всячески старались помешать их реализации.

Особое недовольство турецкой политикой на Кавказе выражали представители торгово-промышленных кругов. Так, в июне 1918 г. дирекция Европейского торгового общества обратилась в министерство иностранных дел Германии со следующим письмом: «По полученным нами сообщениям, турки контролируют железную дорогу на Тавриз, неясно, то ли с целью охраны, то ли с целью захвата. При всех обстоятельствах это Германии невыгодно, ибо

наши закупки в Армении и Тавризе серьезно затрудняются. Турки намерены запретить проезд гражданам других государств, тогда как в тех районах находится значительное количество запасов нужного Германии сырья. Европейское торговое общество просит предпринять соответствующий демарш в отношении Турции»[80].

Одновременно глава немецкой делегации в Грузии фон Кресс телеграфировал министерству иностранных дел, что «турки вопреки соглашению от 27 апреля закупают всевозможные товары вне сферы их влияния», и просил принять меры, чтобы

[стр. 136]

ограничить экономическую активность Турции; Кресс видел в такой активности угрозу интересам Германии[81].

Министерством иностранных дел этому вопросу было посвящено несколько совещаний ответственных лиц. На турецкое правительство снова был оказан соответствующий нажим. О настроении в МИДе Германии посол Саксонского королевства сообщил своему правительству 6 июня 1918 г. следующее: «В министерстве иностранных дел очень недовольны и обеспокоены самовольным продвижением турок на Кавказе. Видимо они хотят захватить для себя всю Грузию и остальные части Кавказа. С германской стороны сейчас делается все для того, чтобы сдержать турок. Удастся ли это — еще вопрос! Кавказ, с которым мы легко и удобно смогли бы сообщаться через Румынию, дал бы Германии ценные возможности в деле экономического процветания. Однако при турецкой бесхозяйственности этому краю был бы нанесен большой вред» [82].

Посол Мекленбург-Шверинского герцогства фон Бранденштейн, также возмущенный политикой Турции в Закавказье, записал в свой дневник: «Здесь, видимо, опять не было своевременной согласованности и взаимодействия между министерством иностранных дел и высшим командованием»[83].

В связи с обострением положения и затруднением доставки товаров из Закавказья по вине Турции ведомство военного снабжения специально командировало в Тифлис в июне 1918 г. своего эксперта с задачей изучить обстановку и наметить мероприятия, которые могли бы обеспечить бесперебойную доставку сырья и товаров из Закавказья.

В своем докладе эксперт по поводу германо-турецкого соперничества писал следующее: «Германо-турецкие интересы в Закавказье серьезно сталкиваются. Турки всячески воздействуют на население через свою агентуру с целью привлечения его на свою сторону против Германии. Подобные попытки делаются особенно среди их единоверцев, проживающих на Кавказе. Общее стремление турок заключается в дальнейшем продвижении на Восток для захвата Туркестана. Германия, которая после войны, очевидно, будет отрезана от морей, должна уже теперь особенно стремиться на юго-восток и экономически господствовать на Кавказе, в Туркестане, Персии, а также в Афганистане, где имеется сырье, столь необходимое Германии»[84].

Наступление турок на Баку и опасения, что этот важнейший промышленный район Закавказья попадет в руки соперника, вызвали новую вспышку противоборства между Германией и Турцией. Молодая советская дипломатия предприняла в этот период ряд успешных шагов, чтобы спасти Баку от иностранной оккупации. К этим шагам, в частности, относились как протесты по поводу нарушений Брестского договора, так и открытие переговоров с Германией относительно бакинской нефти.

[стр. 137]

Вплоть до вступления англичан в Баку в правительстве Германии преобладало мнение официально не одобрять действия турок, направленные на захват этого города.

Но, после того как в Баку оказались англичане, удерживать турок было невозможно. Наступил последний, третий, этап развития противоречий между Германией и Турцией в Закавказье.

Как известно, немцы намеревались предпринять совместное наступление на город, однако

турки не стали ждать, пока союзники подтянут нужное количество войск, и сами перешли в наступление. Это вызвало в Германии открытое недовольство, которое еще больше усилилось после того, как в империю стали поступать сведения о действиях турок в Баку. Еще до занятия города мусаватистское правительство Хан-Хойского по указке турок издало декрет, запрещавший вывоз из Азербайджана всех зерновых, хлопка, шерсти, шелка и изделий из них, а также скота и мясопродуктов [85]. После захвата Баку турки потребовали, чтобы мусаватистское правительство запретило продажу, равно как и сдачу в аренду, нефтяных промыслов. Немцам становилось ясно, что турки вознамерились единолично завладеть всеми нефтяными источниками Азербайджана.

Насколько немцы были возмущены и озабочены действиями турок в Баку, видно из письма офицера связи немецкого генштаба Варнеке своему шефу в Берлин. Варнеке писал из Тифлиса: «Баку захвачен турками. Заводы уцелели лишь возле станционного здания города. Значительное количество цистерн и резервуаров повреждено. Нефтепровод Баку — Батум разрушен на протяжении 25 верст. Турки никого не пропускают в город через Кюрдамир. Они продвигаются и к другим районам Азербайджана. Азербайджанцы, даже те, кто раньше был на стороне турок, ненавидят их теперь. Мы должны выждать, так-как положение на будущее выглядит для нас очень плохо. Нефтепровод проходит через несколько республик Закавказья, а это означает борьбу. Причем, конечно, и русские возьмутся за меч из-за Баку, как только они будут в силе. Мы, немцы, терпим неудачу оттого, что сами отдали ключ от Баку туркам без всяких условий. Мы не можем наложить вето на наши же товары, которые турки захватывают, а затем продают по спекулятивным ценам» [86].

Несмотря на союзнические обязательства, турки не разрешали немецким торговым представительствам закупку различных продуктов на оккупированных ими территориях. Декрет правительства Хан-Хойского распространялся и на немцев. Даже для того чтобы провезти через эти территории товары, необходимо было вмешательство немецких военных властей. Так, представитель имперского ведомства экономики в Батуми в начале июня докладывал, что с трудом удалось добиться позволения у турок получить для нужд Германии нефть с батумских нефтеочисти-

[стр. 138]

тельных заводов, да и то по высоким ценам. Между прочим, тот же представитель отмечает, в каком состоянии находилось население оккупированного турками Батуми: «В городе ощущается недостаток продуктов. Турки в свое время вывезли их, а теперь население платит за них десятикратные цены». Весьма характерна также оценка, данная этим представителем Германии положению в Закавказье. «Здесь происходит закулисная борьба за владычество на Кавказе,— говорится в его докладе,— и исход ее неизвестен. Турецкое командование стремится возможно быстрее захватить запасы нефти. Еженедельно отсюда отходят шхуны, груженные нефтью, в Трапезунд и другие гавани Турции» [87].

Представитель Брэильского информационного центра Германии майор Хей в своем докладе писал, что, в соответствии с соглашением от 27 апреля, Батуми и близлежащие районы представляют сферу влияния Турции, и там задача представителей Германии заключается лишь в том, чтобы осуществлять наблюдение за ходом закупок товаров для Германии и их отправкой, а также контролировать деятельность турок. «Следует отметить,— продолжал он,— что закупку товаров из-за политики турок мы вынуждены каждый раз согласовывать с константинопольским правительством... Надо учесть, что, пока турки господствуют в Батуми, его значение как портового города для Кавказа утрачено, а Поти возместить его не может, хотя и в интересах Германии переоборудовать его» [88].

Германия была недовольна тем, что Турция сама начинала налаживать торговлю в Закавказье. В июле 1918 г. имперское ведомство экономики специально запрашивало министерство иностранных дел Германии, не следует ли потребовать официального разъяснения от турецкого правительства в связи с тем, что оно односторонне стремится наладить торговлю с кавказскими республиками [89].

Серьезные противоречия между турками и немцами возникли в Закавказье по вопросу о контроле над железными дорогами. Каждая из сторон стремилась завладеть ими. На специально созванной 21 августа в генеральном штабе Германии конференции этот вопрос занимал одно из центральных мест.

Как выше уже отмечалось, все без исключения участники конференции выражали серьезное беспокойство захватнической политикой Турции на Кавказе и требовали принятия неотложных мер, чтобы приостановить расширение там турецкого влияния. «Конкуренция Турции должна быть исключена, мы должны препятствовать ей. Турки обещали умерить свои притязания, однако словам турок верить нельзя, это пустые обещания... Только тогда, когда мы займем путь Тифлис — Баку и Тифлис — Джульфа, мы сможем проводить в жизнь в полной мере нашу точку зрения»,— записано в протоколе конференции [90]. В связи с создавшимся положением по дипломатической линии

[стр. 139]

на Турцию был произведен очередной нажим. Однако в отношении принятия более жестких мер воздействия на турецкое правительство в самой Германии мнения разделились. Теперь уже военные и представители крупного капитала выступали за решительные меры, однако многие сотрудники МИДа и аппарата рейхсканцлера предлагали действовать более осторожно, хотя бы ради выполнения союзнических обязательств. В этом отношении характерен представленный МИДу доклад посла Германии в Константинополе, который, кстати говоря, проливает свет и на то, как рассматривали немцы Грузию, чего стоили их обещания, данные меньшевистскому правительству, и наконец, как заблуждались тс «государственные деятели» из меньшевистского правительства, которые всерьез верили, что представляют правительство суверенного государства, поскольку кайзеровская Германия признала их. Вот выдержка из доклада посла: «Турки всегда были народом-захватчиком, и они не могут себе представить, что можно вести войну и ради других целей. Сейчас, когда русские — многовековой враг — повержены, они хотят использовать ситуацию, не задумываясь о будущем. Когда же в Батуми схватили турок за руку, они сначала так и не поняли, как мы можем принимать во внимание интересы разбитой России. Для турок с самого начала Кавказ был законным призом победы... Они нас упрекают в том, что мы встали на сторону грузин и армян против турок и что мы сами преследуем политические цели на Кавказе. С большим трудом удалось теперь в какой-то степени затушевать это впечатление. И если даже наши некоторые немецкие господа в чрезмерном пылу зашли далеко в своих планах в отношении Закавказья, ведь никто и не думал серьезно о том, чтобы в угоду совершенно ненадежной Грузии и полностью проантантовски настроенной Армении лишиться испытанного турецкого союзника. Правда, обе народности — христиане, однако мы всегда сохраняли перед богом беспристрастность. Принимая во внимание наших союзников, нам, по моему мнению, необходимо не показывать вида, будто мы стоим на стороне Грузии и Армении. Мы должны нашу позицию определять исключительно нашими экономическими интересами. Я уверен, что нам будет легче достигнуть наших экономических целей вместе с Турцией, а не вопреки ей. Если мы возьмем сторону народов Кавказа, то рискуем сесть между двумя стульями»[91].

Из этого документа явствует, что свои требования к туркам об ограничении захватнических устремлений в Закавказье германские империалисты прикрывали фразами о защите интересов народов Закавказья. Однако турки понимали истинные цели своих союзников.

Одним из наглядных проявлений германо-турецкого соперничества в Закавказье стало заключение Германией добавочного договора с Советской Республикой 27 августа без ведома

[стр. 140]

Турции[92]. В Стамбуле об этом стало известно лишь в начале сентября. Сообщение о подписании Германией втайне от турок договора относительно бакинской нефти вызвало бурную реакцию в правящих кругах султанской империи[93]. Там негодовали больше всего из-за того, что в договоре не были учтены интересы Турции. Германия была обвинена в измене союзническому долгу. Назревал серьезный конфликт между союзниками. Правительство

Германии, однако, с учетом ухудшения общего положения страны сочло благоразумным успокоить турецкого союзника, отложив до поры до времени решение вопроса, чье влияние должно преобладать в Закавказье. Каким образом намеревались решить этот вопрос германские империалисты, ясно из докладной записки одного из представителей Германии в Закавказье, фон Майеркорта, имперскому ведомству экономики, датированной 25 сентября 1918 г. Вот некоторые выдержки из этого документа: «Непонятно, каким образом мы можем соблюдать наши экономические и политические интересы (на Кавказе.— Г. П.), учитывая нашу политику до сих пор. У каждого знатока местных условий нет ни малейшего сомнения в том, что современное двоевластие на Кавказе (т. е. господство и турок, и немцев.— Г. П.) означает только высасывание страны. Кавказ не должен управляться одновременно различными державами. Самоуправление в этом случае я не принимаю во внимание, поскольку это марионеточное правительство. Взаимные препоны приведут к катастрофе, а грабительская политика турок — к разорению оккупированных ими обширных территорий...

По моему мнению, Германский рейх должен решить, хочет ли и должен ли он далее защищать на Кавказе свои интересы. Б положительном случае он, однако, должен немедленно настолько укрепить свою позицию, чтобы добиться господствующего положения на всем Кавказе. Я не единственный, кто полагает, что при радикальных мерах с нашей стороны турки признают себя побежденными... И в этом случае девиз должен был бы звучать следующим образом: “Действовать, а не вести переговоры”» [94].

Но к тому времени, когда фон Майеркорт писал все это, т. е. к сентябрю 1918 г., военные и экономические ресурсы Германии настолько были истощены, а ее военно-политическое положение оказалось настолько тяжелым, что прибегать к решительным санкциям по отношению к собственному союзнику, не было никакой возможности.

Германо-турецкое соперничество на Кавказе было объективно в интересах стран Антанты, ибо оно, естественно, ослабляло блок Центральных держав. И Антанта использовала германо-турецкие противоречия умело. Поскольку на этот период падает некоторое снижение активности англичан в Палестине и Месопотамии, можно предположить, что они в какой-то мере по-

[стр. 141]

ощряли решительные действия Турции в Закавказье, способствуя тем самым еще большему углублению противоречий с Германией [95].

Рассматривая все аспекты германо-турецкого соперничества в Закавказье в 1918 г. в целом, можно сказать, что оно явилось одним из существенных признаков наступления кризиса империалистической политики кайзеровской Германии в отношении Закавказья.

Глава V

ПРОВАЛ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КАЙЗЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ В ЗАКАВКАЗЬЕ

Революционно-освободительная борьба в Закавказье в период германо-турецкой оккупации

Рабочие и крестьяне, весь грузинский народ оказался фактически под пятой немецких оккупантов. В стране с каждым днем нарастало возмущение жестокостью и произволом захватчиков. Даже меньшевики в своей газете «Эртоба» вынуждены были признать, что политика немцев вызывает серьезное недовольство народа. «Наша редакция,— говорилось в передовой статье,— получает бесчисленное количество корреспонденции из различных уголков, в особенности из тех районов, где имеются германские колонии. Во всех письмах без исключения содержатся жалобы на грубое обращение германских войск, расквартированных

по деревням колонистов. Недовольство народа вызывается тем обстоятельством, что войска вмешиваются во взаимоотношения немцев-колонистов и крестьян соседних сел, чинят суд своей властью, громят грузинские, армянские или же татарские села... войско само производит суд и взымает штрафы» [1].

Некоторые представители Германии вынуждены были признавать, что грузинский народ с каждым днем все больше возмущается политикой оккупационных властей. Так, в августе 1918 г. представитель Комитета по делам бывших территорий Российской империи [2] доктор Веллер писал в Берлин, что из трех республик Закавказья Грузия занята немецкими войсками. Ожидается прибытие еще одной кавалерийской дивизии и одной пехотной бригады. Здесь вначале немцев встретили доброжелательно, но со временем газеты развили антинемецкую пропаганду. Они пишут, что Германия пришла, чтобы увезти богатства страны, а помочь она ничем не может. В связи с этим Кресс обеспокоен. В горах, в особенности в районе Кутаиси, действуют банды партизан[3]. Нетрудно понять, почему немецкий автор, грубо искажая истину, пишет о доброжелательном отношении местного населения к оккупантам. «Антинемецкая пропаганда» в газетах, о которой сокрушается Веллер,

[стр. 143]

была слабым эхом антигерманских настроений, охвативших широкие слои населения. Понятно также, почему оккупанты именовали «бандами» отряды красных партизан, которые со дня захвата власти в Грузии меньшевиками и последовавшего за тем прихода немецких войск не прекращали борьбу. Партизаны нападали на меньшевистских гвардейцев, совершали налеты на гарнизоны немецких солдат, расположенные в населенных пунктах.

Со вступлением немецких войск в Грузию политика меньшевистского правительства стала еще более реакционной. Опираясь на поддержку немецких вооруженных сил, используя штыки оккупантов, меньшевики попытались ликвидировать революционное движение рабочих и крестьян Грузии. Начались массовые репрессии, была введена смертная казнь. Репрессии были направлены главным образом против членов большевистской партии. Известно, что именно в конце мая, с приходом немцев, Кавказский комитет РКП (б) вынужден был переехать во Владикавказ и оттуда руководить революционным и освободительным движением в Закавказье. Немецкие оккупанты активно помогали меньшевикам в их карательной политике[4]. В одном из своих писем министру внутренних дел Грузии фон Кресс обращал внимание на необходимость участия немецких солдат в карательных экспедициях для того, «чтобы дать устрашающий пример части населения, склонной к выступлениям» [5]. Однако попытки меньшевиков и их немецких покровителей ликвидировать революционное и освободительное движение в Грузии оказались тщетными.

Лето 1918 г. ознаменовалось новым подъемом стачечной борьбы рабочего класса Грузии. В Тифлисе, Поти, Кутаиси и в некоторых других районах рабочими и служащими железной дороги, почты, телеграфа, городских управ, а также портовыми работниками были объявлены забастовки. Большой политический резонанс вызвала забастовка ткибульских шахтеров, выдвинувших наряду с экономическими и политические требования[6]. Оккупационные власти были серьезно обеспокоены движением грузинских шахтеров. Оккупанты опасались присоединения к движению угольщиков чиатурских горняков. Фон Кресс потребовал от меньшевистского правительства принятия решительных мер, вплоть до репрессий, для прекращения забастовки ткибульских шахтеров [7].

Во время оккупации немецкими войсками Грузии восстаниями были охвачены Зугдидский, Самурзаканский, Шоропанский, Душетский, Борчалинский, Ахалсенакский, Лечхумский и другие уезды.

Особенно широким размахом отличались восстания крестьянских масс в Зугдидском, Ахалсенакском и других районах Мингрелии, где сохранились сильные большевистские организации [8]. Восставшие повсеместно изгоняли представителей мень-

[стр. 144]

шевиков, провозглашали Советскую власть, приступали к разрешению земельного вопроса на основе ленинского Декрета о земле. Освобожденные районы объявлялись составной частью Советской Республики, в этих районах единственным законным правительством страны признавался Совет Народных Комиссаров.

Против восставших меньшевистским правительством были двинуты гвардейцы и немецкие воинские части, которые в боях с повстанческими отрядами применяли авиацию, артиллерию и бронемашины. Объединенные силы меньшевистских карателей и немецких оккупантов, пользуясь своим превосходством в вооружении и в численности, вынудили отряды повстанцев отступить, однако сломить окончательно революционно-освободительное движение меньшевикам не удалось. В связи с этим в конце августа 1918 г. фон Кресс писал, обращаясь к главе меньшевистского правительства: «По полученным мною сведениям, в районах Поти, Зугдиди, Ахалсенаки и Анаклии все еще действуют большевики, которым удается прерывать регулярное сообщение. Я считаю крайне необходимым, чтобы скорее последовала основательная чистка и разоружение этого района. Если грузинское правительство этого желает, я готов послать в распоряжение грузинского главнокомандующего находящиеся в Поти, Ахалсенаки и Очамчире войска для прочесывания этого района» [9].

Районы Мингрелии не были, конечно, единственной частью Грузии, охваченной пламенем народного восстания. Против власти местной буржуазии и помещиков, поддерживаемой иностранными интервентами, поднялись и трудящиеся Абхазии [10], Лечхуми, Южной Осетии. В 1918 г. мощная волна революционно-освободительного движения прокатилась по всем этим областям. Подъем народного движения в период немецкой оккупации отмечался и в Восточной Грузии. Здесь наиболее массовое вооруженное восстание произошло в Душетском уезде, где 25 июня 1918 г. была провозглашена Советская власть[11]. Против восставших меньшевистским правительством были посланы карательные силы. В течение нескольких недель продолжались упорные бои. Дружины повстанцев, несмотря на плохое вооружение, наносили ощутимые удары по карателям, в составе которых находились и немецкие части. По распоряжению командующего оккупационными войсками полковника фон дер Гольца против отрядов восставших крестьян были использованы немецкие самолеты.

Душетское восстание совпало с одним из ярких и значительных выступлений трудящихся в Западной Грузии — восстанием в Сачхери. Здесь сельская беднота и рабочие марганцевых рудников, подняв восстание, захватили уезд. Ликвидировав меньшевистские органы власти, восставшие создали свой ревком. Успеху повстанцев во многом способствовало то обстоятельство,

[стр. 145]

что во главе и в составе отрядов были солдаты-фронтовики, принимавшие участие в революционных боях в России.

Положение оккупантов в Грузии становилось все более непрочным, и немцы это начинали понимать. Та«, имперское ведомство экономики, отвечая на письмо группы немецких предпринимателей, занимавшихся подготовкой экспедиции для проведения геологической разведки в Грузии, 19 августа предостерегало: «Отправить экспедиции для исследования полезных ископаемых в Грузию в настоящее время не можем, так как неуверенность в нашем положении в Грузии так велика, что такие экспедиции рискованны. Принимая во внимание политическую сторону, их осуществление нежелательно, может возникнуть инцидент, потребующий для своего разрешения политического вмешательства или военных мероприятий» [12].

Правда, из-за своей разрозненности и ряда других причин восстания, имевшие место в Грузии в период немецкой оккупации, оказались подавленными. Но эти неудачи были временными. Грузинский народ поднимался на борьбу с оккупантами. В широких массах трудящихся Грузии жила уверенность, что перед угрозой объединенных сил внутренней реакции и иностранной интервенции грузинский народ может рассчитывать на братскую помощь и поддержку Советской Республики.

Г. К. Орджоникидзе, характеризуя положение в Грузии в тот период, в своей телеграмме на имя Председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ленина и Народного Комиссара по делам национальностей И. В. Сталина 13 октября 1918 г. писал: «...Население находится в исключительной оторванности от правительства и, ограбленное, обобранное, подавленное штыками немцев и грузинской жандармерией, затаив злобу против своих насильников, ждет помощи от Советской России» [13]. И действительно, как показали последующие события, грузинский народ в своих ожиданиях не был обманут.

Освободительная борьба трудящихся масс в период немецко-турецкой интервенции ширилась и в других частях Закавказья.

В первые же дни хозяйничанья турок в Баку, железнодорожниками города была объявлена забастовка. Чтобы заставить рабочих приступить к работе, оккупанты вынуждены были прибегнуть к избиениям и арестам.

Надежды мусаватистов установить в стране с помощью турок порядок, угодный бекам, мусульманскому духовенству и местной буржуазии, оказались тщетными.

Рабочие и крестьяне Азербайджана не могли и не хотели мириться с игом эксплуататоров, не могли примириться с господством чужеземцев. Несмотря на жестокий террор и репрессии, трудящиеся страны ни на один день не прекращали борьбу против поработителей и иноземных захватчиков.

Отмена декретов Советской власти, восстановление прав

[стр. 146]

беков-помещиков, попытки возместить материальный ущерб, причиненный бекам в ходе революции и гражданской войны, за счет крестьян вызывали резкое возмущение народа. Открыто проявлялось недовольство и в связи с бесконечными поборами и реквизициями продовольствия, фуража, инвентаря и т. п. оккупационными властями. Повсеместно раздавались протесты против насильственной мобилизации молодежи в турецкую армию.

Все это способствовало росту движения сопротивления, которое в ряде районов Азербайджана приобретало уже форму вооруженных выступлений.

Гибель 26 бакинских комиссаров, аресты и преследования других видных руководителей революционного движения ослабили силы большевистских организаций Баку. Уцелевшие от репрессий интервентов и гонений контрреволюционных властей активисты вынуждены были уйти в глубокое подполье. В трудных условиях оккупационного режима и разгула реакции самоотверженная работа по восстановлению партийных организаций, сплочению масс для борьбы с контрреволюцией и иностранными интервентами не прекращалась [14]. О размахе пропагандистской и агитационной деятельности большевистских организаций свидетельствуют выпущенные в то время брошюры и листовки.

Высоко оценивая деятельность бакинских большевиков в период германо-турецкой интервенции в Закавказье, Народный Комиссариат по делам национальностей отмечал: «Несмотря на гонения турецких властей, большевики Баку выпустили воззвание, в котором говорилось, что надо не отчаиваться, а ждать удобного случая для восстановления Советской власти. 20 сентября при обыске рабочих была обнаружена масса прокламаций и нелегальной литературы. В связи с этим начались массовые обыски и аресты среди рабочих... 24 сентября был отдан приказ принять срочные меры, чтобы заранее предупредить и подавить восстание революционеров. В приказе было сказано, что большевики угрожают безопасности турецкой армии и потому необходима исключительная строгость... Несмотря на эти репрессии, все коммунисты ведут подпольную агитацию» [15].

Большевики Азербайджана в своих листовках, брошюрах, а также в устной агитации разоблачали предательскую политику мусаватистского правительства, призывали народ к борьбе против турецких захватчиков.

Немало большевиков с оружием в руках боролось в партизанских отрядах. Особенно активно

эти отряды действовали в Гянджинском и Казахском уездах. Партизаны устраивали засады и неожиданные вылазки, разрушали железнодорожные пути [16] и захватывали обозы.

Умело маневрируя, партизаны наносили ощутимые удары турецким и мусаватистским вооруженным отрядам. В районах Дзегама, Долляра и Тауза, например, турки вообще боялись

[стр. 147]

появляться. Здесь своими смелыми действиями прославился партизанский отряд местных крестьян под руководством Селима Алиева [17].

Большой популярностью пользовался командир одного из гянджинских партизанских отрядов Кербалай Алескер [18]. Появление его отряда наводило страх на местные мусаватистские власти. Отряд Алескера часто выходил победителем в стычках с карателями, в числе которых были и турецкие солдаты и офицеры, препятствовал взиманию податей с крестьян, громил усадьбы помещиков, нападал на гарнизоны мусаватистских и турецких подразделений.

Гянджинский уездный начальник, обеспокоенный действиями этого отряда, 10 ноября 1918 г. докладывал своему руководству: «Я глубоко убежден, что если дерзкое намерение Кербалая Алескера не будет наказано достойным образом, если он сам и его сподвижники не будут самым решительным образом уничтожены, то в ближайшие дни нужно ожидать поголовного восстания не только в 4-м участке, но и в целом уезде. Дабы воспрепятствовать этому пожару и предупредить катастрофу, я настоятельно прошу ваше превосходительство безотлагательно, по прямому проводу доложить все вышеизложенное господину министру внутренних дел и главнокомандующему мусульманской армией Нури-паше и просить экстренного распоряжения о безотлагательном командировании в мое распоряжение воинского отряда с широкими полномочиями для уничтожения Кербалая Алескера и его шайки» [19].

В Казахском уезде со дня занятия его турецкими войсками не прекращал борьбу партизанский отряд, возглавляемый большевиком Салманом Алибековым [20].

Упорную борьбу с оккупантами вели повстанческие отряды в Карабахе. Несмотря на многократные карательные экспедиции, разбить эти отряды туркам так и не удалось. Многие районы области для турецких войск оставались недоступными.

Крестьянские волнения имели место также в Закаталинском уезде.

Германо-турецкие оккупанты в целях упрочения своего господства приложили немало усилий к разжиганию национальной розни между народами Закавказья. Наиболее активно действовали турки, которые с помощью мусаватистов стремились натравить азербайджанцев на армян. Следует сказать, что оккупантам удалось спровоцировать некоторые отсталые слои местного населения, но такие случаи можно считать исключительными. В ряде районов мусульманское население брало под свою защиту армян, не позволяло оккупантам-провокаторам развязывать братоубийственные инциденты [21].

В период германо-турецкой интервенции в наиболее тяжелом положении, бесспорно, оказались трудящиеся Армении. Издевательства турецких оккупантов, голод и нищета, антинарод-

[стр. 148]

ная политика дашнаков на «независимой» территории Армении доводили народные массы до крайнего отчаяния.

С. Орджоникидзе, характеризуя сложившуюся в Армении обстановку, в телеграмме Г. В. Чичерину от 12 октября 1918 г. писал: «Положение Армении трагическое. На небольшом клочке двух уездов Эриванской губернии сконцентрировано более 600 тыс. беженцев, которые гибнут массами от голода и холеры. В захваченных уездах турки повырезали половину населения» [22].

Армянский народ, хотя и был ослаблен гонениями, но примириться со своим положением не мог.

В захваченных турками районах Армении разгоралась партизанская война. Партизаны смело нападали на отряды регулярных частей турецкой армии, уничтожали живую силу противника, военные склады, взрывали воинские эшелоны[23].

Режим жесточайшего террора, установленный оккупантами, не спасал их от справедливой кары народных мстителей. Пожалуй, не было ни одного уголка Армении, где бы партизаны не наносили удары по врагам. Но наиболее активно они действовали в районах Александрополя, Караклиса, Сардарабада (ныне — Октемберян) [24].

Турецкое командование было настолько обеспокоено размахом вооруженной борьбы, что вынуждено было, ссылаясь на пункты Батумского мирного договора, многократно обращаться к дашнакскому правительству с требованиями о принятии мер против партизан [25]. Аналогичные требования турецкие оккупанты предъявляли и руководителям немецкой делегации на Кавказе [26]. Нет сомнения, что и немецкая делегация и дашнакское правительство были бы рады помочь, ибо сами не меньше турецкого командования испытывали страх перед народным освободительным движением, однако помочь турецким захватчикам никто из них не мог.

В этот период значительную работу по сплочению трудящихся масс, их подготовке к предстоящим освободительным боям вели большевистские организации Армении.

Усилиями закавказских большевиков была создана Коммунистическая партия Армении, которая развернула активную политическую работу среди армян-беженцев, восстановила несколько партийных организаций в Ереване, наладила выпуск газеты.

Коммунистическая партия Армении сыграла большую роль в деле освобождения масс от влияния националистических партий.

Так, вопреки усилиям внутренней и внешней контрреволюции пламя революционной и освободительной борьбы трудящихся Закавказья не угасало.

Меньшевикам, дашнакам и мусаватистам хотя и удалось при поддержке германо-турецких интервентов разобщить на время

[стр. 149]

с помощью искусственных границ народы Закавказья, но их освободительное движение сливалось в единый поток, направленный против общих врагов — германо-турецких интервентов и буржуазно-националистических правительств.

В этой совместной борьбе против общих врагов росла и крепла дружба народов Закавказья.

Советская Республика в борьбе против германо-турецкой интервенции в Закавказье

Единственным государством, выступавшим на международной арене против германо-турецкой интервенции в Закавказье, была молодая Советская Республика. Советская дипломатия использовала любые возможности для оказания поддержки народам Закавказья в их борьбе против иноземных захватчиков. Следует иметь в виду, что в это же время советское государство испытывало огромные трудности, связанные с борьбой за сохранение и упрочение завоеваний социалистической революции.

Это был период, когда закончилась короткая мирная передышка после заключения Брест-Литовского договора и, как сказано в истории КПСС, «в борьбе против Республики Советов объединились две контрреволюционные силы — иностранные интервенты и российская белогвардейщина» [27], началась гражданская война, война трудящихся России против внутренних и внешних врагов Советской власти.

Английские, американские, французские и японские империалисты вторглись на территорию Советской России с целью уничтожить государство рабочих и крестьян и тем самым

ликвидировать центр мирового пролетарского революционного движения. Интервенты захватили Мурманск, Архангельск, Владивосток и прилегающие к ним районы.

На Средней Волге и в Сибири вспыхнул инспирированный англичанами и французами мятеж солдат чехословацкого корпуса.

На Северном Кавказе и на Дону царские генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, Краснов и Мамонтов при поддержке империалистических держав организовали «добровольческую армию», подняли против Советской власти состоятельные слои казачества и предприняли ряд выступлений против Советской Республики. Временные успехи контрреволюционных сил на Северном Кавказе и на Дону имели крайне отрицательные последствия для судеб Закавказья. Они способствовали изоляции края от революционной России.

В ряде мест вспыхнули инспирированные империалистической и белогвардейской агентурой мятежи кулацких и других враждебных пролетариату и трудовому крестьянству элементов.

[стр. 150]

Создаваемые мятежниками «законные» правительства повсюду восстанавливали буржуазно-помещичьи порядки, прибегали к беспощадному террору по отношению к трудящимся.

«Красная Армия только создавалась, она была малочисленна.— говорится о том периоде в “Истории КПСС”,— и не имела боевого опыта»[28], а вражеское кольцо вокруг Советской Республики все сжималось. Но и в этих чрезвычайно тяжелых условиях большевистская партия и Советское правительство считали необходимым протянуть руку помощи трудящимся Закавказья.

ЦК РКП (б) постоянно поддерживал теснейшую связь с большевистскими организациями Закавказья, направлял их деятельность, помогал им в налаживании революционной работы среди широких народных масс.

Совет Народных Комиссаров и лично В. И. Ленин всегда держали в центре внимания ход борьбы за Советскую власть в Закавказье и делали все возможное, чтобы край не оказался оторванным от Советской России[29]. По предложению В. И. Ленина в помощь Бакинскому Совету неоднократно выделялись денежные средства, в Закавказье направлялись опытные кадры партии, испытанные борцы-революционеры [30].

Несмотря на острую нужду, испытываемую молодой республикой, трудящиеся Закавказья, и прежде всего бакинский пролетариат, получали от братской России в критические моменты подкрепления, оружие, боеприпасы и продовольствие [31].

Руководство революционно-освободительным движением в Закавказье требовало глубокого знания своеобразия обстановки в крае, учета сложнейших межнациональных отношений, а также традиционного быта и обычаев народов Закавказья. В преодолении различного рода трудностей и привлечении народных масс Закавказья и всего Кавказа на сторону Советской власти выдающуюся роль сыграл Народный Комиссариат по делам национальностей, являвшийся неуклонным проводником ленинской национальной политики.

Деятельность Народного Комиссариата по делам национальностей являлась частью огромной помощи, которая оказывалась народам Закавказья Советским правительством.

Говоря об этой помощи в период иностранной интервенции в Закавказье, нельзя упускать из виду и тот вклад в нее, который был сделан молодой советской дипломатией.

Одним из первых декретов Советского правительства, имевшим важное значение для будущего государственного устройства Закавказья, явился Декрет о «Турецкой Армении», опубликованный 11 января 1918 г. и утвержденный III Всероссийским съездом Советов 28 января 1918 г. [32].

Для того чтобы по достоинству оценить значение этого декрета, необходимо иметь в виду, какое место занимала проблема «Турецкой Армении» в противоречиях империалистических

[стр. 151]

держав на Ближнем Востоке, каким образом царская Россия намеревалась решить эту проблему и как другие империалистические державы хотели воспользоваться «армянским вопросом» для достижения своих целей, игнорируя подлинные интересы армянского народа.

Декрет Советского правительства, провозглашая право многострадального армянского населения в составе Оттоманской империи на самоопределение вплоть до отделения, являл собой принципиально новое, справедливое решение этой вековой проблемы. Решение это отличалось от всех прежних когда-либо предлагавшихся проектов, конвенций или соглашения по «армянскому вопросу» прежде всего тем, что определение своей судьбы предоставлялось самому армянскому народу, без вмешательства извне, без международных наблюдателей и протекторов. Требования о выводе войск из Турецкой Армении, беспрепятственном возвращении армян-беженцев и эмигрантов, а также насильственно депортированных в годы войны, содержащиеся в Декрете Советского правительства, представляли собой своего рода гарантию свободного волеизъявления армянского народа.

Сугубо важное значение имела позиция Советского правительства относительно определения границ Армении. «Географические границы “Турецкой Армении”,— говорилось в декрете.— определяются демократически избранными представителями армянского народа по согласованию с демократически избранными представителями смежных и спорных (мусульманских и иных) округов совместно с Чрезвычайным Временным Комиссаром по делам Кавказа». Так, впервые спорные (часто болезненно воспринимаемые малыми народами) территориальные вопросы предлагалось решать через представителей народов, исходя из интересов самих соседствующих народов, а не империалистических держав, как это было определено творцами Версальского мира.

В Декрете о «Турецкой Армении» уже были заложены условия для реализации вековой мечты армянского народа о воссоединении своей страны. Трудящиеся Армении, естественно, встретили этот декрет с огромным воодушевлением, однако турецкая интервенция в освобожденные районы Армении и последующие события, о которых говорилось выше, лишили армянский народ возможности воспользоваться правами, которые были предусмотрены этим ленинским документом.

Правительство султанской Турции, спровоцировавшее инциденты на Кавказском фронте и, в нарушение Брестского мирного договора, перешедшее в наступление против Закавказской республики, встало на путь мести армянскому населению за поражение на восточном фронте. Политика массового истребления мирного населения, проводившаяся в отношении армян на территории Оттоманской империи, продолжала осуществлять-

[стр. 152]

ся и в Восточной Армении. Население целых деревень истреблялось поголовно. Турецкие захватчики не щадили ни стариков, ни женщин, ни детей. И никто в западном цивилизованном мире, даже среди противников Турции, не решился выступить в защиту армян, против новых злодеяний младотурок. Только правительство молодой Советской Республики с присущей ему революционной решительностью и прямотой разоблачило действия турецких захватчиков.

В ноте Народного Комиссариата иностранных дел МИДу Германии от 12 апреля 1918 г. указывалось, что «происходящее в этих округах свидетельствует (имелись в виду районы, где зверствовали турецкие оккупанты.— Г. П.), что десятки лет применявшаяся политика истребления армянского народа продолжается и поныне» [33]. Ответственность за подобные действия совершенно справедливо возлагалась не только на турецкое, но и на германское правительство, так как именно по настоянию последнего были отторгнуты области Карса, Ардагана и Батуми. А если говорить, в принципе, то любому объективному наблюдателю ясно, что без поддержки Германии Турция не посмела бы предпринять наступление на восток.

Протестуя против злодеяний турок и попустительства немцев, Народный Комиссариат иностранных дел настаивал далее «на необходимости быстрого и решительного вмешательства со стороны Германии в происходящее на Кавказе с целью предотвращения дальнейшего

уничтожения и вырезания мирного населения».

Сам факт обращения с дипломатическим протестом к Германии против действий турок свидетельствует о проницательности советской дипломатии. Она исходила не только из того, что Германия оставалась единственной страной, имевшей реальные возможности повлиять на Турцию. Советское правительство учитывало также скрытую заинтересованность Германии в подобных действиях турок против армян. Советское правительство понимало, что в правящих кругах Германии после заключения Брестского мира был популярен варварский расчет: «зверства турок против армян бросят последних в объятия немцев» [34] и тем самым захват Армении будет немцам облегчен.

Сепаратные переговоры между Закавказским правительством и Турцией, открытые в Трапезунде и продолженные в Батуми, были на руку германо-турецким интервентам. Советское правительство видело, как за спиной народов Закавказья контрреволюционное правительство меньшевиков, дашнаков и мусаватистов пыталось совершить сделку с империалистами, поэтому Советское правительство выступило с требованием о допуске его представителей на Батумскую конференцию [35].

Участие представителей Советской России в Батумских переговорах имело бы огромное значение для Закавказья, ибо именно в ходе этих переговоров, в результате закулисных махинаций

[стр. 153]

германо-турецких союзников был ускорен распад Закавказской федерации, созданы условия для вторжения интервентов в пределы федерации и аннексии ее территории.

Сам факт сепаратных переговоров являлся нарушением Брест-Литовского мирного договора, и единственно реальной силой, которая бы расстроила или по крайней мере до конца разоблачила агрессивные замыслы германских империалистов и турецких захватчиков, могли бы стать дипломатические представители Советской России.

Советское правительство в своей ноте Германии указывало, что народы Закавказья не поддерживают Закавказский Комиссариат, что они против отделения края от России, поэтому Батумские переговоры не могут быть признаны правомочными. «Настаивая на участии делегатов Русского правительства в ведущихся в Батуми переговорах,— говорилось в советской ноте,— Народный Комиссариат подчеркивает, что заключенного без участия его договора он не будет считать себя в праве признать».

Хотя требования Советского правительства в то время остались без последствий, но позже, как известно, договоры, заключенные в Батуми, были аннулированы.

Еще 25 июля 1918 г., когда отчетливо проявились стремления интервентов захватить Баку, Советское правительство через Народный Комиссариат иностранных дел обратилось к правительству Германии с требованием «о приостановке продвижения войск на Баку»[36].

19 августа Советское правительство повторило свое требование к Германии и Турции. В ноте НКИД на имя генерального консула Германии указывалось: «Как видно из не допускающих сомнения источников, турецкая армия, вопреки всем данным нам Германским и Турецким правительствам заявлениям, в течение последних недель продолжала наступление на Баку и совершила уже нападение на самый город»[37]. При этом Советское правительство, чтобы произвести соответствующий нажим на Германию, с которой уже велись упоминавшиеся выше переговоры относительно бакинской нефти, обращало внимание «на то значение, которое бакинская нефть имеет для народного хозяйства всей России, а потому и для тех стран, с которыми Россия собирается вступить в экономические сношения» [38].

В этот же день, т. е. 19 августа, посол Советской России в Берлине обратился в министерство иностранных дел Германии с нотой, в которой отмечалось, что военные успехи наступавших на Баку турецких войск были обеспечены благодаря участию в их действиях немецких инструкторов. Далее посол напомнил МИДу Германии о данных германским правительством

заверениях относительно недопущения наступления турок в Закавказье, и в частности на Баку[39].

Советское правительство обращалось с многократными про-

[стр. 154]

тестами и к султанской Турции, направившей свои войска в Закавказье. О многих из этих обращений выше уже говорилось, в том числе о ноте НКИД правительству Турции от 20 сентября 1918 г., в которой советская сторона категорически заявила об аннулировании Брест-Литовского договора между Турцией и Россией [40].

В нотах Советского правительства Турции неопровержимо разоблачалась антисоветская, антирусская, враждебная народам Закавказья захватническая политика правящих кругов Оттоманской империи. Советское правительство неизменно подчеркивало, что Турция, предприняв наступление на Закавказье, с самого начала встала на путь нарушения Брест-Литовского мирного договора, что она оказывала поддержку контрреволюционным силам, выступавшим против Советской Республики и ее правительства [41].

Как известно, положения пунктов Брест-Литовского договора относительно Карса, Ардагана и Батуми являлись вынужденной уступкой со стороны Советской Республики. Но, идя на эту уступку, советская дипломатия настояла на том, чтобы население этих областей определило свою судьбу «по согласию» с соседними государствами, «в особенности с Турцией, но никоим образом не с Турцией одной»[42]. Между тем турки односторонне провели референдум среди населения указанных округов, причем фальсифицировали его результаты. Этот факт не скрывали даже союзники турок — немцы. Так, в июле 1918 г. генеральный консул Германии в Стамбуле писал: «Во время нашего пребывания в Батуме здесь состоялся большой плебисцит, в котором, как и ожидалось, подавляющее большинство высказалось за присоединение к Турции. Голосование якобы было тайным. В действительности же, за большим столом сидел муттесариф (начальник района), а на столе лежали белые и голубые бюллетени, которые должны были открыто получать местные жители» [43].

Советское правительство протестовало против подобного плебисцита и указывало на действия турок, допустивших явное «искажение народного волеизъявления, которое представляло из себя так называемое голосование несчастного населения этих областей по вопросу об их будущей судьбе» [44].

В нотах и обращениях Советской Республики фактически были показаны двуличие, лживость и коварство правительства султанской Турции, которое все время пыталось представить дело так, будто в районе Баку действовали «иррегулярные части», «местные банды» и т. п., но отнюдь не дивизии турецкой армии. В нотах Советского правительства разоблачалось также намерение объявить занятие Баку необходимостью борьбы с англичанами.

Советское правительство было непреклонно в своем требовании о выводе турецких войск из Баку и всего Азербайджана.

[стр. 155]

Борьба советской дипломатии в защиту народов Закавказья ч период немецко-турецкой интервенции явилась одним из первых ярких проявлений пролетарского интернационализма в международных отношениях, ставшего в последующем важнейшим принципом ленинской внешней политики Советского государства.

Значение этой борьбы заключалось в том, что она до конца разоблачала империалистические устремления германо-турецких интервентов и антинародную сущность политики пошедших к ним в услужение буржуазно-националистических правительств; борьба советской дипломатии ослабляла позиции международного империализма, стремившегося превратить Закавказье в плацдарм против первого в мире социалистического государства; и наконец, дипломатические усилия Советского правительства за прекращение иностранной интервенции в Закавказье способствовала сплочению передовых, подлинно патриотических и революционных сил

Грузии, Армении и Азербайджана в борьбе против внутренних и внешних врагов и созданию условий для изгнания иноземных захватчиков.

Ухудшение положения Германии. Уход немецких войск из Грузии

В начале 1918 г. в Берлине имели формальные основания быть довольными успехами немцев на востоке. Планы пангерманистов относительно установления гегемонии немцев в Польше. Прибалтике, на Украине и Кавказе казались почти реализованными. Однако эти очевидные на первый взгляд успехи нисколько не помогли устранению давно наметившейся тенденции ухудшения военно-политического и экономического положения кайзеровской Германии в целом.

Антивоенные, революционные настроения, особенно после Великого Октября, получали все большее распространение среди уставших от долгой войны германских солдат. Шовинистический угар, охвативший солдатские массы в первые годы войны, начинал проходить. Боеспособность войск падала.

Милитаристская политика заправил кайзеровской Германии привела экономику страны на грань катастрофы. Уже в начале 1918 г. в Германии недоставало продовольствия, сырья, материалов. То, что было захвачено на оккупированных территориях, не обеспечивало даже нужд фронта. Остро сказывалось на состоянии народного хозяйства истощение людских ресурсов.

Тяжелое положение Германии усугублялось также и ослаблением ее союзников. Они то и дело взывали о помощи к Германии. Для поддержания боеспособности союзников германские части сражались в составе турецких, болгарских и австро-венгерских войск. Союзникам оказывалась и другая посильная по-

[стр. 156]

мощь, но она в общем итоге мало что могла изменить. Уже к концу 1917 г. в Болгарии свирепствовал голод, в стране недоставало товаров широкого потребления, промышленность и сельское хозяйство находились в упадке. В армии, плохо обмундированной и голодной, усиливалось революционное брожение. В обстановке начавшейся разрухи, дороговизны, голода и надвигавшегося поражения в войне в Болгарии складывалась революционная ситуация.

В ходе войны Турция понесла огромные людские потери. Только убитыми, ранеными и пленными страна лишилась свыше одного миллиона человек. Военные мобилизации и постоянные поборы разорили хозяйство отсталой аграрной страны. Дороговизна, спекуляция, голод и последовавшие за ним эпидемии делали невозможным дальнейшее участие солдатских масс в войне за чуждые народу интересы. И в турецком народе росли возмущение и ненависть к войне.

Не в лучшем состоянии находилась и главная союзница Германии — Австро-Венгрия. Лоскутная империя Габсбургов уже к началу 1918 г. трещала по всем швам, готовая развалиться.

В марте 1918 г. ценой неимоверных усилий Германия предприняла наступление на западе. Военное командование рассчитывало разгромить войска Франции и Англии до прибытия войск США.

Четыре операции [45], проведенные с марта по июль 191$ г. с участием крупных сил, пангерманской прессой хвастливо были названы Кайзеровской битвой.

Первая из этих операций длилась с 21 марта по 4 апреля в Пикардии. Немцам удалось лишь местами потеснить англо-французские войска на 50—60 км.

Вторая операция была осуществлена во Франции, где 40 дивизий германской армии внезапно обрушились на позиции союзников. Однако в ходе трехнедельных боев с 9 апреля по 1 мая

немцам удалось получить лишь незначительные позиционные преимущества. Через месяц германское командование повело новое наступление — третье по счету — в районе между Нуайоном и Реймсом. Наступление это длилось с 25 мая по 5 июня. Эта операция также завершилась лишь чисто тактическими успехами. Союзники были здесь оттеснены всего-навсего километров на 60 по фронту.

15 июля 1918 г. германское командование снова погнало в наступление измотанные безуспешными боями войска. Бои развернулись на Марне, в районе Шато-Тьерри. В течение двух дней немцы вели беспрерывные атаки. Несмотря на поддержку большого количества артиллерии и авиации, наступление немцев захлебнулось. На организацию новых наступлений сил больше не было. Так безуспешно окончились последние усилия Германии нанести решительное поражение своим противникам и добиться выгодного мира.

[стр. 157]

Между тем 18 июля 1918 г. на участке фронта в междуречье Марны и Эны в районе Виллер-Котрэ французская армия нанесла контрудар. Немцы вынуждены были отойти за р. Эну.

8 августа 1918 г. силы Антанты, развивая общее наступление, прорвали у г. Амьена линию обороны германских войск. Немцы потеряли огромное количество вооружения и живой силы. Немецкий фронт дрогнул. На западном фронте наступил решительный перелом [46]. То, что было приобретено в кровопролитных боях марта — июля ценой огромных жертв, Германия потеряла за несколько дней. «8 августа — самый черный день германской армии в мировой войне» [47],— признал Людендорф.

Вслед за этим Германия начала терять одного за другим своих союзников. 15 сентября, в тот самый день, когда турецкие войска ворвались в Баку, войсками Антанты был прорван Салоникский фронт. В тылу болгарских войск в это время вспыхнуло восстание, которое, однако, было быстро подавлено при помощи воинских частей Германии, но задержать развернувшиеся события не удалось. Болгарская армия была окончательно деморализована, войска Антанты быстро продвигались в глубь страны. 25 сентября, не оглядываясь на своих союзников, Болгария обратилась с просьбой о перемирии непосредственно к командованию Салоникского фронта войск Антанты.

29 сентября в Салониках было подписано соглашение о перемирии, означавшее фактически полную капитуляцию Болгарии, которая должна была демобилизовать свою армию и очистить ранее занятые ею территории. Царь Фердинанд должен был отречься от престола в пользу своего сына Бориса. Антанта получала право занять любую часть страны [48].

Одновременно с выходом из войны Болгарии английские войска, действовавшие на Ближнем Востоке, добились ликвидации турецкой армии в Палестине. Через месяц после капитуляции Болгарии, 30 октября 1918 г., Турция также заключила перемирие. По его условиям Турция должна была оставить Аравию, Месопотамию, Сирию, часть Киликии, Армению, Азербайджан, а также и некоторые другие занятые ею районы Закавказья. Турция открывала проливы и соглашалась на их оккупацию войсками Антанты.

Вскоре прекратила свое существование также и Австро-Венгерская империя. Ее составные части — Чехословакия и Венгрия — объявили себя самостоятельными. Ширились восстания солдат, солдатские массы покидали фронт. 3 ноября 1918 г. состоялась окончательная капитуляция Австро-Венгрии. В Падуе было заключено соответствующее соглашение с представителями распавшейся империи. В соответствии с этим соглашением, к Антанте переходило большое количество военного имущества и, кроме того, ее войскам предоставлялось право использовать «все средства сообщения для продолжения дальнейшей борьбы против Германии»[49].

[стр. 158]

С выходом союзников из войны юго-восточные границы Германии оказались оголенными. Силы Антанты теперь уже беспрепятственно угрожали самой Германии.

Внутри страны складывалась революционная ситуация. Предстояли решающие события, но правящие круги Германии не теряли надежды не только на свое спасение, но и на сохранение и упрочение своих позиций на оккупированных территориях, в том числе и в Закавказье.

В начале сентября фон Кресс провел в Тифлисе совещание членов немецкой делегации с участием представителей деловых кругов Германии, находившихся в Закавказье. На совещании обсуждались вопросы о сохранении влияния немцев на Кавказе при создавшемся положении и о задачах бесперебойного вывоза из края необходимых для Германии сырья и материалов.

В своем сообщении Кресс говорил, что надеяться на дальнейшее расширение влияния Германии в Закавказье силой оружия в ближайшее время не приходится и что правительство империи не намерено впредь проводить реквизиции для обеспечения страны сырьем. Поэтому всем представителям торговых фирм и промышленных объединений, по словам Кресса, следовало наладить устойчивые связи в Закавказье и самим изыскивать возможности расширения вывоза товаров в Германию.

Правящие круги Германии опасались массовой переброски на запад солдат, воевавших на восточном фронте. Антивоенные и революционные настроения в этих частях были наиболее распространены. Вместе с тем для империи все труднее становилось содержание войск на оккупированных территориях. В Грузии, например, еще в начале сентября немецкие части остались без средств на содержание. 13 сентября командующий оккупационными частями полковник фон Гольц докладывал фон Крессу, что денежный запас немецких отрядов и интендантства исчерпан настолько, что даже офицерскому составу нечем выплачивать содержание. Закупка продуктов для войск будет приостановлена, докладывал фон Гольц, в связи с чем возникает опасность мародерства. Гольц просил принять срочные меры[50].

Наряду с этим командование оккупационных войск в Грузии и все руководство немецкой делегации были обеспокоены начавшимся революционным брожением среди солдат, особенно тех частей, которые были сформированы из бывших военнопленных, хорошо осведомленных об Октябрьской революции в России. В ряде гарнизонов появились социал-демократические группы солдат, которые вели антивоенную пропаганду. Командование вынуждено было прибегнуть к репрессивным мерам, добиваясь изоляции активистов.

Исходя из создавшегося в Грузии и в целом в Закавказье положения, глава немецкой делегации фон Кресс 16 сентября докладывал рейхсканцлеру Гертлингу, что дальнейшее проведение активной политики для делегации затруднительно. Он

[стр. 159]

просил канцлера не ослаблять внимания к Закавказью, приложив максимум усилий для сохранения Грузии в руках Германии, и в качестве мер достижения этой цели просил новых ассигнований и усиления правительством оккупационных сил. «Когда ваше высочество решилось,— писал рейхсканцлеру Кресс,— послать на Кавказ немецкие отряды и дипломатическую миссию — что взвалило на империю большие расходы — это произошло в первую очередь при условии, что Кавказ должен нас снабжать необходимым сырьем»[51].

Разумеется, германское правительство уже не могло послать ни средств на содержание оккупационных войск, ни подкреплений для них. Более того, оно предвидело даже возможность их вывода в ближайшее время. Однако в Берлине не собирались мириться с перспективой окончательной потери германского влияния в Закавказье и поэтому стремились изыскать пути сохранения командных позиций в экономике Грузии за германским капиталом.

В Тифлис был командирован ответственный работник имперского ведомства экономики Кинд, которому надлежало в ответ на просьбу Кресса разобраться с положением на месте и внести необходимые предложения в правительство. По прибытии в Тифлис Кинд встретился со многими министрами Грузии. В беседах с ними Кинд выяснил их взгляды относительно сотрудничества Грузии с Германией, прежде всего в области экономики, а также об условиях вступления в силу договоров, заключенных с представителями деловых кругов Германии.

По возвращении в Берлин, 17 октября, Кинд представил правительству доклад об итогах своей

поездки в Закавказье. В докладе было сказано, что в скором будущем Германия, видимо, будет вынуждена вывести войска из Грузии, но даже в этом случае возможно сохранение позиции на Кавказе, для чего, по мнению Кинда, надо было добиться скорейшего вступления в силу договоров с Грузией. Не ограничившись докладом правительству, Кинд попытался повлиять на деловые круги с тем. чтобы побудить их более активно инвестировать свои капиталы в экономику Грузии. В своем письме Фрицу Тиссену Кинд, в частности, писал о тех выгодах, которые получат немецкие деловые круги, если Германии удастся сохранить свое экономическое влияние в Грузии. Кинд просил Тиссена разъяснить это своим коллегам. Он предлагал даже Тиссену выехать в Грузию. «При нынешнем положении (Германии.— Г. П.) это лучший выход» [52], — писал Кинд.

Согласно договоренности с Киндом, фон Кресс вдогонку ему направил телеграмму в министерство иностранных дел, в которой всецело поддерживал предложения Кинда, просил добиться от акционерных обществ, заключивших экономические договоры с представителями Грузии, немедленного взноса 28% стоимости всех акций [53].

[стр. 160]

В министерстве иностранных дел и в имперском ведомстве экономики с пониманием относились к предложениям Кинда и Кресса. Их расчеты на сохранение влияния Германии в Закавказье путем увеличения доли немецкого капитала в экономике края в случае сохранения там буржуазно-помещичьих правительств были, с точки зрения германских финансовых воротил, в целом верными.

Однако немецкая империалистическая буржуазия, теперь уже опасавшаяся вообще за свои капиталы в связи с надвигавшимся военным поражением и революцией в собственной стране, не была уверена, что ее капиталы не будут экспроприированы в далеком Закавказье, охваченном революционно-освободительным движением. Поэтому правления акционерных обществ воздержались от выполнения изложенных выше рекомендаций.

После выхода союзников из войны положение кайзеровской Германии стало катастрофически ухудшаться. В конце сентября войска Антанты предприняли всеобщее наступление. Фронт немецких войск был прорван в разных местах одновременно. На Западе бои приближались непосредственно к границам Германии.

30 сентября разразился правительственный кризис. Рейхсканцлер Гертлинг ушел в отставку. В войсках и в тылу революционная ситуация складывалась все быстрее. В этих условиях правящие круги Германии решили поручить формирование нового правительства принцу Баденскому, пользовавшемуся среди юнкерства и военщины репутацией либерала. 4 октября было сформировано коалиционное правительство, в которое вошли два представителя правых социал-демократов — Шейдеман и Бауер. Новое правительство немедленно обратилось к президенту США Вильсону с предложением заключить перемирие и начать мирные переговоры. Однако правительство Германии не сразу получило согласие. В завязавшейся дипломатической переписке Германии был предъявлен ряд предварительных условий. После их всестороннего обсуждения и рассмотрения вопросов, связанных с положением внутри страны, 20 октября правительство Германии сообщило о принятии всех условий президента США и готовности начать переговоры. К этому периоду относится и решение верховного командования Германии о выводе немецких войск из Грузии. Приказ об этом был дан 21 октября 1918 г. [54].

Несмотря на данный приказ, эвакуация немецких войск началась не сразу. Командование явно не торопилось. Вначале одной из причин затягивания эвакуации было нежелание везти в Германию солдат, «зараженных» революционным духом Из архивных источников известно, что в этот период в Грузии, вопреки репрессиям командования, немецкие солдаты устраивали антивоенные митинги и собрания[55]. Кое-кто из революцион-

[стр. 161]

но настроенных немецких солдат начал искать контакты с большевиками, находящимися в

подполье.

После заключения Компьенского перемирия 11 ноября 1918 г. эвакуация немецких солдат из Грузии, как и со всех территорий на Востоке, задерживалась до особого распоряжения Антанты. Как известно, в этом проявилось намерение англо-французских и американских империалистов использовать Германию в борьбе против Советской Республики [56]. Однако начавшаяся в Германии Ноябрьская революция расстроила планы империалистических лидеров. Известие о начале революции было встречено немецкими солдатами в Грузии с огромным воодушевлением. В короткий срок были образованы солдатские советы, на заседаниях которых выносились решения о немедленной отправке в Германию. Об использовании этих солдат в том плане, в каком это намеревалось сделать правительство Антанты, не могло быть и речи. Через две недели после начала Ноябрьской революции командование приступило к эвакуации немецких солдат.

Вспоминая о провале плана использования немецких войск против нашей страны, нарком иностранных дел Г. В. Чичерин в свое время писал: «Со стороны Антанты после разгрома Германии надвигалась на нас грозная опасность. На нас в буквальном смысле слова шел мировой империализм. “Революционная” Германия должна была при этом сослужить мировой контрреволюции необходимую услугу. Германские войска должны были передать юг и запад бывшей Российской империи войскам антантовского империализма. Этот план рухнул по воле самих германских войск, которые поспешно эвакуировались на родину, совершенно не считаясь с хитроумными планами Каутского, пособника антантовского империализма и мировой контрреволюции» [57].

Ноябрьская революция, ускорившая конец оккупации Грузии кайзеровскими войсками, с воодушевлением была встречена в Закавказье. Ее историческое значение было должным образом оценено передовыми революционными силами края [58], которые всегда были полны веры в другую Германию — Германию трудовую, революционно-демократическую.

Верные ленинским традициям интернациональной связи между рабочим движением России и Германии, большевики и передовые рабочие Грузии, Армении и Азербайджана с глубоким уважением относились к группе «Интернационал» в Германии, члены которой вели мужественную борьбу против империализма. В Закавказье хорошо знали, что из этой группы интернационалистов сложился «Союз Спартака» во главе с выдающимися деятелями международного пролетариата К. Либкнехтом, Р. Люксембург, К. Цеткин, Ф. Меринг, В. Пиком и др.

Примечательно, что еще задолго до Ноябрьской революции под влиянием героической деятельности германского «Союза

[стр. 162]

Спартака» возникшие в Грузии, а затем и в Армении объединения молодых революционеров-интернационалистов приняли название «Спартак»[59]. Позже эти объединения в ряде мест стали основой комсомола. Деятельностью организации «Спартак» в Закавказье руководили выдающиеся большевики Серго Орджоникидзе, Миха Цхакая, Анастас Микоян и др.

В этом историческом факте нашла свое конкретное выражение антиимпериалистическая солидарность подлинных революционеров, умевших провести четкую грань между империалистической политикой правящих кругов государства и кровными интересами его народа.

2 декабря 1918 г. последний корабль, увозивший немецких солдат, покинул г. Поти.

С концом оккупации кайзеровскими войсками Грузии рухнули планы германских империалистов захвата и закабаления Закавказья. Все договоры, заключенные с кайзеровской Германией и ее союзниками, были аннулированы.

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет в своем постановлении еще от 13 ноября 1918 г. по этому поводу записал: «Всем народам России, населению всех

оккупированных областей и земель — Всероссийский ЦИК сам торжественно заявляет, что условия мира с Германией, подписанные в Бресте 3 марта 1918 г., лишились силы и значения... Трудящиеся массы России, Лифляндии, Эстляндии, Польши, Литвы, Украины, Финляндии, Крыма и Кавказа, освобожденные... от гнета грабительского договора, продиктованного германской военщиной, призваны ныне сами решать свою судьбу»[60].

[стр. 163]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Борьбу за установление своего экономического и политического господства в Закавказье германские империалисты начали задолго до начала первой мировой войны.

Захватив определенные позиции в важнейших отраслях экономики края и широко развернув разведывательно-подрывную деятельность, энтузиасты германской экспансии пытались ослабить влияние царской России в Закавказье, однако успехов в этом направлении не достигли.

Полным провалом завершились также германо-турецкие планы разгрома русской Кавказской армии и ликвидации военной оккупации Закавказья в самом начале первой мировой войны. В результате энергичных действий русских войск турецкие армии с их немецкими советниками и отдельными подразделениями кайзеровских войск оказались наголову разбитыми и отброшенными далеко от границ Закавказья.

После свершения Великой Октябрьской социалистической революции, воспользовавшись создавшейся в Закавказье обстановкой, и прежде всего предательством главарей буржуазно-националистических партий, германским империалистам и их турецким союзникам удалось захватить Закавказье. В этот период между союзниками возникли серьезные противоречия, вылившиеся в острую борьбу за преобладание в крае.

Вступление немецких войск в Закавказье было ускорено тем обстоятельством, что помимо традиционных для германского империализма захватнических целей возникли новые — антисоветские, контрреволюционные задачи, направленные на ликвидацию Советской власти и революционно-освободительного движения в Закавказье, превращение его в барьер на пути распространения освободительного движения на Ближнем и Среднем Востоке и, что самое главное, использование края в качестве плацдарма в борьбе против Советской России. Стратегическое значение Закавказья для германских империалистов стало определяться на этом этапе не только удобным расположением края на путях к Персидскому заливу и Месопотамии, но и тем, что Закавказье оказалось тылом контрреволюционных сил Северного Кавказа и вообще юга России.

К моменту вступления интервентов в Закавказье в таком важнейшем пролетарском центре всей страны, как Баку, су-

[стр. 164]

ществовала Советская власть, а в Западной Грузии, непосредственно граничащей с русскими областями, ширилось народное движение. Контрреволюционные правительства меньшевиков, дашнаков и мусаватистов без поддержки извне не могли существовать.

Лидеры мирового империализма понимали, что победа Советской власти в Закавказье стала бы смертельным ударом для белого движения на юге России, поэтому они всячески спешили с захватом этого края. Этим объясняется характерная особенность германо-турецкого вторжения в Закавказье: вторжение являлось неотъемлемой частью событий, происходивших в России в период иностранной интервенции и гражданской войны. В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что Антанта, несмотря на состояние войны с блоком Центральных держав, в силу своих антисоветских устремлений молчаливо соглашалась и даже содействовала на определенном этапе захвату Закавказья германскими империалистами.

Занятие немецкими войсками Грузии было осуществлено по заранее разработанному плану

правящих кругов кайзеровской Германии. Поэтому утверждение последышей националистов о том, что меньшевистское правительство вынуждено было пригласить немецких оккупантов, чтобы спасти Грузию от нашествия «турецких варваров»,— выдумка, рассчитанная на оправдание позорного провала их антинародной внешней и внутренней политики.

В антисоветских измышлениях, распространявшихся националистами, одной из основных идей являлось утверждение об отсутствии в Закавказье условий, необходимых для победы социалистической революции. В дальнейшем эта сомнительная идейка была подхвачена буржуазными фальсификаторами истории, а в наше время охотно используется зарубежными идеологами антикоммунизма. Убедительным доказательством несостоятельности и лживости данного утверждения является героическая революционно-освободительная борьба, которая была развернута трудящимися Закавказья в годы иностранной интервенции.

В материалах советских и партийных архивов, в монографиях, публикациях, мемуарной и другой литературе немало говорится о революционных выступлениях трудящихся Грузии, Армении и Азербайджана в период господства в Закавказье германо-турецких оккупантов. О содержании и размахе революционной борьбы в Закавказье в то время красноречиво говорят также и документы, сохранившиеся в архивах Германии. Документы эти привлекают особое внимание исследователей, поскольку их авторами были представители кайзеровских оккупационных войск, прилагавшие все усилия в борьбе с революционным движением в крае.

В условиях ухудшения военно-политического положения им-

[стр. 165]

перии германские империалисты попытались сохранить свои позиции в Закавказье путем ускорения вступления в силу договоров о концессиях, узаконив их международно-правовую сторону. Однако надвигавшиеся военное поражение и Ноябрьская революция сделали невозможной реализацию этих замыслов.

Период господства германских империалистов и их турецких сателлитов остался в истории народов Закавказья мрачной страницей. События этого периода служат трагическим свидетельством подлинного содержания понятий «свободы» и «независимости», которые несут малым народам буржуазно-националистические правительства, опирающиеся на штыки империалистических государств.

После ухода германо-турецких оккупантов их место заняли империалисты Антанты. Но ненадолго. Свободолюбивые народы Закавказья, естественно, не могли примириться с подобным положением и при бескорыстной поддержке Советской Республики встали на путь установления Советской власти и строительства социализма, на путь тесной дружбы между народами и неразрывной связи с Советской Россией.

С тех пор как политика кайзеровской Германии в Закавказье потерпела полный провал, прошло почти 60 лет. Изучение накопившихся за это время материалов, сопоставление фактов и событий того периода позволяют ныне яснее понять, что борьба, которую вела кайзеровская Германия накануне и в период первой мировой войны, борьба за захват этого края, являлась одним из конкретных проявлений экспансионистских устремлений империи на Востоке. В этой борьбе нашли свое отражение все особенности авантюристического, хищнического, разбойничьего характера германского империализма, жертвами которого оказались несколько поколений разных народов и государств, в том числе и самой Германии.

Следует подчеркнуть, что мысль о захвате Закавказья не покидала лидеров германского империализма и после краха кайзеровской Германии. В силу особенностей дальнейшего исторического развития эта бредовая мысль нашла свое воплощение в общих агрессивных планах, направленных против первого в мире социалистического государства — Союза Советских Социалистических Республик.

В первой мировой войне германский империализм потерпел поражение, но корни германского империализма не были уничтожены. После непродолжительной паузы, вызванной затруднениями внутреннего и международного порядка послевоенных лет, германский

империализм, воспользовавшись враждебным отношением международной реакции во главе с англо-американским империализмом к молодой Советской Республике, снова приступил к собиранию сил.

Как известно, Германия была одной из первых среди разви-

[стр. 166]

тых капиталистических государств, где наиболее остро проявилось наступление общего кризиса капитализма.

Военный крах империи и широкое распространение революционизирующего влияния Великого Октября, мощные выступления трудящихся масс Германии в ходе Ноябрьской революции и последующие революционные бои пролетариата, достигшие своего кульминационного развития в 1923 г., нанесли ощутимые удары по позициям германского монополистического капитала, который сумел, однако, устоять благодаря поддержке внутренней и международной империалистической реакции.

Правящие круги США и Англии оказали разнообразную помощь германскому монополистическому капиталу в деле воссоздания военно-промышленного потенциала страны, дали толчок к возрождению германского милитаризма, которому, согласно изначальному замыслу реакционных сил Вашингтона и Лондона, была придана антисоветская направленность.

Под влиянием империалистов США и Англии, с наступлением относительной стабилизации в 20-х годах, в правящих кругах Германии начинают постепенно созревать реваншистские планы. На практике это нашло свое отражение, в частности, в избрании президентом всего лишь через семь лет после поражения Германии одного из виновников развязывания первой мировой войны — фельдмаршала Гинденбурга.

Германский империализм стремился перейти к форсированной подготовке новой войны.

Крупные концерны Германии под видом рационализации производства добивались развития тех отраслей экономики, которые составляли основу военной промышленности. Монополии включались в активную борьбу за снятие ограничений, установленных Версальским мирным договором.

Империалистические державы Запада, исходя из своих антисоветских замыслов, поддерживали домогательства реакционных, милитаристских кругов Германии и дали согласие на пересмотр репараций, пошли навстречу сторонникам германской экспансии в части развития военной промышленности. Это позволило германским империалистам перейти к открытой подготовке страны к новой войне.

Однако в условиях возросшего сопротивления трудящихся масс под руководством КПГ в период мирового кризиса капитализма форсировать подготовку агрессии было сложно. И тогда монополистическая буржуазия решается на крайнюю меру — установление тоталитарного режима, способного подавить революционное движение рабочего класса, уничтожить буржуазно-демократические свободы, материально и духовно подготовить немецкий народ к будущей войне.

Так подлинные хозяева Германии — магнаты капитала, не видя иных путей для укрепления своей власти внутри страны и достижения мирового господства, избрали форму крайне ре-

[стр. 167]

акционной диктатуры. Это они — представители монополистического капитала Германии — привели к власти кровавую клику фашистов и, сегодня это доказано, опирались при этом на одобрение реакционных правительств США, Англии и Франции, жаждавших скорейшей войны между Германией и СССР.

Раскрытие классовой сущности и социальной направленности фашизма позволяет охарактеризовать его как террористическую диктатуру крайне реакционной и агрессивной

империалистической буржуазии, стремящейся любыми средствами сохранить и упрочить свое господство над обществом.

В. И. Ленин в 1913 г., еще задолго до появления понятия «фашизм», с гениальной прозорливостью отмечал, что монополистическая буржуазия способна пойти «на все дикости, зверства и преступления, чтобы отстоять гибнущее капиталистическое рабство» [1].

Ход событий в Германии подтвердил прозорливость и этого ленинского предсказания.

Оказавшись у власти, фашисты создали огромный террористический аппарат, с помощью которого были физически уничтожены или брошены в концентрационные лагеря, изолированы от общества все самые передовые, революционные и прогрессивные силы народа, дезорганизованы и запуганы широкие слои населения. Коммунистическая партия и другие прогрессивные организации рабочего класса оказались подавленными или загнанными в подполье, деятельность буржуазных партий демократического толка запрещена, парламент распущен, а его прогрессивные члены арестованы.

Путем социальной демагогии и различного рода политических махинаций фашистам удалось увлечь за собой мелкую буржуазию и значительную часть других слоев населения.

Для нашей темы важно подчеркнуть, что свои шовинистические, расистские взгляды и захватнические цели гитлеровцы заимствовали у пангерманистов. Их бредовые идеи о мировом господстве полностью совпадали. Может, разница была лишь в том, что гитлеровцы в пропаганде этих идей были еще более крикливыми и циничными.

Если в свое время пангерманисты, ведя психологическую подготовку населения кайзеровской Германии к войне, шумели о «засилье славян» и угрозе со стороны «варварской России», то гитлеровцы начали открытую подготовку к захватническим войнам под лозунгом борьбы с «мировым коммунизмом» и спасения Европы от угрозы «большевистских варваров».

В результате открытого попустительства империалистов США, Англии и Франции фашистской Германии удалось развязать вторую мировую войну. При этом, вопреки ожиданиям правящих кругов западных держав, первыми жертвами войны оказались страны Европы, а не СССР. В этом факте, в частности, со всей очевидностью обнаружилось, что «антикомму-

низм» являлся лишь ширмой, за которой германский империализм готовил войну. Подлинные цели фашизма заключались в другом — в захвате чужих территорий независимо от господствующего там строя и установлении своего мирового господства.

В захватнических планах гитлеровцев против Советского Союза значительное место отводилось установлению в Закавказье господства Германии.

Идейным вдохновителем политики фашистов в отношении Закавказья на новом этапе был Розенберг. Руководствуясь идейным наследием пангерманистов, старыми планами кайзеровской Германии, а также используя взгляды ряда представителей националистического эмигрантского отребья, Розенберг обосновал идею отторжения всего Кавказа от СССР и подчинения его влиянию Германии.

Важную роль в формировании захватнических устремлений германского фашизма на востоке сыграли также крупнейшие идеологи и проводники ближневосточной экспансии германского империализма времен первой мировой войны. Все они перешли на службу к гитлеровцам. Екк, Нидермайер, Гентинг, Оппенгейм, Леверкюн и некоторые другие, подвизаясь в разведывательных службах фашистской Германии, приложили немало усилий, чтобы убедить гитлеровскую верхушку в первостепенном значении восточного, и в частности кавказского, направления в борьбе Германии за мировое господство.

В осуществлении гитлеровских планов захвата Закавказья, как и следовало ожидать, участвовал и граф Шуленбург, который до нападения фашистов на Советский Союз являлся послом Германии в Москве, а после был прикомандирован к ведомству Риббентропа. Шуленбург был одним из тех, кто лучше других разбирался в старых империалистических

планах Германии в отношении Закавказья, хорошо изучил этот край, имел опыт работы там и к тому же лично знал почти всех эмигрантских главарей и мог поддерживать с ними контакты.

Поэтому не случайно министерство иностранных дел фашистской Германии именно Шуленбургу поручило руководство сборищем эмигрантов из Закавказья, проведенным в конце апреля 1942 г. в берлинской гостинице «Адлон». Участники сборища (фашисты именовали его «конференцией»), состоявшего в основном из агентов абвера и гестапо, должны были сформировать так называемые «национальные комитеты» и выработать план действий, направленных на оказание помощи фашистской Германии в захвате Закавказья.

Закавказье интересовало гитлеровцев прежде всего как источник сырья. Нефть, марганец, медь, уголь и другие природные богатства края необходимы были германской промышленности, работавшей на войну [2]. В официальных документах правительственных учреждений предусматривалось превращение Закав-

[стр. 169]

казья в колониальный придаток рейха. В своих многочисленных выступлениях, беседах, встречах с представителями деловых кругов фашистские главари сулили последним широкое поле деятельности в Закавказье. Они открыто заявляли, что после занятия этого края германскими войсками бакинский нефтеносный район будет объявлен немецкой собственностью [3].

Наряду с этим фашистские заправилы Германии рассматривали Закавказье в качестве важного плацдарма для распространения своего господства на Ближнем и Среднем Востоке[4]. «Интересы Германии,— заявлял Розенберг,— требуют, чтобы немцы завладели прочными позициями на Кавказе и тем самым связали континентальную Европу сухопутной дорогой с Ближним Востоком. Только кавказский мост обеспечит Германию и всю Европу тесной связью с источниками сырья на Ближнем и Среднем Востоке и избавит в будущем от опасностей морской блокады» [5].

3 января 1942 г. в беседе с японским послом в Германии Гитлер утверждал, что в кампании предстоящего года будет реализована важнейшая часть германского плана, включавшая в себя захват Закавказья и открытие пути на Ближний Восток [6].

Гитлеровская верхушка и командование вермахта торопились с захватом Закавказья, полагая, что это может повлиять на решение Турции вступить в войну на стороне Германии, а также ускорит выступления в Иране против Англии и Советского Союза[7]. Подобные настроения подогревались и донесениями посла фашистской Германии в Турции фон Папена. Так, еще 8 октября 1941 г. он, в частности, докладывал: «Из конфиденциальных разговоров с сотрудниками английского посольства следует, что британское правительство в 1942 г. меньше боится наступления на Египет, чем решительных наступательных действий немцев через Кавказ в сторону Персидского залива с целью захвата у англичан иранских и иракских нефтяных источников, что приведет, безусловно, к блокированию военных усилий Великобритании на Ближнем и Среднем Востоке» [8].

Не исключено, что доведение до немцев подобной информации было инспирировано службой «Форин Оффис» с целью, известной только английскому правительству. С уверенностью, однако, можно сказать лишь одно — эта информация достигла Берлина в то самое время, когда стало известно о провале плана «молниеносной войны» против СССР и когда после сокрушительного разгрома фашистских войск под Москвой принималось решение о наступлении вермахта в южном направлении.

В достижении своих целей в Закавказье гитлеровцы большие надежды возлагали на возбуждение националистических настроений среди народов края. В этом плане очевидна полная преемственность методов кайзеровской Германии периода пер-

[стр. 170]

вой мировой войны, в которых предусматривалось разжигание сепаратистского движения,

антирусских настроений, создание националистических воинских формирований из солдат-военнопленных, и приемов фашистского рейха.

Пожелтевшие планы времен первой мировой войны о создании Закавказской федерации под эгидой Германии также пошли в дело. Фашистским пропагандистским органам, в частности, предписывалось руководствоваться тем, что Закавказье после войны будет самостоятельным государством в форме федеративной республики. Но эта версия использовалась лишь в пропагандистских целях. На самом деле фашисты и не помышляли о предоставлении народам Закавказья самостоятельности. Еще до войны в беседе с Раушнингом, развивая свои бредовые идеи относительно судеб народов захваченных территорий, Гитлер говорил, что великой Германии будет подчинен «блок неравноправных народов», в том числе и Закавказья. Этот «блок» должен представлять собой своего рода «союз вспомогательных народов без армии, без собственной политики и экономики»[9].

В планах гитлеровского министерства по делам оккупированных на востоке областей было четко сформулировано, что Закавказье будет объявлено «рейхскомиссариатом» с центром в Тбилиси, что для многочисленных разноязычных народов Кавказа языком общения между собой станет немецкий язык и вообще управление краем будет осуществляться немецкими властями.

Но зловещим планам фашистов не суждено было осуществиться. В годы Великой Отечественной войны Советское государство не только устояло перед натиском фашистских полчищ, но и на голову разбило их и пришло на помощь другим народам Европы, в том числе и самому немецкому народу.

История в который раз вынесла германскому империализму безжалостный приговор. И нельзя не признать символичным, что один из двух солдат [10], водрузивших Знамя Победы над поверженным рейхстагом, был сыном Закавказья, того самого Закавказья, на территории которого фашисты собирались создать «вспомогательный союз народов без армии и без собственной политики».

В наше время, в условиях развернувшейся грандиозной битвы за мир и международную безопасность память о суровых уроках истории, полученных германским империализмом, является своего рода предупреждением для тех, кто хотел бы его реабилитировать.

[стр. 171]

ПРИМЕЧАНИЯ*

Введение

1 См. Заявление Советского правительства относительно попыток реакционных кругов ФРГ подорвать достигнутые успехи в развитии советско-западногерманских взаимоотношений.— «Известия», 22.V.1976.

2 См.: В. И. Ленин. Тетради по империализму.— Полное собрание сочинений. Т. 28, с. 769—804.

3 Там же, с. 6, 12, 201, 220, 227, 489, 524, 529, 544, 644, 651, 652, 668, 689, 700.

4 А. С. Ерусалимский. Германский империализм: история и современность (исследования, публицистика). М., 1964, с. 22.

5 См.: A. Rillaler. Kaiser Wilhelm. Herrscher in einer Zeitwende. Köln, 1958; G. Ritter. Lebendige Vergangenheit. Beiträge zur historisch-politischen Selbstbesinnung. München, 1958, c 140; F. Haselmayr. Diplomatische Geschichte von 1871—1918. Die Ära des Fridenskanzlers (1871—1890). Bd II. München, 1956; A. Grosser. Deutschlandbilanz. Geschichte Deutschlands seit 1945. München, 1970; U. Scheuner. Die nachkoloniale Epoche. Politische Probleme in den Entwicklungsländern Asiens und Afrikas.— «Außenpolitik und Zeitgeschichte». München, 1960, № 10, 1,1; H. A.

Jacobson. Mißtrauische Nachbarn. Deutsche Ostpolitik 1919/1970. Dokumentation und Analyse. Düsseldorf, 1970; 100 Jahre deutsche Geschichte. Hannover, Niedersachsischen Zentrale für Poltiche Bildung, 1971; S. Haffner. Die sieben Todsünden des Deutschen Reiches. Grundfehler deutscher Politik nach Bismark-damals und auch heute. Hamburg, 1965; F. Krummacher, H. J a n g e. Krieg und Frieden. Von Brest-Litowsk zum Unternehmen Barbarossa. München, 1970.

6 См.: Г. В. Пипия. Политика Германии в Закавказье в 1918 году. Тб., 1971.

7 M. Lashauri. Current Soviet interpretations of XIX—XX. Georgian History «Caucasion Review» NI. L., 1956; G. von Rauch. Geschichte des Bolschewistischen Russland. Wiesbaden, 1955; F. Kazemzadeh. The struggle for Transkaucasia 1917—1921. N. Y., 1951; R. Piepes. The Formation of the Soviet Union. Communismus and nationalismus 1917—1923. Massachusetts, 1954; D. M. L a n g. A modern History of Georgia. L., 1962.

8 Борьба за победу Советской власти в Грузии. Документы и материалы (1917—1921 гг.). Тб., 1958; Великий Октябрь и борьба за Советскую власть в Азербайджане. Баку, 1958; Борьба за победу Советской власти в Азербайджане. 1918 — 1920. Документы и материалы. Баку, 1967; Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти в Армении. Ер., 1957; Германские оккупанты в Грузии в 1918 г. Тб., 1942; Документы и материалы о внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919.

9 Э. Людендорф. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. Т. II. М., 1924; J. Pomiankowsky. Der Zusammenbruch des Ottomanischer Reiches. Wien, 1928; F. Kress von Kressenstein. Mit den Türken zum Suez-

---

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса даны по изд. 2 Сочинений, а В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

kanal. B., 1938; З. Авалишвили. Независимость Грузии в международной политике 1918—1921 гг. Пер. на груз. и предисл. Ш. Элиавы. Тифлис, 1925.

10 См. К. Маркс. Падение Карса.— К. Маркс, Ф. Энгельс.— Т. XI, с. 633—667; В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Т. 27, с. 299—426; Тетради по империализму. — Т. 28, с. 1—740; Социализм и война.— Т. 26, с. 307—350; Империализм и раскол социализма.— Т. 30,. с. 163—179; О праве наций на самоопределение. Т. 25, с. 255—320.

11 См. работы В. И. Ленина: Развитие капитализма в России.— Т. 3; III съезд РСДРП, 12—27 апреля (25 апреля—10 мая) 1905 г.—Т. 10, с. 89—90, 190—192; Развязка партийного кризиса. Т. 21, с. 6—7; VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП, 5—17 (18—20) января 1912 г. — Т. 21, с. 146—147; Переселенческий вопрос.— Т. 21, с. 325—336; Итоги полугодовой работы.— Т. 21, с. 433, 437; К современному положению в РСДРП.— Т. 21, с. 454; Материалы к VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП.— Т. 21, с. 486—487.

12 Следует подчеркнуть, что учеными республик Закавказья проделана большая научная и политически важная работа по глубокому изучению и обобщению богатейших материалов о роли В. И. Ленина в судьбах народов Азербайджана, Армении и Грузии, о значении, которое вождь мирового пролетариата придавал революционно-освободительной борьбе этих народов, и неослабной помощи, которую он им оказывал. Среди работ на эту тему выделяются: П. А. Азизбекова. В. И. Ленин — друг народов Востока. Сборник документов и материалов 1917—1924 гг. Баку. 1967; она же. В. И. Ленин и Советский Азербайджан. Летопись 1917—1924. Баку, 1970; она же. В. И. Ленин и социалистические преобразования в Азербайджане (1920—1923). М., 1962; Г. Б. Гарибджанян. В. И. Ленин к освобождение народов Закавказья. Ер., 1960; он же. В. И. Ленин и большевистские организации Закавказья. Ер., 1967; он же. Ленин и Закавказье. Т. I—П. Ер., 1973; Г. К. Жвания. В. И. Ленин, ЦК партии и большевики Закавказья. Тб., 1969; З. И. Ибрагимов. В. И. Ленин и победа социалистической революции в Азербайджане. Баку. 1970; В. Г. Эсаиашвили. В. И. Ленин и большевистские организации Грузии (1895—1924 гг.). Тб., 1959; он же. Ленин и Грузия. Тб., 1970.

13 См. работы В. И. Ленина: Очередные задачи Советской власти. — Т. 36, с. 188; Доклад об очередных задачах Советской власти.— Т. 36, с. 242— 243; Доклад о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918 г.— Т. 36, с. 338—340; Обращение к Красной Армии.— Т. 38, с. 234; Речь на Конференции железнодорожников Московского узла 16 апреля 1919 г.— Т. 38, с. 314; О работе для транспорта.— Т. 40, с. 230; Речь на 2-м Всероссийском совещании ответственных организаторов по работе в деревне 12 июня 1920 г.— Т. 41, с. 146—147; Московская губернская конференция РКМ(б).— Т. 42, с. 25; Речь на заседании Пленума Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов, с. 356—357 и др.

14 См.: Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи. Т. I. М., 1956; С. М. Киров. Избранные статьи и речи. Т. I. М., 1939; С. Г. Шаумян. Избранные произведения. Т. I. М, 1957; П. А. Джапаридзе. Избранное, статьи, речи и письма. М., 1958; Н. Нариманов. Статьи и письма. М., 1925; М. Цхакая. Грузия и Армения под пятой империалистов. Тифлис, 1925; Ф. Махарадзе. Советы и борьба за Советскую власть в Грузии. Тифлис, 1928.

15 Е. В. Тарле. Европа в эпоху империализма. Т. V. М., 1958; В. М. Хвостов. История дипломатии. Т. II. М., 1963; А. С. Ерусалимский. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М., 1948; а также названная выше работа: А. С. Ерусалимский. Германский империализм: история и современность; Ф. И. Н о т о в и ч. Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. М., 1947; Е. Варга. Исторические корни особенностей германского империализма. М., 1946; Ф. А. Ротштейн. Международные отношения в конце XIX века. М.—Л.,. 1960; С. Д. Сказкин. Конец австро-русско-германского союза. Т. I, 1879— 1884. М., 1928; Германская история в новое и новейшее время. Т. I, II. М., 1970; Германский империализм и милитаризм. М., 1965.

[стр. 173]

16 А. Ф. Миллер. Турция под гнетом германского империализма в годы первой мировой войны. — «Исторический журнал». Кн. 12, 1942; Г. Л. Бондаревский. Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток (1888—1903 гг.). Таш., 1955; А. С. Аветян. Германский империализм на Ближнем Востоке. Колониальная политика германского империализма и миссия Лимана фон Сандерса. М., 1966; А. С. Силин. Экспансия Германии на Ближнем Востоке в конце XIX века. М., 1971.

17 См.: Победа Советской власти в Закавказье. Тб., 1971, с. 280—360; А. С. Сумбатзаде. Социально-экономические предпосылки победы Советской власти в Азербайджане. М., 1972; Г. В. Хачапуридзе. Борьба грузинского народа за установление Советской власти. Тб., 1958; А. Н. Сургуладзе. Борьба за победу социалистической революции в Закавказье (1918— 1921 гг.). Тб., 1957; З. И. Ибрагимов. Борьба трудящихся Азербайджана за победу социалистической революции. Баку, 1957; И. А. Гусейнов. Великий Октябрь в Азербайджане.— 40-летие Азербайджанской ССР. Баку, 1960; И. П. Агаян. Октябрьская революция и освобождение армянского народа. Ер., 1957; он же. Великий Октябрь и борьба трудящихся Армении за победу Советской власти. Ер., 1962; Г. А. Галоян. Борьба за Советскую власть в Армении. М, 1957; он же. Рабочее движение и национальный вопрос в Закавказье (1900—1922). Ер., 1969; А. М. Эльчибекян. Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти в Армении. Ер., 1957; он же. Армения накануне Великого Октября. Ер., 1963; Г. К. Жвания. Великий Октябрь и борьба большевиков Закавказья за Советскую власть. Тб., 1967; М. С. Искандеров. Из истории борьбы Коммунистической партии Азербайджана за победу Советской власти. Баку, 1958; Г. Б. Гарибджанян. Коммунистические организации в борьбе за победу Советской власти. Ер., 1957; С. Х. Карапетян. Коммунистическая партия в борьбе за победу Октябрьской революции в Армении. Баку, 1959; Г. Л. Гамбашидзе. Агрессивная политика Англии и США в отношении Грузии и Закавказья. Тб., 1964; В. А. Адамия. Из истории английской интервенции в Грузии (1918—1921 гг.). Сухуми, 1961.

18 А. Б. Кадишев. Интервенция и гражданская война в Закавказье. М., 1960.

19 А. Н. Сургуладзе. Борьба трудящихся Грузии против интервентов в 1918—1920 гг. Тб., 1957.

20 Е. Н. Корнштейн. Провал немецко-турецкой оккупации в Закавказье в 1918 году. Канд. дисс. Тб., 1952.

11 Е. А. Токаржевский. Бакинские большевики — организаторы борьбы против германо-турецких интервентов в Азербайджане в 1918 году. Баку, 1956; он же. Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане. Баку, 1957.

22 Ш. К. Чхетия. Германский империализм и Грузия. Тб., 1944.

23 Д. Е. Енукидзе. Разгром и изгнание интервентов из Закавказья. Канд. дисс. Тб., 1960.

24 Е. К. Саркисян. Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы первой мировой войны. Ер., 1962.

25 Г. А. Галоян. Социалистическая революция в Закавказье в освещении буржуазной историографии. М., 1960; он же. Против буржуазной фальсификации истории социалистической революции и коммунистического строительства в Закавказье. Ер., 1961.

26 J. Kuczynski. Studien zur Geschichte des deutschen Imperialismus. Bd I—II. B., 1952; A. Schreiner. Zur Geschichte der deutschen Aussenpolitik 1871—1945. Bd I. B., 1955; A. Norden. Lehren deutscher Geschichte. Zur politischen Rolle des Finanzkapitals und der Junker. B., 1947; L. Stern. Der Antikommunismus die politische Hauptdoktrin der imperialistischen westdeutschen Geschichtsschreibung und Publizistik. Theorie und Praxis der deutschen Imperialismus. Halle, 1963; H. Bartel. Die Reichseinigung 1871 in Deutschland—ihre Geschichte und ihre Folgen.— ZFG. H. 1—2, 1969, c 158; L. Rathmann. Berlin — Bagdad. Die imperialistische Nahostpolitik des Kaiserlichen

[стр. 174]

Deutschlands. B., 1962; он же. Stoßrichtung nach Ost 1914—1918. Zur Expansionspolitik des deutschen Imperialismus im ersten Weltkrieg. B., 1963.

27 F. Fischer. Krieg der Illusionen. Die deutsche Politik von 1911 bis 1914. Düsseldorf, 1969.

28 F r.Fischer. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914—1918. Düsseldorf, 1962; он же. Weltmacht oder Niedergang. Deutschland im ersten Weltkrieg. Frankfurt am Main, 1965. Об этих работах Ф. Фишера см.: В. И. С а л о в. Современная западногерманская буржуазная историография. Некоторые проблемы новейшей истории. М., 1968, с. 263—267, а также К. Д. Петряев. Мифы и действительность в «критическом пересмотре» прошлого. Очерки буржуазной историографии ФРГ Киев, 1969, с. 228—236.

29 P. Kenez. Civil War in South Russia, 1918. The First Year of the Volunteer Army. Los Angeles, 1971. P. von zur Mühler. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg. Düsseldorf, 1971. Ronald Grigor Suny. The Baku communs 1917—1918. Class and nationality in the Russian revolution. Princeton, Newjersey, 1972. R. G. Hovanisian. The republik of Armenia 1918—19 Berkeley, 1972; L. F. N. B r a d 1 y. Civil war in Russia 1917—20 L 1974 Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. T. I. Wien, 1975.

Глава I

1 Ф. Энгельс. Роль насилия в истории,— Т. 21, с. 425.

2 В. И. Ленин. Война и революция.— Т. 32, с. 84.

3 Ф. Энгельс. Роль насилия в истории. Т. 21, с. 441.

4 Там же, с. 431—432.

5 Если верить иным западногерманским авторам, то лидерство милитаристской Пруссии в деле объединения Германии полностью отвечало складу немецкого характера. Так, например, известный в Бонне как «независимый публицист» В. Бакхауз в своей работе «Безумны ли немцы?», исследуя психологию немецкого народа «на разных этапах истории Германии», пришел к выводу, что для немцев характерна «архаичность». Они, по его мнению, живут в

«застенках ирреальной монархии», которую их жизненная схема всегда связывала с кайзеровской, королевской, княжеской или церковной иерархией. Поэтому-де немцы предпочитают «авторитарную власть, порядок и твердую политику», которые, как утверждает Бакхауз, были не только неизбежными в истории Германии, но и благотворными для немецкой нации.

Распространяться о действительном значении подобных выводов или доказывать, что они меньше всего подходят для правильного понимания истории Германии, нет надобности.

См.: W. Backhaus. Sind die Deutschen verrückt? Ein Psychogramm der Nation und ihrer Katastrophen. B., 1968.

6 См.: А. Дебидур. Дипломатическая история Европы. Т. 2. М. 1947, с. 412—415.

7 См.: История дипломатии. Под редакцией академика В. П. Потемкина М., 1945, с. 9—11.

8 См. там же, с. 2—3.

9 См.: А. Дебидур. Дипломатическая история Европы. Т. 2, с. 420— 424.

10 См.: К. Маркс. Внешняя политика русского царизма.— Т. 22, с. 44—45.

11 См.: А. С. Ерусалимский. Внешняя политика и дипломатия Германского империализма в конце XIX века. М., 1948, с. 706—707.

12 См.: А. С. Ерусалимский. Германский империализм..., с. 27—28, 30—31, 71—74.

13 Ф. Энгельс. Роль насилия в истории.— Т. 21, с. 450—451.

14 См.: В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Т. 27, с. 310; Тетради по империализму. Т. 28, с. 126—132.

15 Там же, с. 310—314, 317—318.

[стр. 175]

16 См.: В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Т. 27, с. 320—325, 385—396.

17 Там же, с. 375.

18 К. Маркс. Критика готской программы.— Т. 19, с. 28.

19 От империалистических планов создания «Срединной Европы» берет свое начало политика реакционных империалистических кругов ФРГ, направленная на расширение рамок «общего рынка» и достижение на его базе «политической интеграции».
Подробно об этом см.: Л. А. Леонтьев. В. И. Ленин и некоторые проблемы современного германского империализма. — Германский империализм и милитаризм. М., 1965, с. 29.

20 См.: А. С. Ерусалимский. Германский империализм..., с. 20—21.

21 Из числа этих путешественников и исследователей вышли многие известные востоковеды, к сожалению, отдельные из них снискали славу пропагандистов пангерманских идей. См.: А. С. Силин. Экспансия Германии на Ближнем Востоке в конце XIX века. М., 1971, с. 8—34; А. С. Аветян. Германский империализм на Ближнем Востоке. М., 1966, с. 12.

22 См.: Th. Menzel. Das Korps der Janitscharen. Beitrage zur Kenntnis des Orients. Jahrbuch der Münchener Orientalischen Gesellschaft. München, 1903.

23 Мольтке Гельмут фон Карл Бернард (1800—1891) известен как один из главных идеологов прусского юнкерства и военных теоретиков Германии второй половины XIX в. О своем пребывании в Турции написал две книги: Briefe über Zustände in der Türkei (1841) и Der russisch-türkische feldzug in der europäischen Türkei (1845).
О стратегии Мольтке см.: Ф. Энгельс. Предисловие ко второму изданию «Крестьянской войны в Германии».— К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. 16, с. 417.

24 См.: В. Минаев. Подрывная деятельность германского фашизма на Ближнем Востоке. М.,

1942, с. 6.

25 Хотя влияние Англии и Франции в Оттоманской империи было огромным, правящие круги последней, и прежде всего окружение султана, считали институты английской парламентарной монархии чрезвычайно радикальными. Что касается республиканской системы Франции, то она казалась им просто противоестественной.
В этой связи представляют интерес замечания американского писателя Германа Кана, сделанные им в одной из своих последних работ — «Возникновение японского сверхгосударства. Вызов и ответ на него». Говоря об отношении ко всему немецкому в Японии в последней трети XIX в., он, в частности, пишет: «Как известно, японцы посылали своих эмиссаров изучать Запад и заимствовать все лучшее. Они начали с заимствования французской военной системы (которая обладала ореолом французских революционных и наполеоновских войн), британского военно-морского флота, формы английской парламентарной системы (но без ее содержания), частично американской системы образования (это говорит о том, что даже японцы могут ошибаться) и т. д. Когда Пруссия разбила Францию в 1870 г., японцы, намеренные только побеждать, быстро переключились с французской военной системы на прусскую, однако следует отметить, что они к тому времени уже усвоили многие основные идеи. Нацией, которая в тот период производила на них наибольшее впечатление, была Германия».
Эти слова Кана в полной мере можно отнести и к другим странам Востока, и прежде всего к Турции.
См.: The emerging Japanese Superstate, Chalenge and responce. By Herman Kahn. Englewood Gliffs. N. Y., 1971, c 33.

26 См.: А С. Ерусалимский. Внешняя политика и дипломатия..., с. 614—618.

27 См.: А. С. Аветян. Германский империализм на Ближнем Востоке. М., 1966, с. 14—15. А также: А. С. Силин. Экспансия Германии на Ближнем Востоке в конце XIX века. М., 1971, с. 35—86.

28 Подробно об этом см.: Г. Л. Бондаревский. Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток (1883—1903).

[стр. 176]

Таш., 1955; И. И. Астафьев. Русско-германские дипломатические отношения 1905—1911 гг. М., 1972, с. 63—82.

29 См.: H. Grothe. Deutschland, die Türkei und der Islam. Leipzig, 1914, c 14.

30 См.: К. Wiedenfe1d. Die deutsch-türkische Wirtschaftsbeziehungen und ihre Entwiklungsmöglichkeiten. München — Leipzig, 1915, c 12—31.

31 См.: А. С. Силин. Фон дер Гольц и его военная миссия в Турции. — Германский империализм и милитаризм. М., 1965, с. 64—91.

32 См.: А. С. Аветян. Германский империализм на Востоке, с. 54—66.

33 См.: А. С. Ерусалимский. Внешняя политика и дипломатия..., с. 610—612.

34 См.: И. И. Астафьев. Русско-германские дипломатические отношения 1905—1911 гг., с. 119, 170—185.

35 См.: В. И. Ленин. Развитие капитализма в России.— Т. 3, с. 593—595.

36 Железнодорожная линия Поти—Тбилиси была построена в 1871 г. В 1877 г. проведена ветка между Риони и Кутаиси. В 1887 г. угольное месторождение Ткибули соединяется железной дорогой с г. Кутаиси. Наиболее важное значение имело завершение в 1883 г. строительства железной дороги Баку—Батуми. К 1902 г. протяженность железных дорог в Закавказье достигла 1400 км.

См.: М. В. Церцвадзе. Революционное движение в Грузии в 1914— 1917 гг. Тбилиси, 1957, с. 14.

37 И. В. Сталин. Собрание сочинений.— Т. 6, с. 73.

38 Данные приводятся по: П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. II. М., 1952, с. 563.

39 См. там же, с. 564.

40 См. Статистический обзор развития народного хозяйства России (сост. Б. В. Авилов). Приложение к энциклопедическому словарю под ред. проф. Ю. С. Гамбарова, В. В. Железнова и др. Т. 36. Ч. IV, с. 658—659.

41 См. Кавказский календарь на 1915 г. Отдел статистический. Тифлис, 1914, с. 355.

42 См. там же.

43 М. Брукс. Нефть и внешняя политика. М., 1949, с. 29.

44 См.: В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Т. 27, с. 367.

45 См. Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883—1914. Документы и материалы. М.—Л., 1961, с. 13.

46 См.: П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. II, с. 560.

47 См.: «Экономическая жизнь Кавказа». 1921, № 1, с. 21.

48 См.: П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. II, с. 561.

49 См.: А. Киквидзе. История Грузии XIX—XX вв. Тб., 1959, с. 46.

50 См.: Победа Советской власти в Закавказье. Тб., 1971, с. 21—22.

51 См. Кавказский календарь за 1914 г. Отдел статистический, с. 178—180.

52 См.: Победа Советской власти в Закавказье, с. 26—27.

53 К. Маркс. Падение Карса.— Т. 11, с. 637.

54 См. Центральный государственный архив Грузинской ССР (далее ЦГАГ), ф. 324, д. 1497, л. 3.

55 См.: Теодор Момзен. История Рима. М., 1941, с. 107, 109.

56 См. Центральный архив Германии в Потсдаме (далее ЦАГП), ф. I-ДР, док. 4393.

57 См. Статистический обзор развития народного хозяйства России... Т. 36, ч. IV, с. 658—659.

58 См.: К. Маркс. Падение Карса.—Т. 11, с. 639.

59 В. И. Ленин. Развитие капитализма в России.— Т. 3, с. 593—594.

60 См.: А. Я. Киквидзе. История Грузии XIX—XX вв. Ч. II. Тб., с. 136.

61 См.: История Коммунистической партии Советского Союза. Изд. 4. М., 1972, с. 12.

62 См.: А. Я. Киквидзе. История Грузии XIX—XX вв. Ч. II, с. 138.

[стр. 177]

63 См. Очерки истории Коммунистической партии Грузии. Тб., 1957, с. 9.

64 См.: История Азербайджана. Т. 2. Баку, 1960, с. 555—557.

65 См.: П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. II, с. 552—553.

66 См. Очерки истории Коммунистической партии Грузии..., с. 6—7.

67 В. И. Ленин. Сравнение столыпинской и народнической аграрной программы.— Т. 21, с. 330.

68 См. подробно об этом: А. Е. Ебралидзе. Борьба большевиков Грузии против буржуазного национализма (1903—1917 гг.). Тб., 1968, с. 16—18.

69 См. ЦГАГ, ф. 13, д. 475, л. 151.

70 См. об этом подробно: Победа Советской власти в Закавказье, с. 36—38.

71 См.: И. С. Гулишамбаров. Обзор фабрик и заводов Тифлисской губернии. 1888, с. 232. Цит. по: Очерки истории Коммунистической партии Грузии..., с. 15.

72 См. ЦГАГ, ф. 324, д. 1230.

73 См. там же, ф. 18, д. 1933, л. 38.

74 См. ЦАГП, ф. I-ДР, док. 4393.— Г. В. Пипия. Политика Германии в Закавказье, док. 33, с. 106.

75 См.: П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. II, с. 19—20.

76 В. И. Ленин. Проект и объяснение программы социал-демократической партии.— Т. 2, с. 98.

77 G. Radde. Vier Vorträge über den Kaukasus in Petermans Mitteilungen. Gotha, 1874, с 50.

73 См.: Werner von Simens. Kaukasusreisen. Zeulenroda, 1912.

79 См.: К. Heifferich. Georg von Siemens. Ein Lebensbild aus Deutschlands großer Zeit. B., Verlag von Julius Springer. 1921—1923, с 103—105.

80 См.: История Азербайджана, под ред. академиков И. А. Гуссейнова, А. С. Сумбатзаде и др. Т. II. Баку, 1960, с. 218—219.

81 См. Кавказский календарь на 1914 г. Тифлис, 1913, с. 348—350.

82 См.: Х. Бенеканштейн. Концерн Тиссена и его влияние на политику германского империализма по отношению к Грузии.— Труды ТГУ, Тб., 1971, с. 35—49.

83 См.: История Азербайджана. Т. II, с. 204.

84 См.: П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. II, с. 341.

85 См.: История Азербайджана. Т. II, с. 680—682.

85 См. Монополистический капитал в нефтяной промышленности России, 1883—1914 гг. Документы и материалы. М.— Л., 1961, с. 11.

87 См.: Л. Эвентов. Иностранный капитал в нефтяной промышленности России. 1874—1917 гг. М.— Л., 1925, с. 83.

88 ЦАГП, ф. I-ДР, док. 2476, л. 67.

89 См. ЦАГП, ф. I-ДР, док. 2094, л. 195—197.

90 ЦГАГ, ф. I, д. 134, л. 109.

91 См. там же, ф. I, д. 134, л. 109, а также ЦАГП, ф. I-ДР, док. 2094, л. 195—197.

92 См.: J. Hummel. Heimat-Büchlein. Der Deutschen in Transkawkasien. 1928. In Selbstverlag der Verfassung Aserbeidshan, с 39. Цит. по: Е. Н. Корнштейн. Провал немецко-турецкой оккупации в Закавказье в 1918 г., с. 30.

93 См. Монополистический капитал в нефтяной промышленности России, с. 13, 507—511, 700, 701.

94 См. Статистический ежегодник на 1914 год. СПб., 1914, с. 722, 723, а также Русский флот. Список судов к 1 января 1914 г. СПб., 1914, с. XI, XXI—XXV.

95 См. Обзор деятельности СНК Закавказья за 1923 г.— М. В. Церцвадзе. Революционное движение в Грузии в 1914—1917 годах, с. 18—19.

96 H. Grothe. Die asiatische Türkei und die deutschen Interessen. Halle. 1913, с 431.

97 См.: А. С. Силин. Экспансия Германии на Ближнем Востоке в конце XIX века. М., 1971, с. 8—34. См.: Х. Бенекенштейн. Концерн Тиссена и

его влияние на политику германского империализма по отношению к Грузии Тб., 1971, с. 37.

98 См.: С. М. Чхартишвили. Из истории революционного движения в Грузии 1914—1917 гг. Тб., 1957, с. 9.

99 Консульство Германии в Тифлисе было образовано еще в 1871 г., в 1900 г. оно было преобразовано в генеральное консульство, а в 1902 — снова в консульство. О консульской конвенции между Германией и Россией см.: Ф. Мартене. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. VIII. СПб.. 1888, с. 608—625.

100 См.: И. И. Астафьев. Русско-германские дипломатические отношения. 1905—1911 гг. М., 1972, с. 281—282.

101 См. Центральный государственный военно-исторический архив (далее — ЦГВИА). ф. 2000/с, оп. I, д. 991, л. 589.

102 См. ЦАГП, ф. I-ДР, док. 2618—18.— Политика Германии в Закавказье, док. № 12, с. 44.

103 См. Центральный исторический архив Грузинской ССР (далее — ЦИАГ), ф. 3, д. 165, л. 462.

104 Е. К. Саркисян. Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы первой мировой войны. Ер., 1962, с. 119—125.

105 Личность и судьба Шуленбурга представляет определенный интерес.

Шуленбург Фридрих Вернер — граф, выходец из старой немецкой аристократической семьи. Начал свою дипломатическую карьеру в 1901 г. в качестве чиновника германского МИДа. С 1903 по 1911 г. занимал ряд дипломатических должностей в Барселоне (Испания), Неаполе (Италия), Львове и Варшаве (Польша), где проявил себя как способный разведчик. В 1911 г. был назначен вице-консулом Германии в Тифлисе. После Брестского мира вновь возвратился в Закавказье в 1918 г. в качестве главы дипломатической миссии при командующем немецкими оккупационными войсками в Закавказье. В этот период наряду с разведывательной работой Шуленбург занимался организацией политических интриг. После поражения Германии в первой мировой войне вернулся в Берлин и некоторое время работал в центральном аппарате МИДа, а затем с 1919 г. занимал посты посла Германии сначала в Иране, потом в Румынии. В 1934 г. назначен Гитлером послом Германии в СССР и оставался на этой должности вплоть до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз.

Как родовитый прусский аристократ, Шуленбург высокомерно относился к Гитлеру и его окружению, считал их выскочками. Однако это не удержало его от вступления в нацистскую партию, так как, будучи убежденным пангерманистом, Шуленбург поддерживал внешнеполитическую линию фашистов, совпадавшую с его националистическими взглядами.

Фашистские заправилы знали об отношении Шуленбурга к ним, были осведомлены также о его монархических настроениях, но считали, что это не помешает им использовать последнего в своих целях.

Выбор Шуленбурга в качестве посла в СССР объясняется тем, что он являлся опытным разведчиком-дипломатом и хорошо знал нашу страну. Будучи послом Германии в СССР, Шуленбург снабжал свой МИД информацией, составленной во враждебном СССР духе. Вместе с тем Шуленбург подчеркивал, что Советский Союз является могучей державой, разбить которую Германия не в силах. В связи с этим после июня 1941 г. некоторое время находился в опале.

Зная хорошо военную, экономическую и политическую мощь СССР, Шуленбург проявлял тревогу за судьбу Германии. Но под впечатлением успехов немецко-фашистских войск в первый период войны он воспрянул духом и активно включился в антисоветскую работу в ведомстве Риббентропа. Затем, после поражения фашистских войск под Курском, которое подействовало на него отрезвляюще, Шуленбург решился высказать Риббентропу мнение о

необходимости сепаратных переговоров с Советским Союзом с целью заключения мира. Это стало известно фюреру, и Шуленбург снова попал в немилость.

Считая Гитлера и его окружение виновным в военном разгроме Германии,

[стр. 179]

Шуленбург примкнул к антигитлеровскому заговору, лидеры которого предложили Шуленбургу пост министра иностранных дел Германии. Как известно, участники заговора намеревались, установив связь с англо-американскими союзниками, спасти Германию от военного разгрома Советской Армией. Заговор был раскрыт, и в ноябре 1944 г. в числе других его участников был казнен граф Фридрих Шуленбург. Так закончилась жизнь одного из дипломатов и опытных разведчиков довоенного периода, верой и правдой служившего интересам германского империализма. По своим убеждениям Шуленбург до конца своих дней оставался врагом СССР.

106 ЦГАГ, ф. 102, д. 24, л. 1.

107 См. там же, ф. 2, д. 3167, л. 36, а также Politische Archiv. Bonn. Auswärtige Amt. Der Weltkrieg 11 d secr. Unternehmungen und Aufwiegelungen gegen unsere Feinde. Kaukasien. Bl. 1, 7, 9, 12.

108 Е. К. Саркисян. Экспансионистская политика Османской империи..., с. 123.

109 См.: История Азербайджана... Т. II, с. 748.

110 ЦГАГ, ф. 13, д. 1869, л. 78.

111 См.: Г. Г. Тевзадзе. Из истории революционного движения рабочего класса Грузии (1908—1917 гг.). Тб., 1964, с. 43—44.

112 См.: М. М. Габричидзе. Германские оккупанты в Грузии в 1918 г. Сборник документов и материалов. Тб., 1942, док. № 1, с. 35.

113 ЦГАОР ГрузССР, ф. 3с, д. 165, л. 462.

114 См.: Г. А. Дзидзария. Очерки истории борьбы за Советскую власть в Абхазии 1917—1918 гг. Сухуми, 1958, с. 12.

115 См. подробно об этом: Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов под ред. проф. М. Г. Нерсисяна. Ер., 1966.

116 См.: Б. Данциг. Турция. М., 1949, с. 29; Е. К. Саркисян. Экспансионистская политика Османской империи..., с. 27—41.

117 См.: А. Ф. Миллер. Буржуазная революция 1908 г. в Турции.— «Советское востоковедение». 1955, № 6.

118 См.: Г. З. Алиев. Турция в период правления младотурок (1908— 1918 гг.). М., 1972, с. 191 — 196.

119 См.: А. Дебидур. Дипломатическая история Европы. Т. II. М., 1947, с. 481.

120 См.: А. Дебидур. Дипломатическая история Европы. Т. II, с. 496, а также: Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878—1917 гг. Серия III. Т. I. М.—Л., 1931, док. № 210, с. 251—252.

121 А. С. Силин. Экспансия Германии на Ближнем Востоке в конце XIX века, с. 71—72.

122 См. Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов под ред. проф. М. Г. Нерсисяна, с. 19—133.

123 См.: А. С. Ерусалимский. Внешняя политика и дипломатия..., с. 237.

124 См.: Б. Данциг. Турция. М., 1949, с. 30.

125 См. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878—1917 гг. Серия III. Т. I. М.—Л., 1931, док. 210. с. 252.

126 См. ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000, д. 1017, л. 489—499.

127 См. Международные отношения в эпоху империализма. Документы..., Серия III. Т. I, с. 251—260.

128 См. Реформы в Армении. Сборник дипломатических документов Министерства иностранных дел. СПб., 1915, док. 73.

129 В связи с началом первой мировой войны султанское правительство отменило соглашение о реформах в том же, 1914 г.

130 Немецко-армянское общество было создано на базе существовавшего в Германии так называемого немецко-армянского комитета, который издавая газету, правда нерегулярно, под названием «Deutsch-Armenische Blätter». После преобразования комитета в общество газета стала называться «Deutsch-Armenische Echo». См. Международные отношения в эпоху империализма.

[стр. 180]

Документы из архивов царского и Временного правительств... Серия III. Т. I, док. 251, с. Э17.

131 К числу известных работ Лепсиуса относится «Deutschland und Armenien. 1914—1918. Sammlung Diplomatischen Aktenstücke. Herausgeben und eingeleitet von Dr. Johanes Lepsius». Potsdam. 1919.

132 См. Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Политархив, 1913. д. 3470, л. 41.

133 См. ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000/с, оп. 1, д. 973, л. 113—114.

134 См. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств 1878—1917 гг. Серия III. Т. II. М.—Л., 1933, док. 376, с. 489—490.

135 ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000/с, оп. 1, ед. хр. № 991, л. 576; см.: А. С. Аветян. Германский империализм на Ближнем Востоке, с. 45.

Глава II

1 Fr. Fischer. Krieg der Illusionen, с. 488.

2 См.: R. Augstein. «Deutschlands Fahne auf dem Bosporus» zu Fritz Fischers Buch «Krieg der Illusionen». «Der Spiegel». № 48, 1969, с 92.

3 См.: «Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914». Bd 3. B., 1927, с. 134—136, 162—163.

4 «Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914». Bd 3, с 182—184.

5 См. о германо-турецком договоре подробно: А. Ф. Миллер. Вступление Турции в первую мировую войну.— «Известия АН СССР. Серия истории и философии». 1946. Т. 3, № 4.

6 См. Международные отношения в эпоху империализма... Т. VI. Ч. 1, с. 44.

7 Цит. по: Б. Данциг. Турция, с. 46.

8 См.: «Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914». Bd 4. B., 1927. с. 9.

9 См.: Fr. Fischer. Griff nach der Weltmacht, Düsseldorf. [Б. м.], 1961, с. 133—140.

10 См.: «Die deutsche Dokumente zum Kriegsausbruch 1914». Bd 4, с 63.

11 Это обещание германского правительства (оно содержалось в письме Вангенгейма Сайду Халиму от 6 августа 1914 г. См.: С. Mühlmann. Deutschland und die Türkei 1913—1914, с. 97) являлось наглядным примером лицемерия германской дипломатии. Так, 9 сентября 1914 г., когда турецкое правительство приняло решение об отмене капитуляционного режима, германские империалисты быстро нашли общий язык со своими врагами — странами Антанты. В разгар только что начавшейся войны они выступили заодно с нотой протеста против отмены капитуляционного режима, забыв об обещании, данном союзнику ровно месяц

тому назад (см. Международные отношения в эпоху империализма... Т. VI. Ч. 1, с. 234, примеч. 4).

12 См.: Шверинский (ГДР) областной архив, ф. 23, л. 437—440.

13 См.: C. Mühlmann. Deutschland und Türkei 1913—1914, c. 97.

14 См. ЦГВИА, ГУГШ, ф. 2000, оп. I, ед. хр. 3850, л. 85.

15 См. там же, л. 121, 308.

16 См.: C. Mühlmann. Deutschland und die Türkei 1913—1914, c. 70—74.

17 См.: Международные отношения в эпоху империализма... Т. VI, ч. 1, с. 303.

18 См.: Der Krieg zum See 1914—1918. Der Krieg in den türkischen Gewässern. Die Mittelmeer-Division. Heraus, vom Marine-Archiv. B., 1929, c. 45.

19 Цит. по: Б. Данциг. Турция, с. 46.

20 См. подробно: Н. Г. Корсун. Первая мировая война на Кавказском фронте. М., 1946, с. 3211.

21 См. ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 424, л. 175.

22 См.: Д. В. Вержховский, В. Ф. Ляхов. Первая мировая война 1914—1918 гг. М., 1964, с. 82—84.

23 См.: М. Э. Айрапетян, П. Ф. Кабанов. Первая мировая империалистическая война 1914—1918 гг. М., 1964, с. 51—54.

[стр. 181]

24 См. ЦГИА ГрузССР, ф. 2, оп. 1, д. 3599, л. 24; д. 3187, л. 20—21.

25 См. Раздел Азиатской Турции. Сборник документов бывшего министерства иностранных дел. Под ред. Е. А. Адамова. М., 1924, с. 76.

26 См.: Д. В. Вержховский, В. Ф. Ляхов. Первая мировая война 1914—1918 гг., М., 1964, с. 150—152.

27 См. «Новый Восток». М., 1928, № 23—24, с. 248—250.

28 См. Раздел Азиатской Турции..., с. 80—82.

29 См.: Отто Ф. М озер. Краткий стратегический обзор мировой войны 1914—1918 годов. М., 1923, с. 6.

30 См.: В. И. Ленин. Открытое письмо Борису Суварину.— Т. 30, с. 265.

31 Там же.

32 См.: П. А. Джапаридзе. Избранные статьи, речи и письма. М., 1958, с. 138—139.

33 См. ЦГИА ГрузССР, ф. 7, д. 3118, л. 9.

34 См. подробно об этом: Победа Советской власти в Закавказье, с. 54—55.

35 Там же, с. 61.

36 См.: История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1972, с. 71.

37 См.: С. Г. Шаумян. Избранные произведения. Т. I. М., 1957, с. 447.

38 См. ЦАГП, ф. I-ДР, док. 5175.

39 См. ЦГИА ГрузССР, ф. 2с, д. 3187, л. 18.

40 ЦГА ГрузССР, ф. 102, оп. 1917, д. № 110, л. 68.

41 См. об этом подробно: А. Е. Эбралидзе. Борьба большевиков Грузии против буржуазного национализма (1909—1917), с. 38.

42 ЦГИА ГрузССР, ф. 102, оп. 1914, д. 5, л. 15.

43 ЦАГП, ф. I-ДР, док. 6472.

44 Politische Archiv. Bonn, Auswärtiges Amt. Der Weltkrieg. Unternehmungen und Aufwiegelungen gegen unsere Feinde. Bd 11. Bl. 63. Kaukasien, 1914.

45 Там же. Bl. 35—36, 108—109. U. a. Mühlmann C. Das deutsch-türkische Waffenbündnis im Weltkrieg. Leipzig, 1940, с 20—21.

46 Politisches Archiv Bonn... Bd 11, Bl. 14.

47 Там же, Bl. 46.

48 Там же, Bl. 35—36, 108—109.

49 Там же, Bl. 44, 63.

50 Там же, Bl. 78—85.

51 Там же, B1. 124, Bd 12, Bl. 82.

52 Там же, B1. 124.

53 Там же, B1. 128.

54 Там же, B1. 124. Этот эшелон так и не дошел до Константинополя, он застрял где-то в Румынии.

55 Там же.

56 Там же, Bd 2, Bl. 129, Bd 3, Bl. 12.

57 Там же, Bd 1, Bl. 60—68.

58 Там же, Bd 2, Bl. 76, 108.

59 Там же, Bd 2, Bl. 129, Bd 3, Bl 12

60 Там же, Bd 6, Bl. 127—130.

61 ЦГАП, ф. I-А-519, оп. 3, д. 18, л. 42.

62 Deutschland und Armenien 1914—1918. Sammlung Diplomatischen Aktenstücke. Herausgeben und eingeleitet von Dr. Johanes Lepsius. Potsdam 1919, с 83—84.

63 См.: J. Pomiankowski. Der Zusammenbruck des Ottomanischen Reiches. Erinnerungen an die Türkei aus der Zeit des Weltkrieges. Zürich/Leipzig/Wien 1928, с 162.

64 См.: Е. В. Тарле. Европа в эпоху империализма. 1871—1919 гг. М.— Л., 1928, с. 387.

65 Воинские соединения, в которых служили армяне, особо отличились в боях против Дарданелльского десанта войск Антанты и на Месопотамском фронте.

66 Раздел Азиатской Турции..., с. 160—165.

[стр. 182]

67 Геноцид армян в Османской империи..., док. 219, с. 420.

66 См.: F. Kandemir. Yaku Tarihimiz. D. 1. İstanbul, 1962, с. 81.

69 Под «виновными» священник подразумевает армян, обвинявшихся турками в лояльности к России.

70 Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien. XII, 404 PA. Türkei, XLVII/4, fol. 17—19. По ст.: Ernst Werner, Die Armenien greuel 1915/1916 — ein armenisches Greuelmärchen? ZFGG. 1973, H. 2, с 222—223.

71 Геноцид армян в Оттоманской империи..., док. № 219, с. 418.

72 См. подробно об этом: Победа Советской власти в Закавказье, с. 41—42.

73 J. Gutmann. The Begings of Genocide. N. Y., 1948, с. 18. Цит. по кн.: Геноцид армян в

Османской империи..., с. XII.

74 См.: Ernst Werner. Die Armeniergreuel 1915/1916 — ein armenisches Greuelmärchen? 1973, H. 2, с 218—225.

74а Bonn, A. A., Der Weltkrieg, № 11. d. sekr. Bd 4, Wangengeim Bericht 126 an Betmann Holweg.

74б Там же, Präsentationsvermerk der Auswertiges Amtes.

75 Deutschland und Armenien 1914—1918..., с XXXVIII.

76 Там же, с. 80.

77 Там же, с. 134—135.

78 Там же, с. 94.

75 См. подробно об этом: A. Toynbee. Nationality and the War. L., 1915, с 115.

80 Цит. по кн.: J. Markwart. Die Entstehung und Wieder — Herstellung der Armenischen Nation. B., 1919, с. 53.

81 См. Сборник документов мировой империалистической войны (1914 — 1917 гг). Наступление Юго-Западного фронта в мае—июне 1916 года, с. 46.

82 См. ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1150, л. 38.

83 См. ЦГВИА, ф. 2000/с, оп. 1, д. 824, л. 367—368.

64 См.: «Кавказская речь» 2.IV.1916, «Сахалхо пурцели» 27.III.1916.

85 См. Раздел Азиатской Турции..., с. 80—81.

86 См. там же, док. № 111, с. 152.

87 См. там же, док. № 71.

88 Там же, док. № 124, с. 153.

89 Там же, док. № 829.

90 См. там же, док. № 948, с. 154—157.

91 См. там же, док. № 205, с. 163—164.

92 См. там же, док. № 205, с. 172—175.

93 См. там же, док. № 280/б, с. 185—186.

Глава III

1 См. подробно об этом: Е. К. Саркисян. Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы первой мировой войны, с. 298—315.

2 См.: Г. З. Алиев. Турция в период правления младотурок, с. 296—298.

3 См. «Танамедрове азри», 5.III.1917.

4 См. «Кавказское слово», 5.III.1917.

5 ЦГВИА, ф. 2294, оп. 1, д. 34, л. 221.

6 См.: Победа Советской власти в Закавказье, с. 86.

7 См.: Борьба за победу Советской власти в Грузии. Сборник документов и материалов. Тб., 1958, с. 8, 80.

8 См. «Кавказское слово» № 80, 1917.

9 См. ЦГИА ГрузССР, ф. 723, д. 537, л. 4, 26, 38.

10 Цит. по: Г. З. Алиев. Турция в период правления младотурок, с. 304.

11 Отто фон М озер. Краткий стратегический обзор мировой войны 1914—1918 годов. М., 1923, с. 112.

12 Там же, с. 113.

13 См. Документы внешней политики СССР. Т. I. М., 1957, с. 15.

14 См. «Бакинский рабочий», 1 (14).XI.1917.

[стр. 183]

15 См.: Борьба за победу Советской власти в Грузии. Документы и материалы (1917—1921 гг.). Тб., 1958, с. 123—124.

16 См.: Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти в Армении. Сборник документов. Ер., 1957, с. 111—112.

17 См.: Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы. 1917—.1918 гг. Баку, 1957, с. 203—204. 18 См. «Известия Бакинского Совета», 5(17).V.1917.

19 См.: И. В. С т а л и и. Сочинения. Т. 4, с. 60.

20 См. подробно об этом: Г. Гамбешидзе. Из истории политики США в отношении Грузии. 1917—1920 гг. Тб., 1960, с. 10—11.

21 См. ЦГИА ГрузССР, ф. 41, д. 141, л. 12—13.

22 См. подробно об этом: История международных отношений и внешней политики СССР. Т. I, 1917—1939 гг. М., 1967, с. 34—50.

23 См. Шверинский областной архив. Meklenburg-Schwerinische Gesandtschaft in Berlin, № 23. Bl. 349—351.

24 История Коммунистической партии Советского Союза, с. 242.

25 Отто фон Мозер. Краткий стратегический обзор мировой войны, с. 19.

26 ЦГАОР, ф. 9, л. 193, л. 6. Мей, о котором идет речь в документе, являлся офицером связи генштаба, т. е. сотрудником военной разведки. На Кавказе до мая 1918 г. находился под видом гражданского лица.

27 ЦАГП, ф. I-А-519, оп. 3, д. 18, с. 41.

28 Там же, с. 42.

29 Там же, д. 19, с. 43.

30 См. там же.

31 См. Шверинский областной архив. Meklenburg-Schwerinisches Ministerium der Auswertigen Angelegenheit. «Die Mitteilung politischer Berichte aus dem Auswertigen Amte des Deutschen Reichs bzw vom Herrn Reichskanzler». Bd 4. Bl. 1920.

32 ЦАГП, ф. I-ДР, док. 1018.

33 См. там же, док. 2895-18, 3142-18, 3199-18.

34 См. там же, ф. I-А, док. 3450, ф. I-ДР, док. 3430.

35 См. там же, ф. I-ДК, док. 4948.

36 См.: История международных отношений и внешней политики СССР. Т. I. 1917—1939 гг., с. 41.

37 См. Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузин, док. 34, с. 52.

38 См. там же, с. 53.

39 Борьба за победу Советской власти в Грузии. Документы и материалы (1917—1921 гг.), с.

267.

40 См. Шверинский областной архив, ф. 23, л. 437—440.— Политика Германии в Закавказье, док. № 49, с. 131.

41 См. ЦАГП, ф. I-ДР, док. 5620.

42 З. Авалишвили. Независимость Грузии в международной политике (1918—1921 гг.). Париж, 1924, с. 60.

43 Там же, с. 3—5.

44 Ш. К. Чхетия. Германский империализм и Грузия. Тб., 1944, с. 138. 45 З. Авалишвили. Независимость Грузии в международной политике, с. 81—82.

46 ЦГАОР, ф. 9, д. 11, л. 67.

47 З. Авалишвили. Независимость Грузии в международной политике, с. 90—91.

48 См. ЦГАОР, ф. 13, д. 16, л. 6.

49 ЦАГП, ф. I-А-519, оп. 3, д. 18, с. 43.

50 См. ЦАГП, ф. I-ДР, док. 9439, 6170, 5871, 7552, 9707/18, 3142 51 ЦАГП, ф. I-А-519, оп. 3, д. 18, с. 43.

52 Германские оккупанты в Грузии в 1918 году..., с. 75.

53 См.: «Борьба» № 96, 1918 г.

54 В. И. Ленин. Речь на объединенном заседании ВЦИК, Московского

[стр. 184]

Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы 29 июля 1918 г.— Т. 37, с. 6—7.

55 ЦАГП, ф. I-ДР, док. 3040-18.— Политика Германии в Закавказье. Док. № 38, с. 114.

56 ЦАГП, ф. I-ДР, док. 5620.

57 Как политическое течение существовало с 1913 г. Организационно оформились в 1917 г., отражали интересы грузинской буржуазии, формально стояли в оппозиции к правящей меньшевистской партии, выступали за власть буржуазии, ориентировавшейся на союз с западным капиталом.

58 Шверинский областной архив. Meklenburg-Schwerinische Gesandschaft in Berlin. № 2, 23. Bl. 432.

59 ЦАГП, ф. I-ДР, док. 5620.

Глава IV

1 См. ЦАГП, ф. I-А-501, оп. 3, д. 348, с. 189.

2 См.: З. Авалишвили. Независимость Грузии..., с. 103.

3 См. ЦАГП, ф. I-ДР, док. 8641. В кн.: Политика Германии в Закавказье, док. № 79, с. 207.

4 См. там же, док. 3134.

5 См.: Г. Хундадзе. Советская власть и грузинское посольство в России. Тифлис, 1925, с. 9.

6 См.: З. Авалишвили. Независимость Грузии..., с. 108.

7 См. ЦАГП, ф. I-А-501, оп. 3, д. 348, с. 190.

8 См.: З. Авалишвили. Независимость Грузии..., с. 120.

9 См. ЦАГП, ф. I-А-519, оп. 3, д. 18, с. 45.

10 См. там же, ф. I-А-501, оп. 3, д. 348, с. 189.

11 См. там же, ф. I-А-519, оп. 3, д. 18, с. 46.

12 См. там же, ф. I-ДР, док. 6268.

13 См. там же, док. 7962.

14 См. там же, ф. I-ДР, док. 5620.

15 См. там же, док. 3763.

16 См. там же, док. 3518-18. В кн.: Политика Германии в Закавказье, док. № 20, с. 72.

17 См. ЦАГП, ф. I-А-501, оп. 3, д. 348, с. 189—190.

18 См. там же, ф. I-ДР, док. 6006, с. 12—16, 17—21, 22—26, 30—31.—Политика Германии в Закавказье, док. № 26, 27, 28, 29, 30, с. 84—99.

19 См. ЦАГП, ф. I-ДР, док. 4006, с. 20.

20 См. там же, док. 4009 и 4814.— Политика Германии в Закавказье, док. № 41, с. 121.

21 Meklenburg-Schwerinisches Landchauptarchiv. № 23, Bl. 480—488.

22 См. ЦАГП, ф. I-ДР, док. 4006-8.

23 См. Документы внешней политики СССР. Т. I, с. 443.

24 См.: З. Авалишвили. Независимость Грузии..., с. 163—164.

25 См. ЦАГП, ф. I-ДР, док. 6471.— Политика Германии в Закавказье, док. 42, с. 122.

26 См. там же, док. 8012.

27 См. там же, док. 9318.

28 См. там же, док. 9318.

29 См.: Германские оккупанты в Грузии в 1918 г., с. 81—85.

30 См. ЦАГП, ф. I-ДР, док. 4115.

31 См. там же, док. 5531.— Политика Германии в Закавказье, док. № 34, с. 111.

32 См. там же, док. 5962-18, л. 80.

33 См. Ф. И. Махарадзе. Советы и борьба за Советскую власть в Грузии 1917—1921 гг. Тифлис, 1928, с. 150.

34 См. ЦГАОР, ф. 13, д. 209, л. 191.

35 См. ЦАГП, ф. I-ДР, док. 2382-4.

36 См. там же, док. 4116.

37 См. там же, док. 4169-18.

[стр. 185]

38 См. там же, док. 5531.— Политика Германии в Закавказье, док. № 34, с. 111.

39 См. ЦАГП, ф. I-ДР, док. 6593.

40 См. там же, док. 7333.

41 См. там же, док. 7542.— Политика Германии в Закавказье, док. № 70, с. 193.

42 См. ЦАГП, ф. I-ДР, док. 7974.

43 См. там же, док. 7814.

44 См. там же, док. 8641.— Политика Германии в Закавказье, док. № 79, с. 207.

45 См. там же, док. 8149-18.

46 См. там же, док. 8149.

47 См. «Борьба» № 149, 1918 г.

48 См. ЦАГП, ф. I-ДР, док. 9318.

49 См. там же, док. 7672.

50 См. там же.

51 См. там же, док. 6425.

52 См. Шверинский областной архив, ф. 23, л. 437—440.— Политика Германии в Закавказье, док. № 49, с. 131.

53 См. ЦАГП, ф. I-ДР, док. 8/18.

54 См. Партархив Аз. филиала НМЛ при ЦК КПСС, ф. 277, д. 149, л. 10—11.

55 См. ЦАГП, ф. I-ДР, док. 6273, л. 4—5.— Политика Германии в Закавказье, док. 18, с. 50.

56 См. Там же, ф. I-ДР, док. 6472, л. 3.

67 См.: С. Г. Шаумян. Избранные произведения. Т. 2, 1917—1918 гг. М., 1958, с. 368.

58 См. Документы внешней политики СССР. Т. I. М., 1969, с. 410.

59 ЦАГП, ф. I-ДР, док. 6273, л. 9. В кн.: Политика Германии в Закавказье, док. № 18, с. 50.

60 В. И. Ленин. Телеграмма И. В. Сталину.— Т. 50, с. 114. 61 Э. Людендорф. Мои воспоминания. Т. II, с. 220.

62 См. ЦАГП, ф. I-ДР, д. 9797-18.

63 См. там же, док. 7394-18 (протокольная запись конференции). В кн.: Политика Германии в Закавказье, док. № 58, с. 155.

64 См. там же, док. 7394-18, л. 2.— Политика Германии в Закавказье, док. № 58, с. 155—161.

65 См. там же, док. 7394-18, л. 2.— Политика Германии в Закавказье, д. № 58, с. 155—161.

66 См. Документы внешней политики СССР. Ч. I. М., 1959, с. 437—445.

67 Э. Людендорф. Мои воспоминания. Т. II, с. 220.

68 См. Документы внешней политики СССР. Т. I, с. 490—492.

69 См. там же, с. 491—492.

70 См. там же, с. 492.

71 О политике англо-американских империалистов в Закавказье см.: Е. А. Токаржевский. Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане; Д. Е. Енукидзе. Крах империалистической интервенции в Закавказье; Г. Галоян. Борьба за Советскую власть в Армении. М., 1957; Е. К. Саркисян. Англо-американская интервенция в Закавказье в 1918—1920 гг. и борьба народов Закавказья за свое освобождение.— «Известия» АН АрмССР. № 3, 1953, с. 35—48; Г. Гамбашидзе. Агрессивная политика Англии и США в отношении Грузии и Закавказья. Тб., 1964.

72 См. ЦАГП, ф. I-ДР, док. 4967, 4679, 6470, 5871.

73 Э. Людендорф. Мои воспоминания. Т. II, с. 187—188.

74 C. Mühlmann. Das Deutsche-Türkische Waffenbündis..., с. 198.

75 Там же.

76 Там же, с. 198—199.

77 Там же, с. 200.

78 Там же, с. 205.

[стр. 186]

79 Там же, с. 202.

80 См. ЦАГП, ф. I-ДР, док. 3450-18.

81 Там же, док. 4679.

82 См. Саксонский областной архив. Дрезден, ф. № 208, л. 327-а.

83 См. Шверинский областной архив, ф. № 23, л. 385.

84 См. ЦАГП, ф. I-ДР, док. 6472.

85 См. там же, док. 5871.— Политика Германии в Закавказье, док. № 54 с. 140.

86 См. там же, док. 9465.

87 См. там же, док. 6273.

88 См. там же, док. 5620.

89 Там же, док. 4443-18.

90 См. там же, док. 7394-18, л. 1.

91 Саксонский областной архив, ф. № 2080, л. 324, а также Шверинский областной архив, ф. № 23, л. 437, 439—440.

92 См. Документы внешней политики СССР. Т. I, М., 1959, с. 437—445.

93 См. об этом подробно: Победа Советской власти в Закавказье, с. 344.

94 ЦАГП, ф. I-ДР, док. 9439.— Политика Германии в Закавказье, д. № 26, л. 201.

95 См. подробно об этом: Г. Г а л о я и. Борьба за Советскую власть в Армении. М., 1957, с. 91; Г. Гамбашидзе. Агрессивная политика Англии и США в отношении Грузии и Закавказья, с. 5.

Глава V

1 См. Г. В. Хачапуридзе. Борьба за пролетарскую революцию в Грузии. Очерки, 1918—1921 гг. Тб. 1936, с. 134. Цит. по: А. Б. Кадышева. Интервенция и гражданская война в Закавказье, с. 69.

2 Комитет по делам бывших территорий Российской империи был создан правительством Германии в июне 1918 г. Через пего осуществлялись сношения с контрреволюционными правительствами, возникавшими на территории России. Представители комитета вели политическую разведку в тех областях, где функционировали эти правительства.

3 См. ЦАГП, ф. I-ДР, док. 9707-18.

4 См.: Германские оккупанты в Грузии..., с. 91—98.

5 См. там же, с. 116.

6 См. Очерки истории Коммунистической партии Грузии, с. 334.

7 См.: Германские оккупанты в Грузии..., с. 99.

8 См. подробно об этом: В. И. Карчава. Из истории борьбы за Советскую власть в Западной Грузии в 1918 году. Тб., 1961, с. 47—63.

9 ЦГАОР, ф. 50, д. 7, с. 7.

10 См.: I. А. Дзидзария. Очерки истории борьбы..., с. 153—164.

11 См.: А. М. Артилаква. Крестьянское восстание в Душети в 1918 г. Тб., 1960, с. 73—88.

12 См. ЦАГП, ф. I-ДР, док. 3789.

13 ЦГАОР, ф. 4, оп. 1, д. 22/С, л. 35.

14 См.: Победа Советской власти в Закавказье..., с. 355—359.

15 ЦГАОР СССР, ф. 1318, д. 1211, л. 110—111.

16 Там же, ф. 130, оп. 2, д. 569, л. 36.

17 См. Архив Аз. филиала ИМ Л, ф. 1, оп. 85, д. 298, л. 62.

18 ЦГАОР АзССР, ф. 894, оп. 2, д. 9, л. 225.

19 Там же, л. 24.

20 Там же, ф. 700, оп. I, д. 115, л. 113.

21 См.: Е. А. Токаржевский. Из истории иностранной интервенции..., с. 168—169.

22 Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти в Армении. Док. № 160, с. 233.

23 См. ЦГИА АрмССР, ф. 200, д. 20, л. 131; д. 38, л. 85—95.

24 См. там же, д. 53-а, л. 113.

25 См. там же, д. 20, л. 160; д. 79, л. 60.

[стр. 187]

26 См. там же, д. 53-а, л. 113.

27 История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1976, с. 262.

28 Там же, с. 263.

29 См. В. Эсаиашвили. В. И. Ленин и большевистские организации Грузии (1895—1924 гг.). Тб., 1959, с. 3—15.

30 См.: Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы. Баку, 1957, с. 229, а также «Бакинский рабочий» № 28, «Гуммет», № 13, 1918 г.

31 См.: А. Б. Кадишев. Интервенция и гражданская война в Закавказье, с. 105—109.

32 См. Документы внешней политики СССР. Т. I. М., 1959, с. 74—75.

33 См. там же, с. 240—241.

34 См. ЦАГП, ф. I-ДР.— Политика Германии в Закавказье, док. № 31, с. 99.

35 См. Документы внешней политики СССР. Т. I, с. 302. 36 Там же, с. 410.

37 Там же, с. 428—430.

38 См. там же.

39 См. там же, с. 430—431.

40 См. там же, с. 490—491.

41 См. там же, с. 514.

42 См. там же, с. 515.

43 См. ЦАГП, ф. I-ДР, док. 5175-18, л. 9.— Политика Германии в Закавказье, док. № 18, с. 58.

44 См. Документы внешней политики СССР. Т. I, с. 515.

45 См. подробно об этом: Д. В. Вержховский, В. Д. Ляхов. Первая мировая война..., с. 239—254.

46 См. Французский генштаб. Контрнаступление Антанты на западном фронте в 1918 г. “М., 1936, пер. с франц., с. 68—151, а также: Д. В. Вержховский, В. Ф. Ляхов. Первая мировая война..., с. 254—264.

47 См.: История дипломатии. Т. 1, М., 1945, с. 359.

43 См.: История международных отношений и внешней политики СССР. Т. I. М., 1967, с. 55.

49 См.: История дипломатии. Т. 2, с. 370. 50 См. ЦАГП, ф. I-ДР, док. 8474. 51 См. там же, л. 2.

52 См. там же, док. 9184-18.— Политика Германии в Закавказье, док. № 80, с. 210.

53 Там же.

54 См. там же, д. 5574.— Политика Германии в Закавказье, док. № 82, с. 213.

55 См. Архив Грузинского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 94, док. 12.

56 См.: История международных отношений и внешней политики СССР. Т. I. с. 59—60.

57 См.: С. Зарницкий, А. Сергеев. Чичерин. М., 1966, с. 112. 58 См.: Борьба за победу Советской власти в Грузии, с. 334. 59 См. Архив Грузинского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 99, д. 12. 60 См. Документы внешней политики СССР. Т. I, с. 565—566.

Заключение

1 В. И. Ленин. Тетради по империализму.— Т. 28, с. 166.

2 Deutsches Militärarhiv Potsdam, W 31. 40/41. Die Mineralölversorgung Deutschlands im Kriege. Цит. по: Fall Barbarossa, B., 1970, c. 20.

3 H. Picker. Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941 bis 1942. Stuttgart, 1965, c 322.

4 J. K. Lagutt. Krieg um den Kaukasus. Zürich/N. Y., 1942, c 7.

5 Internationaler Militärgerichtshof Nürnberg. Bd 7. Nürnberg, 1947, c 290. 6 W. Warlimont. Im Hauptquartier der deutschen Wermacht 1939—1945. Frankfurt/M. 1965, c 138.

[стр. 188]

7 A. Heusinger. Befehl im Wiederstreit. Tübingen und Stuttgart. 1950,

8 Zentrales Staatsarchiv Potsdam, FC AA, Kg 1624/3489 Bl 11-4076 9 Rauschning H. Gespräche mit Hitler. Wien — Zürich — N. Y., 1940,

10 Имеются в виду сержант Михаил Егоров и младший сержант Мелитов Кантария.

[стр. 189]

БИБЛИОГРАФИЯ

Произведения классиков марксизма-ленинизма*

Маркс К. Дебаты шестого рейнского ландтага (статья первая).— Т. 1.

Маркс К. Внешняя политика Французской республики.— Т. 6.

Маркс К. Русская политика по отношению к Турции.— Рабочее движение в Англии.— Т. 9.

Маркс К. Западные державы и Турция.— Надвигающийся экономический кризис.— железнодорожное строительство в Индии.— Т. 9.

Маркс К. Военные действия на Востоке.— Австрийские и французские финансы.— Укрепление Константинополя.— Т. 10.

Маркс К. Русская дипломатия.— Синяя книга по Восточному вопросу.— Черногория.— Т. 10.

Маркс К. Греция и Турция.— Турция и западные державы.— Сокращение хлебной торговли в Англии.— Т. 10.

Маркс К. Падение Карса.— Т. 11.

Маркс К. Европейский кризис.— Т. 12.

Маркс К. Перспективы войны в Европе.— Т. 13.

Маркс К. Английская политика.— Т. 15.

Маркс К. Русско-французский союз.— Т. 15.

Маркс К. Критика Готской программы.— Т. 19.

Энгельс Ф. Внешняя политика Германии.— Т. 5.

Энгельс Ф. Внешняя политика Германии и последние события в Праге.— Т. 5.

Энгельс Ф. Германская кампания за имперскую конституцию.— Т. 7.

Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии.— Т. 7.

Энгельс Ф. Русские в Турции.— Т. 9.

Энгельс Ф. Вопрос о войне в Европе.— Т. 10.

Энгельс Ф. Крымская кампания.— Т. 10.

Энгельс Ф. Борьба в Крыму.— Т. 11.

Энгельс Ф. Германия и панславизм.— Т. 11.

Энгельс Ф. Европейская война.— Т. 11.

Энгельс Ф. Военные ресурсы Германии.— Т. 13.

Энгельс Ф. Военная реформа в Германии.— Т. 15.

Энгельс Ф. Заметки о войне в Германии.— Т. 16.

Энгельс Ф. За Польшу.— Т. 18.

Энгельс Ф. Заметки о Германии.— Т. 18.

Энгельс Ф. Политическое положение в Европе.— Т. 21.

Энгельс Ф. Роль насилия в истории.— Т. 21.

Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма.— Т. 22.

Ленин В. И. Проект и объяснение программы Социал-демократической партии.— Т. 2.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Т. 3.

Ленин В. И. III съезд РСДРП. Проект резолюции по поводу событий на Кавказе.— Т. 10.

Ленин В. И. Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии.— Т. 17.

---

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса даны по изд. 2 Сочинений, а В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

[стр. 190]

Ленин В. И. Переселенческий вопрос.— Т. 21.

Ленин В. И. Социализм и война.— Т. 26.

Ленин В. И. Война и российская социал-демократия.— Т. 26.

Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Т. 27.

Ленин В. И. Социалистическая революция и право наций па самоопределение.— Т. 27.

Ленин В. И. Тетради по империализму.— Т. 28.

Ленин В. И. Империализм и раскол социализма.— Т. 30.

Ленин В. И. О сепаратном мире.— Т. 30.

Ленин В. И. Поворот в мировой политике.— Т. 30.

Ленин В. И. О задачах пролетариата в данной революции.— Т. 31.

Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции.— Т. 31.

Ленин В. И. Тайны внешней политики.— Т. 32.

Ленин В. И. Государство и революция.— Т. 33.

Ленин В. И. Радио всем.— Т. 35.

Ленин В. И. Заседание ВЦИК 29 апреля 1918 г. Доклад об очередных задачах Советской власти.— Т. 36.

Ленин В. И. Доклад о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918 г.— Т. 36.

Ленин В. И. Речь на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы 29 июля 1918 г.— Т. 37.

Ленин В. И. VI Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов 6—9 ноября 1918 г. Речь о годовщине революции 6 ноября.— Т. 37.

Ленин В. И. Телеграмма всем Совдепам, всем, всем.— Т. 37.

Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский.— Т. 37.

Ленин В. И. Речь на рабочей конференции Пресненского района 14 декабря 1918 г.— Т. 37.

Ленин В. И. О «демократии» и диктатуре.— Т. 37.

Ленин В. И. Радиограмма из Москвы всем, всем, всем! — Т. 37.

Ленин В. И. Речь на торжественном заседании Всероссийского Центрального и Московского Советов профессиональных союзов 6 ноября 1918 г.— Т. 37.

Ленин В. И. О диктатуре пролетариата.— Т. 39.

Ленин В. И. Как буржуазия использует ренегатов.— Т. 39.

Ленин В. И. В лакейской.— Т. 39.

Ленин В. И. VII Всероссийский съезд Советов 5—9 декабря 1919 г. Заключительное слово по докладу ВЦИК и Совнаркома 6 декабря.— Т. 39.

Ленин В. И. Речь на заседании пленума Московского совета рабочих и крестьянских депутатов 28 февраля 1921 г.— Т. 42.

Произведения видных деятелей международного коммунистического и рабочего движения, КПСС, КПГ и СЕПГ

Брежнев Л. И. О внешней политике КПСС и Советского государства. Речи и статьи. М., 1973.

Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 1—3. М., 1970— 1973.

Джапаридзе П. А. Избранное. Статьи, речи и письма. М., 1958

Димитров Г. Избранные произведения. Т. I. М., 1948.

Киров С. М. Избранное. Статьи и речи. Т. I. М., 1939.

Махарадзе Ф. Диктатура меньшевистской партии в Грузии. М., 1921.

Махарадзе Ф. Советы и борьба за Советскую власть в Грузии. Тифлис, 1928.

Микоян А. И. Бакинская организация большевиков в 1917—1918 гг.— Из прошлого. Статьи и воспоминания из истории бакинской организации. М.,. 1968.

Нариманов Н. Статьи и письма. М., 1925.

[стр. 191]

Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи. Т. 1. М., 1956.

Сталин И. В. Сочинения. Т. 4. М., 1947.

Цхакая М. Грузия и Армения под пятой империалистов. Тифлис, 1925.

Шаумян С. Г. Избранные произведения. Т. 1. М., 1957.

Grotewohl O. Im Kämpfs um die Deutsche Demokratische Republik. Reden und Aufsätze. Bd 1—6. B., 1959—1964.

Honecker E. Unter dem Banner des Internationalismus. Ansgewahlte. Reden und Aufsätze. B., 1972.

Liebknecht K. Gesammelte Reden und Schriften. Bd 1—4. B., 1958— 1960.

Luxemburg R. Ausgewählte Reden und Schriften. Bd 1—2. B., 1951.

Matern H. Aus dem Leben und Kampf der deutschen Arbeiterbewegung. B., 1958.

Norden A. Lehren deutscher Geschichte. Zur politischen Rolle des Finanzkapitals und der Junker. B., 1947.

Norden A. Falscher. Zur Geschichte der deutsch-Sowjetischen Beziehungen. B., 1959.

Norden A. So werden Kriege gemacht. Über Hintergrunde und Technik der Agression. B., 1952.

Norden A. Un die Nation. Beitrage zur Deutschlands Lebenstrage. B., 1953.

Pieck W. Gesammelte Reden und Schriften. Bd 1—3. B., 1959—1961.

Pieck W. Reden und Aufsätze. Bd 1—4. B., 1950—1956.

Pieck W. Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands. 30 Jahre Kampf. B., 1949.

Thälmann E. Reden und Aufsätze zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd 1—2. B., 1955—1956.

Ulbricht W. Zur Geschichte der neuesten Zeit. B., 1955.

Zetkin Cl. Ausgewählte Reden und Schriften. Bd 2. Auswahl aus den Jahren 1918 bis 1923. Bd 3. Auswahl aus den Jahren 1924 bis 1933. B., 1960.

Материалы архивов

Архив Азербайджанского филиала ИМЛ при ЦК КПСС. Ф. 9, 26, 53, 58, 276, 277.

Центральный государственный архив Октябрьской революции АзербССР (ЦГАОР)АзССР. Ф. 1, 2, 14, 24, 61, 77, 82-с, 95-с, 100, 211, 2,16, 265, 270, 271, 334, 344, 458, 528, 854, 895, 834.

Архив армянского филиала ИМЛ при ЦК КПСС. Ф. 7, 11, 12, 13, 20, 33, 222.

Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) ГрузССР. Ф. 40, 45, 57, 128, 200.

Архив Грузинского филиала ИМЛ при ЦК КПСС. Ф. 2, 12, 13, 33.

Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) ГрузССР. Ф. 1. 2, 2 с, 3, 5, 7, (13. 13/2-с, 41, 80-с, 85, 102, 324, 551, 723.

Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) ГрузССР. Ф. 1, 2, 2-с, 3, 3-с, 16, 24, 28, 41, 57, 153, 206, 360, 370, 408.

Центральный партийный архив ИМЛ при ЦК КПСС. Ф. 17, 80, 85, 109, 461.

Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА). Ф. 2000, 2000-с, 444.

Центральный государственный исторический архив (ЦГИА). Ф. 102, 543,. 13 159.

Архив внешней политики России (АВПР). Ф. «Политархив», «Посольство в

Константинополе», «Осведомительный».

Архив внешней политики СССР. Ф. 132.

Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (ЦГАОР). Ф. 130, 1318.

Центральный государственный архив Красной Армии (ЦГАКА). Ф. 109, 196

[стр. 192]

Центральный государственный архив военно-морского флота (ЦГАВМФ). Ф. 418, 858, 898.

Центральный государственный исторический архив (ЦГИА). Ф. 821.

Центральный архив Германии в Потсдаме. Ф. I-DP, I-A.

Саксонский областной архив. Ф. 208.

Шверинский областной архив. Ф. 23.

Bonn. Politische Archiv. Auswärtiges Amt. Der Weltkrieg. Unternehmungen und Aufwiegelungen gegen unsere Feinde, Rusland, Deutschland, Türkei, Georgien, Armenien, Kaukasien. Bd 1—19, 49—54.

Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien (HHStA), Politisches Archiv (PA): 1496 Liasse XLII 1 c Krieg 1914—1918.

1947 Krieg 21 k Türkei: Georgisch-grusinischer Aufstand im Kaukasus 1914—1918.

1972 Krieg 31: Spezial-Fetwa, betreffend den «Heiligen Krieg für die Mohammedaner in Bosnien und einer Formierung einer mohammedanischen

Legion in Österreich-Ungarn 1914.

1978 Krieg 34: Schutz der Katholiken in der Türkei wahrend des Kriges im

Allgemeinen 1914—1918.

X 155 Russland Liasse XI k 1: Kaukasus-Staaten: Allgemeines 1918 II—VIII.

X 156 Russland Liasse XI k 1: Kaukasus-Staaten: Allgemeines 1918 IX—X.

X 156 Russland Liasse XI k 2: Friedensverhandlungen von Batum 1918 VI—VIII.

X 157 Russland Liasse XI k 3: Armenische Republik 1918 VI—XL

X 157 Russland Liasse XI k 4: Georgische Republic 1918 VI—XI.

XII 463 Türkei Liasse XLVII/3: Die Armenier-Verfolgungen 1915—1918.

XII 464 Türkei Liasse XLVII/4: Unsere Baßnahmen zum Schütze der katholischen Armenier 1915—1918.

F 6/76 Missionssitze: Tiflis.

F 8/242 Kaiserliche Konsularsitze: Tiflis.

F 36/216 Kaukasus (Wirtschaftsangelegenheiten).

München. Hauptstaatsarchiv. Abt. IV. Kriegsarchiv: Handschrift HS 1. Weltkrieg Nr. 498: Friedrich Frhr. von Kreb. Meine Mission im Kaukasus (93 Seiten, München, 1943).

H. J e n o v. Egan-Krieger, Generalleutnant a. D.: Als «Deutscher Militarkommissar» im Kaukasus 1918 (Niederschrift nach einer Tonbandaufnahme, im Besitze Univ. — Prof. Dr. Winfried Baumgarts).

Сборники документов

Белая книга о войне с Турцией. Дипломатическая переписка Англии, предшествовавшая войне с Турцией. Пг.—М., 1914.

Борьба за победу Советской власти в Грузии. Документы и материалы (1917—1921 гг.). Тб., 1958.

Борьба за победу Советской власти в Азербайджане. 1918—1920. Документы и материалы. Баку, 1967.

Великий Октябрь и борьба за Советскую власть в Азербайджане. Баку, 1958.

Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти в Армении. Сборник документов под ред. А. Н. Мнацаканяна, А. М. Акопяна, Г. М. Даллакяна. Ер., 1957.

Вторая оранжевая книга. Дипломатическая переписка России, предшествовавшая войне с Турцией. Дипломатический архив. Пг., 1914.

Германские оккупанты в Грузии в 1918 г. Сборник документов и материалов, составленный и подготовленный к печати М. М. Габричидзе. Тб., 1942.

Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов под редакцией проф. М. Г. Нерсисяна. Ер., 1966.

Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1959.

Документы по истории гражданской войны в СССР. Т. 1. Под ред. И. Минца, Е. Городецкого. М., 1940.

Документы и материалы о внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919.

[стр. 193]

Закавказье. Статистико-экономический сборник. Тифлис, 1925.

Ключников Ю. В. и Сабанин А. В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II. М., 1926; Ч. III. М., 1929.

Константинополь и проливы. По секретным документам б. министерства иностранных дел. Под ред. Е. А. Адамова. Т. 1—2. М., 1925—1926.

Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг. Сборник секретных дипломатических документов б. императорского российского министерства иностранных дел. М., 1922..

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств 1878—1917 гг. Т. I—VI. М.—Л., 1931—1935.

Монополистический капитал в нефтяной промышленности России 1883— 1914 гг. Документы и материалы. М., 1961.

Первый конгресс Коммунистического Интернационала. Протоколы. М.. 1933.

Раздел Азиатской Турции. Сборник документов бывшего министерства иностранных дел. Под ред. Е. А. Адамова. М., 1924.

Реформы в Армении. Сборник дипломатических документов Министерства иностранных дел. Пг., 1915.

РСФСР. Народный комиссариат по иностранным делам. Отчет Наркоминдела к VII съезду Советов (ноябрь 1918 г.— декабрь 1919 г.). М., 1919; Годовой отчет НКИД к VIII съезду Советов (1919—1920). М., 1921; Годовой отчет НКИД к IX съезду Советов (1920—1921). М, 1921.

Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении (26 ноября 1912 года —10 мая 1914 года). Министерство иностранных дел. Пг., 1915.

Царская Россия в мировой войне. Т. 1. Предисл. М. Н. Покровского. Л., 1926.

Deutsch-sowjetische Beziehungen von den Verhandlungen in Brest-Litowsk bis zum Abschluß des Rapallovertrages. Dokumentensammlung. Bd 1: 1917— 1918. B” 1967.

Deutschland und Armenien 1914—1918. Sammlung Diplomatischen Aktenstücke. Herausgeben und eingeleitet von Dr Johanes Lepsius. Potsdam, 1919.

Die deutsche Dokumente zum Kriegsausbruch 1914. Bd I—IV. B., 1927.

Die große Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914. Bd 36—39. B., 1925—1927.

Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutsche Arbeiter-bewegung. Bd IV: März 1898 — Juli 1914. Hrsg. Institut für Marksismus-Leninismus beim ZK SED. B., 1967.

Газеты и журналы

«Правда», 1918.

«Известия ВЦИК». 1918—1919.

«Кавказская правда». 1918.

«Социал-демократ». 1918.

«Борьба». 1918.

«Шрома». 1918.

«Эртоба». 1918.

«Азербайджан». 1918—1919.

«Армяне и война». 1916—1917. Одесса.

«Армянский вестник». 1916—1918. М.

«Бакинский рабочий». 1917—1920.

«Вестник АН СССР». 1949.

«Военный вестник». 1922.

«Вопросы истории». 1946, 1951.

«Грузинская республика». 1918.

«Грузия». 1920.

«День». 1916.

«Жизнь национальностей». 1918—1921. М.

[стр. 194]

«Закавказская речь». 1915.

«Звезда». 1912.

«Кавказское слово». 1915—1918.

«Каспий». 1914. Баку.

«Коммунист». Орган ЦК и БК АКП(б), 1920. Баку.

«Коммунист». Орган Комиссариата по армянским делам при Наркомнаце.

«Красный архив». 1925—1931. «Летопись». 1915—1917. Пг. «Мир ислама». 1913. СПб. «Наше время». 1919. «Новый Восток». 1922—1925.

«Известия Совета рабочих, красноармейских, матросских и крестьянских депутатов Бакинского района». 1918. «Историк-марксист». 1938. «Исторический журнал». 1942—1943. «Кавказ». 1915.

«Кавказский рабочий». 1917—1918. «Сакартвело». 1918. «Тависуплебис гза». 1918. «Сакартвелос республика». 1918. «Танамедрове азри». 1917. «Известия Бакинского Совета». 1918. «Гуммет». 1918. «Хоск». 1918.

«Коммунистический Интернационал». 1919. «III интернационал». 1918.

Мемуары

Авалишвилн З. Независимость Грузии в международной политике. 1918—1921 гг. Воспоминания. Тифлис, 1925.

Денстервиль. Британский империализм в Баку и Персии в 1917— 1918 гг. (Воспоминания). Пер. с англ., Тифлис. 1925.

Джемаль-паша. Записки 1913—1919 гг. Тифлис, 1923.

Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. Т. 2. М 1924.

Эрцбергер М. Германия и Антанта. Мемуары. Пер. с нем. М.. 1934.

Kress von Kressenstein F. Mit den Türken zum Suezkanal B 1938.

Liman von Sanders. Fünf Jahre Türkei. B., 1919.

Pomiankovsky J. Der Zusammenbruch des Ottomanischer Reiche Wien, 1928.

Von Simens W. Kaukasusreisen. Zeulenroda, 1912.

Исследования, очерки, сборники статей и другая литература

Аветян А. С. Германский империализм на Ближнем Востоке. Колониальная политика германского империализма и миссия Лимана фон Сандерса. Под ред. А. Л. Нарочницкого. М., 1966.

Аветян А. Германский империализм на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны.— «Известия АН АрмССР». Ер., 1958, № 6.

Авни Х. Как Турция стала полуколонией. Пер. с тур. Л., 1934.

Агаян Ц. П. Великий Октябрь и борьба трудящихся Армении за победу Советской власти. Ер., 1962.

Адамия В. И. Из истории английской интервенции в Грузию (1918— 1921 гг.). Сухуми, 1961.

Азизбекова П. А. В. И. Ленин — друг народов Востока. Сборник документов и материалов 1917—1924 гг. Баку, 1967.

[стр. 195]

Азизбекова П. А. В. И. Ленин и Советский Азербайджан. Летопись 1917—1924. Баку, 1970.

Азизбекова П. А. В. И. Ленин и социалистические преобразования в Азербайджане (1920—1923). М., 1962.

Азизбекова П. А. Советская Россия и борьба за установление и упрочение власти Советов в Закавказье. Баку, 1969.

Айрапетян М. Э., Кабанов П. Ф. Первая мировая империалистическая война 1914—1918 гг. М., 1964.

Акопян А. М., Эльчибекян А. М. Очерки по истории Советской Армении. Ер., 1955.

Алиев Г. З. Турция в период правления младотурок (1908—1918). М., 1972.

Алиханян С. Т. Роль Советской России в деле освобождения армянского народа (1917—1921). Ер., 1964.

Альдерванди Л. Марескоти. Дипломатическая война. Пер. с итал. М., 1947.

Амирханян Ш. Майское восстание в Армении. М., 1926.

Аргутинский-Долгоруков А. История сооружения и эксплуатации Закавказской ж. д. Тифлис, 1896.

Арзуманян М. М. Армения (1914—1917). Ер., 1959.

Аркомед С. Т. Материалы по истории отпадения Закавказья от России. Тб., 1931.

Арсеньев Н. Очерки современной Турции.— «Новый Восток». 1922, № 2.

Артилаква А. М. Крестьянское восстание в Душети в 1919 г. Тб., 1960.

Арутюнов Г. Рабочее движение в Закавказье в период нового революционного подъема (1910—1914). Баку, 1961.

Арутюнян Г. М. Реакционная политика английской буржуазии в армянском вопросе в середине 90-х годов XIX в. М., 1954.

Арутюнян П. Т. Освободительное движение армянского народа первой четверти XVIII века. М., 1954.

Астафьев И. И. Русско-германские дипломатические отношения 1905—1911 гг. М., 1972.

Ахтамзян А. А. От Бреста до Киля. Провал антисоветской политики германского империализма в 1918 году. М., 1963.

Бабаходжаев А. Х. Пантюркизм — орудие идеологической диверсии империализма.— «Труды Института востоковедения АН Узбекской ССР», Вып. II. Таш., 1954.

Багдасарян А. Гражданская война в Армении. Ер., 1928.

Бадалян Х. А. Германо-турецкие оккупанты в Армении в 1918 году. Ер., 1962.

Баженов И. Р. Наша внешняя политика на Ближнем Востоке с национальной точки зрения. СПб., 1913.

Базиянц А. П. Возникновение и деятельность Союза нефтепромышленных рабочих (1905—1908). Из истории рабочего движения в СССР. М., 1955.

Базиянц А. П. Захватническая политика англо-американского империализма в Баку и Азербайджане (ноябрь 1918 — апрель 1920). М., 1950. Баранов Е. Война с Турцией и армяне. Пг., 1915.

Белякевич И. И. Турция и попытка Германии избавиться от русского фронта в период первой мировой войны.— «Труды Восточно-сибирского государственного университета». Т. II. Вьш. 4. 1944.

Бенекенштейн Н. Концерн Тиссена и его влияние на политику германского империализма по отношению к Грузии. Тб., 1971.

Бестужев И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики накануне первой мировой войны.— «Исторические записки». Т. 75. М., 1965.

Бетман-Гольвег Т. Мысли о войне. Пер. с нем. Предисл. В. Гурко-Кряжина. М—Л., 1925.

[стр. 196]

Бондаревский Г. Л. Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток (1883—1903). Таш., 1955.

Бондаревский Г. Л. Борьба за Персидский залив, Аравийский полуостров и Красное море на рубеже XIX—XX вв. Ч. 1—2. М., 1965.

Борьян Б. А. Армения. Международная дипломатия и СССР. Ч. I—II. М—Л., 1928—1929.

Брукс М. Нефть и внешняя политика. М., 1949.

Бурджалов Э. Двадцать шесть бакинских комиссаров. М., 1938.

Бюлов Б. Воспоминания. Под ред. и с предисл. В. М. Хвостова. М.—Л., 1935.

Вандаль А. Армяне и турецкие реформы. Пер. с франц. Пг., 1915.

Варданян О. Гражданская война в Армении. Ер., 1931.

Варга Е. Исторические корни особенностей германского империализма. М., 1946.

Варга Е. Кризис мирового капиталистического хозяйства. М., 1923.

Варга Е. Экономические кризисы 1928—1935. Т. I. Сравнительные материалы по истории кризисов в важнейших капиталистических странах. М., 1937.

Вартанян С. Победа Советской власти в Армении. Ер., 1950.

Вашакидзе А. И. Рабочее движение в Грузии в годы первой мировой войны (1914—1917). Тб., 1969.

Вебер А. Б. Классовая структура общества в Западной Германии. М., 1961.

Вержховский Д. В., Ляхов В. Ф. Первая мировая война 1914— 1918 гг. М., 1964.

Вешапели Г. Турецкая Грузия, Лазистан, Трапезунд и Чорохский край. М., 1916.

Галкин А. А. Германский фашизм. М., 1967.

Галкин А. А. Версаль и рейнские сепаратисты. М, 1962.

Галкин А. А., Мельников Д. Е. СССР, западные державы и германский вопрос (1945—1965). М., 1966.

Галкин И. С. Политика европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции в 1908—1912 гг. М., 1959.

Галоян Г. А. Социалистическая революция в Закавказье в освещении буржуазной историографии. М., 1960.

Галоян Г. А. Против буржуазной фальсификации истории социалистической революции и коммунистического строительства в Закавказье. Ер., 1961.

Галоян Г. А. Борьба за Советскую власть в Армении. М., 1957.

Гамбашидзе Г. Л. Из истории иностранной интервенции в Грузии 1917—1920 гг. Тб., 1961.

Гамбашидзе Г. Л. Агрессивная политика империалистических государств в отношении Грузии и Закавказья в 1920 году. Тб., 1970.

Гамбашидзе Г. Л. Агрессивная политика Англии и США в отношении Грузии и Закавказья. Тб., 1964.

Гарибжанян Г. Б. В. И. Ленин и большевистские организации Закавказья. Ер., 1960.

Гарибжанян Г. Б. В. И. Ленин и освобождение народов Закавказья. Ер., 1967.

Гарибжанян Г. Б. Ленин и Закавказье. Т. I—II. Ер., 1973.

Гарибжанян Г. Б. Коммунистические организации Армении в борьбе за победу Советской власти. Ер., 1957.

Гафуров Б. Г. Октябрьская революция и национально-освободительное движение на Востоке. — «Коммунист». 1957, № 5.

Генин И. Экономическое проникновение Германии в Турцию.— «Труды Московского института востоковедения». Т. 5. 1947.

Германский империализм и милитаризм. М., 1965.

Германская история в новое и новейшее время. Т. 1—2. М., 1970.

Гиббонс Г. А. Последние избиения в Армении. Факты и ответственности. Пг., 1916.

Гинцберг Л. И. На пути в имперскую канцелярию. М., 1972.

Гирс А. А. Австро-Венгрия, Балканы, Турция. Задачи войны и мира. Пг., 1917.

Гоголев З. Советско-турецкие отношения 1918—1923 гг.— «Ученые записки». Вып. 2. Якутск, 1950.

Гольдштейн И., Левина Р. Германский империализм. М.. 1947.

Готлиб В. В. Тайная дипломатия во время первой мировой войны. М., 1960.

Гофман М. Записки и дневники. Л., 1929.

Григорян З. Т. Вековая борьба армянского народа за свою независимость и свободу. М., 1946.

Гугушвили П. Г. Экономическое развитие Грузии и Закавказья в XIX—XX вв. Тб., 1949 (на груз. яз.).

Гулиев Дж. Б. В. И. Ленин и борьба за победу и укрепление Советской власти в Азербайджане. Баку, 1957.

Гусейнов М. Г. Партия Мусават в прошлом и настоящем. Вып. I. Тифлис, 1927.

Гусейнов Т. Октябрь в Азербайджане. Баку, 1927.

Гутор М. Д. Новейшая история Турции и Персии (XVIII, XIX и XX столетия). Тифлис, 1913.

Давидович Д. С. Революционный кризис 1923 г. в Германии и гамбургское восстание. М., 1963.

Давидович Д. С. Эрнст Тельман. Страницы жизни и борьбы. М., 1971.

Данциг Б. Турция. М., 1949.

Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Т. 2. М., 1947.

Джиджейшвили М. К истории рабочего класса Грузии (1917— 1921). Тб., 1965.

Джиджейшвили М. К истории союза рабочего класса и крестьянства Грузии (1917—1925). Тб., 1970.

Дзидзария Г. А. Очерки истории борьбы за Советскую власть в Абхазии 1917—1918 гг. Сухуми, 1958.

Драбкин Я. С. Ноябрьская революция в Германии. М., 1967.

Драбкина Е. А. Грузинская контрреволюция. Л., 1928.

Дубнер А. Бакинский пролетариат в годы революции (1917—1920 гг.). Баку. 1931.

Енукидзе Д. Е. Разгром и изгнание интервентов из Закавказья. Тб., 1960.

Ерусалимский А. С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М., 1948.

Ерусалимский А. С. Германский империализм: история и современность (исследования, публицистика). М., 1964.

Ефремов М. Взятие Баку.— «Военный вестник». 1922, № 7.

Жвания Г. Борьба большевиков Грузии за победу социалистической революции. Тб., 1967.

Жвания Г. К. В. И. Ленин, ЦК партии и большевики Закавказья. Тб., 1969.

Жвания Г. К. Великий Октябрь и борьба большевиков Закавказья за Советскую власть. Тб., 1967.

Завриев Д. С. К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции. Тб., 1947.

Зайончковский А. М. Мировая война 1914—1918 гг. Изд. 3-е. Т. I—III. М” 1940.

Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов. М., 1926.

Залетный А. Бундесвер. Западногерманские вооруженные силы — орудие агрессии. М., 1958.

Зурабов А. Германский империализм в Турции.— «Летопись». 1917, № 5—6.

Ибрагимов З. И. Борьба азербайджанского народа против англо-американских интервентов. Баку, 1950 (на азерб. яз.).

[стр. 198]

Ибрагимов З. И. Борьба трудящихся Азербайджана за победу социалистической революции. Баку, 1957.

Ибрагимов З. И. В. И. Ленин и победа социалистической революции в Азербайджане. Баку, 1970.

Ибрагимов И. А. Иранский Азербайджан в последней четверти XIX в. и его место в русско-иранских отношениях. М., 1968.

Из истории Германии нового и новейшего времени. М., 1958.

Иноземцев Н. Н. Американский империализм и германский вопрос (1945—1954). М., 1954.

Ионесян А. Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ер., 1958.

Искандеров М. С. Из истории борьбы Коммунистической партии Азербайджана за победу Советской власти. Баку, 1958.

История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 1—4. М., 1971.

История международных отношений и внешней политики СССР. Т. I. 1917—1939 гг. М., 1967.

История гражданской войны в СССР. Т. III. М., 1957.

История Азербайджана. Под ред. академиков И. А. Гусейнова. А. С. Сумбатзаде и др. Т. II. Баку, 1960.

История дипломатии. Т. II. М., 1945.

История международных отношений и внешней политики СССР Т. I. 1917—1939 гг. М, 1967.

Истягин Л. Г. Экспансия германского империализма в Турции и русско-германские противоречия по армянскому вопросу.— Из истории агрессивной внешней политики германского империализма. М., 1959.

Истягин Л. Г. Германское проникновение в Турцию и кризис русско-германских отношений зимой 1913—1914 гг.— «Ученые записки Института международных отношений». Вып. 8. М., 1962.

Кадишев А. Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. М., 1960.

Кайзер Ж. Европа и новая Турция. М., 1925.

Караев А. Г. Из недавнего прошлого. Баку, 1926.

Карапетян Н. В. Армянский вопрос в Турции и политика империалистических держав накануне первой мировой войны. М., 1950.

Карапетян С. Х. Коммунистическая партия в борьбе за победу Октябрьской революции в Армении. Ер., 1959.

Каринян А. Шаумян и националистические течения на Кавказе. Баку, 1928.

Карчава В. И. Из истории борьбы за Советскую власть в Западной Грузии в 1918—1921 гг. Тб., 1961.

Каутский К. Проблемы социализма и перспективы Грузии. Тифлис, 1921.

Качарава Ю. М. Вопросы грузинской историографии. Тб., 1962.

Квачадзе С. Большевики Тбилиси в 1917 году. Тб., 1967.

Кемаль Мустафа. Путь новой Турции. Т. I. М, 1929; Т. II. М, 1932; Т. III. М, 1934; Т. IV. М., 1934.

Керимов М. А. Закавказские советские республики и Турция (1920— 1922).— «Ученые записки Института востоковедения" АН СССР». Т. 19. 1958.

Киквидзе А. Я. История "Грузии XIX—XX вв. Ч. II. Тб., 1959.

Кишмишев С. О. Война в Турецкой Армении 1877—1878 гг. СПб., 1884.

Кобляков И. К. От Бреста до Рапалло. Очерки истории советско-германских отношений с 1918 по 1922 г. М., 1954.

Колесникова Н. И. Из истории борьбы за Советскую власть в Баку (август 1917 г.— июль 1918 г.). Воспоминания. Баку, 1958.

Коломийцев А. Г. Провал агрессивных происков Англии и Турции на северо-западном Кавказе в 50-х годах XIX в.— «Ученые записки Туркменского государственного университета». Вып. 4. 1958.

Кориштейн Е. Н. Провал немецко-турецкой оккупации в Закавказье в 1918 г. Тб., 1952.

[стр. 199]

Короткова Т. Германо-турецкое вторжение в Иранский Азербайджан (1914—1915).—«Вопросы истории». 1948, № 1.

Корсун Н. Г. Алашкертская и Хамаданская операции на Кавказском фронте мировой войны в 1915 г. М., 1940.

Корсун Н. Г. Первая мировая война на Кавказском фронте. М., 1951.

Корсун Н. Г. Сарыкамышская операция. М., 1937.

Корсун Н. Г. Эрзерумская операция на Кавказском фронте мировой войны в 1915—1916 гг. М, 1938.

Кузнецова С. Крах турецкой интервенции в Закавказье.— «Вопросы истории». 1951, № 9.

Кузнецова С. Установление советско-турецких отношений. М., 1961.

Кулиев М. Враги Октября в Азербайджане. Баку, 1927.

Кульбакин В. Д. Милитаризация Германии в 1928—1930 гг. М.—Л., 1954.

Кургинян Е. А. Армянская проблема в международных отношениях 1870-1896 гг. М., 1969.

Ллойд Джордж. Правда о мирных договорах. Т. 2. Пер. с англ. М., 1957.

Ломсадзе Ш. Крах турецких агрессоров в Грузии в период гражданской войны в СССР. Автореф. канд. дисс, То., 1954.

Лорей Г. Операции германо-турецких морских сил в 1914—1918 гг. Пер. с нем. М, 1934.

Лоуренс Т. Э. Восстание в пустыне. Воспоминания об англо-арабских операциях против Турции. Сокр. пер. с англ. М., 1929.

Лудшувейт Е. Ф. Послеоктябрьский революционный подъем в Турции,—«Вестник МГУ». Вып. 3, № 7, М., 1949.

Лудшувейт Е. Ф. Турция в годы первой мировой войны 1914—1918 гг. Военно-политический очерк. М., 1966.

Лукин Н М. Очерки по новейшей истории Германии (1890—1914). Л,—М., 1925.

Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. II. М., 1952.

Мандельштам А. Н. Младотурецкая держава. Историко-политический очерк. М., 1915.

Манджгаладзе Г. Немецкие колонисты в Грузии. Тб., 1973.

Марунов Ю. В. Пантюркизм и панисламизм младотурок (1908—1918).— «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР». Вып. 45. М.. 1961.

Марунов Ю. В. Политика младотурок по национальному вопросу (1905—1912).— «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР». Вып. XXX. М., 1961.

Махарадзе Н. Победа Великого Октября в Грузии. Тб., 1967.

Мельников Д. Е. Борьба за единую, независимую, демократическую, миролюбивую Германию. М., 1951.

Мельников Д. Е. Борьба немецкого народа за демократическое решение германского вопроса. М., 1955.

Миллер А. Ф. Буржуазная революция 1908 г. в Турции.— «Советское востоковедение». 1955, № 6.

Миллер А. Ф. Вступление Турции в первую мировую войну» — «Известия АН СССР». Серия истории и философии. Т. 3, 1946, № 4.

Миллер А. Ф. Очерки новейшей истории Турции. М.—Л., 1948.

Миллер А. Ф. Турция под гнетом германского империализма в годы первой мировой войны.— «Исторический журнал». 1942, № 12.

Минаев В. Подрывная деятельность германского фашизма на Ближнем Востоке. М, 1942.

Минасян О. Внешняя политика закавказской контрреволюции в первой половине 1918 г.— «Историк-марксист». 1938, № 6.

Минц И. И. Новая вылазка фальсификатора истории американской интервенции против России.— «История СССР». 1959, № 2.

Минц И. И. Новейшие упражнения американских фальсификаторов истории.— «Вопросы истории». 1953, № 11.

Минц И. И. Разгром первого заговора американских, англо-француз-

[стр. 200]

ских и других империалистов против Советской власти.— «Ученые записки кафедры истории МГПИ СССР». Вып. 3. Т. XXVI. М, 1953.

Мирошников Л. И. Англо-индийские войска в Иране, Закавказье и Туркестане в 1914—1920 гг. — «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР». Вып. XXXV. М., 1959.

Мирский С. К вопросу об определении стоимости мировой войны для Турции.— «Новый Восток». 1923, № 3.

Мнацаканян А. Н. Посланцы Советской России в Армении. Ер., 1959. Могилевич А. А., Айрапетян М. Э. На путях к мировой войне 1914—1918 гг. Л., 1940.

Мозер Отто фон. Краткий стратегический обзор мировой войны 1914—1918 гг. Пер. с нем. М., 1923.

Моисеев П., Розалиев Ю. К истории советско-турецких отношений. М, 1958.

Мусабеков Г. Два пути. Баку, 1930. .

Науман Ф. Срединная Европа. Пер. с нем. Пг., 1918. Никитникова О. И. Турецкая интервенция в Закавказье в 1918 г. Автореф. канд. дисс. М., 1948.

Новак К. Версаль. М.—Л., 1930.

Новичев А. Д. Очерки экономики Турции до мировой войны. М.—Л., 1940.

Новичев А. Д. Экономика Турции в период мировой войны. Л.—М., 1935.

Норден А. Уроки германской истории. К вопросу о политической роли финансового капитала и

юнкерства. Пер. с нем. М., 1948.

Нотович Ф. И. Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914—1918 гг. М., 1947.

Нотович Ф. И. Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. М., 1947.

Овчаренко Н. Е. В борьбе за революционный марксизм. Проблемы теории и организации германской социал-демократии в конце XIX в. М.. 1967.

Овчаренко Н. Е. Освободительное движение германского рабочего класса (исследование мировоззрения пролетариата в период вступления в эпоху империализма). М., 1970.

Орахелашвили М. Победа Октябрьской социалистической резолюции в Грузии.— «Пролетарская революция». 1936, № 7.

Очерки истории Коммунистической партии Грузии. Тб., 1957. Ошеровский Л. Я. Трагедия армян-беженцев. Пг., 1915. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М.—Пг., 1923. Петросян Ю. А. Младотурецкос движение (вторая половина XIX в.— начало XX в.). М., 1970.

Петрушов А. М. Аграрные отношения в Германии. М., 1945. Петряев К. Д. Мифы и действительность в критическом пересмотре прошлого. Очерки буржуазной историографии ФРГ. Киев, 1969.

Победа Советской власти в Закавказье. Коллективная монография институтов истории Академий наук Грузинской, Азербайджанской и Армянской республик (гл. редактор академик И. И. Минц). М., 19...

Покровский М. Н. Империалистическая война. 1915—1930. Изд. 2-е, доп. М., 1931.

Полетика Н. П. Возникновение первой мировой войны. М.—Л., 1935. Покшишевский В. В. Положение бакинского пролетариата накануне революции (1914—1917 гг.). Баку, 1927

Поцхверия Б. М. Захватническая политика американских империалистов в Турции во время и после первой мировой войны (1914—1920). М., 1953. Пробуждение Азии. 1905 год и революции на Востоке. Л., 1935. Пруидзе Г. Большевики Грузии в период первой мировой войны (1914—1918). Тб., 1964.

Раевский А. Английская интервенция и мусаватистское правительство. Баку, 1928.

Ратгаузер Я. Революция и гражданская война в Баку. Баку, 1927.

[стр. 201]

Ротштейн Ф. А. Из истории прусско-германской империи. М., 1948.

Ротштейн Ф. А. Международные отношения в конце XIX века. М.—Л., 1960.

Руге В. Германская монополистическая буржуазия и революционный кризис 1919—1923 гг.— Германский империализм и милитаризм. (Сборник статей). М., 1965.

Сабитов Н. Панисламизм и пантюркизм на службе империалистической реакции.— «Вестник АН Казахской ССР». 1951, № 7.

Салов В. И. Современная западногерманская буржуазная историография. Некоторые проблемы новейшей истории. М., 1968.

Саркисян Е. К. Англо-американская интервенция в Закавказье в 1918—1920 гг. и борьба народов Закавказья за свое освобождение.— «Известия АН АрмССР». 1953, № 3 (на арм. яз.).

Саркисян Е. К. Борьба народов Закавказья против турецких оккупантов в 1918 г. Востоковедческий сборник I. Ер., 1960.

Саркисян Е. К. Великая Октябрьская социалистическая революция и национально-освободительная борьба в Турции (1918—1922). Ер., 1958.

Саркисян Е. К. Из истории турецкой интервенции в Закавказье в 1918 г.— «Известия АН

АрмССР». 1958, № 7.

Саркисян Е. К. К вопросу о вступлении Османской империи в войну на стороне центральных держав.— «Сессия по вопросам истории и экономики Афганистана, Ирана и Турции (Тезисы докладов)». М., 1962.

Саркисян Е. К. Пантюркистская и панисламистская агентура в Закавказье накануне первой мировой войны.— «Известия АН Арм. ССР». 1962, № 7.

Саркисян Е. К. Политика османского правительства в Западной Армении и империалистические державы в последней четверти XIX и начале XX в. Ер., 1972.

Саркисян Е. К. Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы первой мировой войны. Ер., 1962.

Сеф С. Е. Борьба за Октябрь в Закавказье. Тифлис, 1932.

Силин А. С. Экспансия Германии на Ближнем Востоке в конце XIX века. М., 1971.

Силин А. С. Германская военная миссия фон дер Гольца в Турции в 1882—1895 гг.— «Ученые записки по новой и новейшей истории». Вып. II. М., 1956.

Силин А. С. Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны. М., 1976.

Сказкин С. Д. Конец австро-русско-германского союза. Т. I, 1879—1884. М, 1928.

Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М.. 1958.

Ставровский А. Американец в Закавказье 1919 г.— «Новый Восток», 1925. № 1(7).

Ставровский А. Закавказье после Октября. Взаимоотношения с Турцией в первой половине 1918 г. М.—Л., 1925.

Стуруа Н. И. Вопросы истории социалистической революции в грузинской исторической литературе последних 10 лет.— «Вестник АН ГрузССР». Тб., № 1, 1973.

Стуруа Н. И. Грузия в 1917 году. Тб., 1964.

Сумбатзаде А. С. Социально-экономические предпосылки победы Советской власти в Азербайджане. М., 1972.

Сургуладзе А. Н. Борьба трудящихся Грузии против интервентов в 1918—1920 гг. Тб., 1957.

Сургуладзе А. Н. Очерки из истории революционного движения в Грузии (1917—1921 гг.). Тб., 1954.

Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма.— Сочинения. Т. V. М., 1958.

Тверитинова А. С. Младотурки и пантюркизм.— «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР». Т. XXII. М., 1956.

Тевзадзе Г. Г. Из истории революционного движения рабочего класса Грузии (1908—1917 гг.). Тб., 1964.

[стр. 202]

Токаржевский Е. А. Бакинские большевики — организаторы борьбы против германо-турецких интервентов в Азербайджане в 1918 г. Баку, 1956.

Токаржевский Е. А. Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане. Баку, 1957.

Тошева Т. А. Национально-освободительное движение в Азербайджане 1917—1920 гг. Баку, 1956.

Туполев Б. М. Германский капитал и железные дороги в Юго-Восточной Европе в конце XIX — начале XX в.— Германский империализм и милитаризм. М., 1965.

Ушаков В. Б. Внешняя политика Германии в период Веймарской республики. М., 1958.

Фалькенгайн Э. Верховное командование 1914—1916 гг. в его важнейших решениях. Пер. с нем. М., 1923.

Фей С. Происхождение мировой войны. Т. 1. М., 1934.

Файнгар И. М. Очерки развития германского монополистического капитала. М, 1958.

Хаджетлаше Мохамед-бек. Мрачные времена. (Из записок начальника тайной полиции в Турции.) Пер. с франц., СПб., 1911.

Хаджетлаше Мохамед-бек. Убийца на троне. (Записка начальника тайной полиции в Турции). Пер. с франц., Пг., 1918.

Хальгартен Г. Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до первой мировой войны. Пер с нем. М., 1961.

Хармандарян С. Документы периода гражданской войны в Армении в 1921 г.—«Известия АН Арм. ССР». № 2, 1957.

Хачапуридзе Г. В. Большевики Грузии в боях за победу Советской власти. М., 1951.

Хачапуридзе Г. В. Грузинский народ в борьбе за победу Советской власти. Тб., 1956.

Хачатрян Р. Крах турецкой агрессии в Советской Армении в 1920— 1921 гг.— «Известия АН Арм. ССР». № 8. Ер., 1952.

Хвостов В. М. Ближневосточный кризис 1895—1897 гг —«Историк-марксист». Т. XIII. М., 1929.

Хвостов В. М. История дипломатии. Т. 2. М., 1963.

Хвостов В. М. История международных отношений 1871 —1917 гг. Ч. I. М., 1947.

Хвостов В. М. Проблема захвата Босфора в 90-х годах XIX века.— «Историк-марксист». М., 1930.

Хейфец А. Н. Великий Октябрь и угнетенные народы Востока М., 1959.

Хейфец С. Я. Закавказье в первую половину 1918 г. и Закавказский Сейм.— «Былое». № 21, Пг., 1923.

Хейфец А. Н. Исторические документы ленинской политики дружбы с народами Востока (первые договоры “Советского государства с Афганистаном. Ираном и Турцией).— «Народы Азии и Африки». 1962, № 2.

Хейфец А. И. Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы гражданской войны (1918—1920). М., 1964.

Хейфец А. Н. Советско-турецкие отношения и вопрос об Армении в 1918—1921 гг.—«Ученые записки МГПИ им. Потемкина». Т. 14. Вып. I. М., 1951.

Хмельницкая Е. Л. Монополистический капитализм Западной Германии. М., 1959.

Церетели К. Советы и борьба за Советскую власть в Закавказье (1917—1921). Тб., 1965.

Чарквиани К. Н. Крах экономической политики грузинских меньшевиков.— «Мнатоби». № 4, 1961.

Чарквиани К. Н. Об антинародной экономической политике грузинских меньшевиков. Тб., 1962.

Чекунов. Война с Турцией. Екатеринослав, 1915.

[стр. 203]

Чобанян А. Турецкие армяне и их культурная деятельность.— «Армянский сборник». 2-е изд. М., 1916.

Чхартишвили С. Д. Из истории революционного движения в Грузии (1914—1917 гг.). Тб., 1957.

Чхетия Ш. К. Германский империализм и Грузия. Тб., 1944.

Шамсутдинов А. М. Национально-освободительная борьба в Турции 1918—1923 гг. М., 1966.

Шамсутдинов А. М. Октябрьская резолюция и национально-освободительное движение в Турции (1919—1922).— В кн.: Великий Октябрь и народы Востока». М., 1957.

Шамсутдинов А. М. Советско-турецкий договор о дружбе и братстве от 16 марта 1921.— «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР». Т. XXIV, М., 1958.

Шамсутдинов А. М. Турецкая республика. Краткий очерк истории. 1923—1961 гг. М., 1962.

Шамсутдинов А. М. Турецкий сборник. История, экономика, литература, язык. М., 1958.

Шаумян С. Г. Избранные произведения. Т. 2. (1917—1918). М., 1958.

Шаумян Л. С. Мужественные борцы за коммунизм (к 35-летию расстрела 26 бакинских комиссаров). М., 1954.

Шафир Я. Гражданская война в России и империалистическая Грузия. Тифлис, 1921.

Шафир Я. Очерки грузинской жиронды. М.—Л., 192о.

Шахгельдиев Г. Г. Помощь русского народа в победе Советской власти в Азербайджане. Баку, 1960.

Штейн Б. Е. Попытки продолжения антисоветской интервенции в Закавказье после разгрома третьего похода Антанты. — «Вопросы истории». 1954, № 6.

Штейнберг Е. Л. Германский империализм на Ближнем Востоке накануне мировой войны 1914—1918 гг.—«Исторический журнал», 1943, № 1.

Эбралидзе А. Е. Борьба большевиков Грузии против буржуазного национализма (1903—1917). Тб., 1968.

Эьентов Л. Иностранный капитал в нефтяной промышленности России 1874—1917 гг. М.—Л., 1925.

Эггерт З. К. Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны. (Авг. 1914 — окт. 1919). М., 1957.

Эггерт З. Захватнические планы Германии в годы первой мировой войны.— «Вопросы истории». 1946, № 11—12.

Эльчибекян А. М. Армения накануне Великого Октября. Ер., 1963.

Эльчибекян А. М. Установление Советской власти в Армении. Ер., 1954.

Эмиров Н. Установление Советской власти в Дагестане и борьба с германо-турецкими интервентами (1917—1919). М., 1949.

Эсаиашвили В. Г. В. И. Ленин и большевистские организации Грузии (1895—1924 гг.). Тб., 1959.

Эсаиашвили В. Г. Ленин и Грузия. Тб., 1970. Юст К. Анатолийская печать. Тифлис, 1922. Ященко А. Русские интересы в Малой Азии. М., 1916.

Abusch A. Der Irrweg einer Nation. Eine Beitragezum Verständnis deutscher Geschichte. B., 1960.

Ahmed Reşit Bey. Gördüklerim — yaptıklarım (1890—1922). İstanbul, 1945.

Allen W. E. D. and Muratoff P. Caucasian Battlefields; A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border 1828—1921. Cambridge, 1953.

Alaettin I. Türk meşhurları ansiklopedisi. Ankara, 1946.

Albertini L. The Origins of the War of 1914: 3 vol. L., N. Y., 1952— 1957.

Altdorffer H. Die Vorgänge in Georgien.— «Der Neue Orient». B. Bd 2, 1918, H. 8.

Anderle A. Die deutsche Rapallo-Politik. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1922—1929. B., 1962.

Anders K. Die ersten hundert Jahre. Zur Geschichte einer demokratische Partei. Hannover, 1963.

Armstrong H. C Unending Battle. L., 1934.

L'Attitude de la Géorgie.— «L'Asie Française». P., 1917, № 171.

Augstein R. Deutschlands Fahne auf dem Bosporus. Zur Fritz Fischers neuen Buch «Krieg der Illusionen».— «Der Spiegel». Hamburg, 1969. H. 48.

Die Auswirkungen der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution auf Deutschland. Hrsg. von L. Stern. Bd 1—4. B., 1959.

Backhaus W. Sind die Deutschen verrückt? Ein Psychogramm cer Nation und ihrer Katastrophen. B., 1968.

Balfour M. Der Keiser Wilhelm II und seine Zeit. B., 1967.

Bartel H. Die Reichseinigung 1871 in Deutschland — ihre Geschichte und ihre Folgen.— ZFG, Jg. XVII. 1969. H. 1/2.

Barth B. Die Innenpolitik des Reiches unter der Kanzlerschaft Bethmann — Holhveg. Kiel, 1950.

Basler W. Deutschlands Annexionspolitik in Polen und im Baltikum 1914—1918 (Veröffentlichungen des Instituts für Geschichte der Völker der UdSSR an der Martin Luther-Universität Halle — Wittenberg. Reihe B, 3. B., 1962.

Basler W. Deutschlands Kriegszielpolitik 1914—1918. Kiel, 1951.

Baudis D. Gesicht und Hintergrund der «Tradition». — «Jahrbuch für Wirtschaftagesichte», T. I. B., 1960.

Bauer O. Der Balkankrieg und die deutsche Weltpolitik. B., [б. г.].

Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918. Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien — München, Oldenburg, 1966.

Baumgart W. Die «geschäftliche Behandlung» des Berliner Ergänzungsvertags vom 27 August 1918. Eine Episode der deutschen Verfassungsgeschichte.— Historisches Jahrbuch, Jg 89, München, [1969], Half Bd I.

Baumgart W. Das «Kaspi-Unternehmen» — Grössenwahn Ludendorffs oder Routineplanung des deutschen Generalstabs? I T. Ein kritischer Rückblick auf die deutsche militärische Intervention in Kaukasus am Ende des Ersten Weltkriegs. 2. T. Dokumente...— «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». N. F. Bd 18, Wiesbaden, 1970.

Bayur Y. H. Türkiye devletinin dış siyasası. İstanbul, 1938.

Bayur Y. H. Türk inkılâbı tarihi. Cilt III, kısım 3. 1915—1917 vuruşmaları ve bunların siyasal tepkiler. Ankara, 1957.

Berkuk M. Büyük harpte (334) Şimali Kafkasyadaki faaliyetlerimiz ve 15 fırkanın hareketi ve muharebeleri. İstanbul, 1934.

Bechtel H. Wirtschaftsgesichte Deutschlands [3]. Im 19. und 20 Jahrhundert. München, 1956.

Becker C. Deutschland und der Islam. Stuttgart— B., 1914.

Becker C. H. Unser türkischer Bundesgenosse. B., 1916.

Bethmann-Hollweg Th. Betrachtungen zum Weltkriege. Tl. 2. B., 1924.

Bih1 W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. T. I. Wien, 1975.

Bih1 W. Das im Herbst 1914 geplante Schwarzmeer-Unternehmen der Mittelmächte.— Jahrbücher

für Geschichte Osteuropas. N. F. Wiesbaden, 1966. Bd 14.

Bittel K. Die Feinde der deutschen Nation. Eine historische Dokumentation über die Deutschlandpolitik der imperialistischen Westmächte von 1942— 1949. B” 1953.

Born K. E. Staat und Sozialpolitik seit Bismarcks Sturz. Ein Beitrag zur Geschichte der innenpolitischen Entwicklung des Deutschen Reiches 1890—1914. Wiesbaden, 1957.

Bradley J. Allied Intervention in Russia 1917—1920. L., 1968 Bradly L. F. N. Civil War in Russia, 1917—20. L., 1975.

[стр. 205]

Brandenburg E. Von Bismark zum Weltkrieg. Lpz., 1939.

BratterC. A. Die armenische Frage. B., 1915.

Braun Heinrich. Industrialisierung und Sozialpolitik in Deutschland. Köln — Berlin, 1956.

Breitenstein R. Der Hässliche Deutschen Wir in Spiegel der Welt. München, 1968.

Bryce V. The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire. 1915— 1916. L., 1916.

Buchan C A History of the War. L., 1916

Bühler I. Deutsche Geschichte vom Bismarck-Reich zum geteilten Deutchland. B., 1960.

Bülow B. Deutsche Politik. B., 1916.

Bünyan J. Intervention, Civil War and Communism in Russia, April-December 1918 Documents and Materials. Baltimore, 1936.

Cark I. Türk devleti hismetinde Ermeniler (1453—1953). İstanbul, 1953.

Cebesoy A. G. Millî mücadele hatıraları. İstanbul, 1953.

Chvostov V. M. Die neueste Geschichte des deutschen Imperialismus in der Westdeutschen Historiographie.— ZFG, Jg. XV, 1967, H. 4.

Cosack A Vokstum und Glaubensbekenntnis in Kaukasus.— «Der Neue Orient». N. F. Bd 3, B., 1918, № 4/5.

Davenport Brigg c. A History of the Great War, 1914. The Genesis of the War. June 1914 — August 1915. N. Y.—L., 1916.

Davison R. H. The Armenian Crisis, 1912—1914. N. Y., 1948 (American Historical Review. N. Y., 1948).

Deutschland im ersten Weltkrieg. Bd. I—III, B., 1969.

Dunsterville L. Ch. The Adventures of Dunsterforce. 1932.

Dunsterville L. Ch. Military Mission to North-West Persia. 1918.— «Journal of the Central Asian Society». L., 1921.

Esat Uras. Tarihte Ermeniler ve Ermeni meselesi. Ankara, 1950.

Emin A. Turkey in the World War. New Haven, 1930.

Eyck E. Das persönliche Regiment Wilhelms II. Politische Geschichte des deutschen Kaiserreiches von 1890 bis 1914. Erlenbach — Zürich, 1948.

Fischer Fr. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegsziel-politik des kaiserlichen Deutschland 1914—1918. Düsseldorf, 1961.

Fischer Fr. Krieg der Illusionen. Die deutsche Politik von 1911 bis 1914. Düsseldorf, 1969.

Fischer K. A. Die «Kaukasische Post». (Sammlung Georg Leibbrandt. Quellen und Materialien zur Erforschung des Deutschtums in Osteuropa). Bd. (10). Lpz. 1944.

Fischer S. M. The Middle East. N. Y., 1959.

Förster G.-O.-H., Schnitter H. Der preussisch-deutsche Generalstab 1870—1963. B.. 1964.

Gabrielian M. G. Armenia: a Martyr Nation. A Historical Sketch of the Armenian People from Traditional Times to the Present Tragic Days. N. Y., 1918.

Gahrke U. Persien in der deutschen Orientpolitik wäred des Ersten Weltkrieges. 1—2. Stuttgart, 1960.

Gatzke H. W. Zu den deutsch-russischen Beziehungen im Sommer 1918.—«Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte». H. 3, B” 1955.

Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. I—VIII. B.. 1966.

Gibbons H. D. The Red Rugs of Tarsus.— A Womans record of the Armenian Massacres. N. Y., 1917.

Goltz Fr. v. d. Freiher. Meine Entsendung nach Baku.— Zwischen Kaukasus und Sinai.— «Jahrbuch des Bundes der Asienkämpfer». 1923. Buch 3.

Gordon L. I. American Relations with Turkey 1830—1930. Philadelphia, 1931.

Grosser A. Deutschlandbilanz. München, 1970.

Grothe H. Deutschland, die Türkei und der Islam. Lpz., 1914.

Grothe H. Die asiatische Türkei und die deutschen Interessen. Halle, 1913.

[стр. 206]

Grothe H. Türkisch Asien und sein Wirtschaftswerte. Frankfurt-a.-M., 1916.

Gutsche W. Erst Europa — und dann die Welt. Probleme der Kriegszielpolitik des deutschen Imperialismus in ersten Weltkrieg.— ZFG, Jg. XII. 1964, H. 5.

Gutsche W. Die Entstehung des Kriegsausschusses der deutschen Industrie und seine Rolle zu Beginn des ersten Weltkrieges.— ZFG, Jg. XVIII, 1970, H. 7.

Guse F. Die Kämpfe des Weltkrieges an der Kaukasusfront vom Kriegsausbruch bis zum Frieden von Brest.— «Schweizerische Monatsschrift für Offiziere aller Waffen und Organ für Kriegswissenschaft». 1929, № 1.

Guse F. Die Kaukasusfront im Welkrieg bis zum Frieden von Brest. Lpz., 1940.

Güze F. Büyük harpte Kafkas cephesindeki muharebeler. İstanbul. 1931.

Haffener S. Die sieben Todsünden des Deutschen Reiches. Grundfehler deutscher Politik nach Bismark-damals und auch heute. Hamburg, 1965.

Hahn H. Batum.— «Der Neue Orient». Jg. 2. Bd. 3, 1918, H. 9.

Halide Edib. Memoirs of Halide Edib. L., 1926.

Halsey W. F r. History of the World War in the Near East. N. Y.. 1919.

Haselmayr F. Diplomatische Geschichte des Zweiten Reichs von 1871— 1918. Die Ära des Friedenskanzlers (1871—1890). Buch 2. Bismarcks Reichssuherung gegen Russland 1879—1884. Der Erwerd deutschen kolonial Besitzes (1884—1885). München, 1956.

Haselmayr F. Der Weg in die Katastrophe 1909—1914. Buch I. München, 1963.

Hecht R. Fragen zur Egänzung der gesamten bewaffneten Macht Österreich-Ungarns während des Ersten Weltkrieges. Wien, 1969.

Hellfferich K. Georg von Siemens. Ein Lebensbild aus Deutschlands grosser Zeit. Bd 1—3. B., 1921—1923.

Helfferich K. Die deutsche Türkenpolitik. B., 1921.

Helfferich K. Der Weltkrieg. Bd 1—3. B., 1919.

Hennig R. Die deutsche Bahnbauten in der Türkei, ihr politischer, militärischer und wirtschaftlicher Wert. Lpz., 1915.

Heusinger S. Befehl im Widerstreit. Tübingen, 1950.

Holdgetts E. A. Brayley. Round about Armenia. The Record of a Journey across the Balkans, through Turkey, the Caucasus and Persia. L.. 1916.

Hostler Ch. W. Turkism and the Soviets. L., 1957.

Hovannisian R. G. The Republic of Armenia 1918—19. Berkeley, 1972.

Howard Harry N. The Partition of Turkey. A Diplomatic History 1913—1923. Oklahoma, 1931.

Hubatsch W. Der Admiralstab und die obersten Marinebehörden in Deutschland. 1848—1945. Frankfurt-a.-M., 1958.

100 Jahre deutsche Geschichte. Hannover, 1971.

Ihsan S. A. Harp hatıralarım. 2-ci basılış. Cilt I. Birinci dünya harbinden evvelki hâdiseler-harbin zuhuru ve seferberlik ilânı. Harbe nasıl sürüklendik. İstanbul, 1943.

İzzet S. Büyük harpte (1334—1918) 15. piyade tümeninin Azerbaycan ve Şimalî Kafkasyadaki hareket ve muharebeleri. İstanbul, 1936.

Jäck E. Die deutsch-türkische Waffenbrüderschaft. Stuttgart, B., 1915.

Jäck E. Der Aufsteigende Halbmond. Auf dem Weg zum deutsche-türkischen Bündnis. B., 1915.

Jacobsen H. A. Misstrauische Nachbarn. Deutsche Ostpolitik 1919/1970. Dokumentation und Analyse. Düsseldorf, 1970.

Jantke C. Der vierte Stand. Freiburg, 1955.

Jäschke G. Der Turanismus der Jungtürken. Zur osmanischen Aussenpolitik im Weltkriege.—«Der Welt des Islams». B., 1941, B. 23. H 1/2.

Jäschke G. Die Republik Aserbeidschan. Geschichtskalender.— «Die Welt des Islams». B., 1941, B 23. H. 1/2.

Jäschke G. Entwurf zu einem Friedens- und Freundschaftsvertrag zwi-

[стр. 207]

sehen dem Osmanischen Reich und der Föderativen Transkaukasischen Republik.—«Die Welt des Islams. B., 1941, B. 23.

Jäschke G. Zwei Denkschriften von den Kaukasustürken von 1915.— «Die Welt des Islams». B., 1942, B. 24.

Jäschke G. Wann erschien das Gedicht «Turan» von Ziya Gökalp?— «Die Welt des Islams». B., 1942, B. 24.

Jäschke G. Die «Heeresgruppe Ost» im Jahre 1918,— «Die Welt des Islams». B., 1942, Bd. 24.

Jäschke G. Aserbeidschaner und Tataren.— Mitteilungen der Auslands-Hochschule an der Universität Berlin (früher Seminar für orientalische Sprachen). 1937. H. 2. Abt.: Westasiatische Studien.

Jäschke G. Die deutsch-georgischen Abkommen vom 28 Mai 1918 — «Die Welt des Islams». B. 1969. H. 12.

Jollivet G. Six mois de guerre. Août 1914—février 1915. P., 1915.

Junge R. Die deutsch-türkischen Wirtschaftsbeziehungen. Weimar 1916.

Kahn H. The Emerging Japanese Sunerstate, Challenge and Responce.

Karabekir Kâzım. Birinci Kafkas kolordusunun 1334 senesindeki hareketi ve meşhudatı hakkında general riyasetindeki Amerika heyetine takdim edilen rapor süreti. Erzurum, 1919.

Karabekir Kâzım. Cihan harbine neden girdik, nasıl girdik nasıl idare ettik? Kitap I—II. İstanbul, 1937—1938.

Karal E. Z. Türkiye Cümhuriyeti tarihi (1918—1953). İstanbul, 1958.

Kazara O. N. Georgia and Turkey: The Historical Background.—«Journal of the Royal Central Asian Society». 1947, № 34.

Kazemzadeh F. The Struggle for Transcaucasia (1917—1921) N Y., 1951.

Kehr E. Schlachtflottenbau und Parteipolitik 1894—1901. B., 1930 (Historische Studien H. 197).

Kenez P. Civil War in South Russia, 1918. The First Year of the Volunteer Armv. Berkeley a. o., 1971.

Kentmann P. Der Kaukasus. Hundertfünfzig Jahre russische Herrschaft. Leipzig, 1943.

Kessel E. Moltke. Stuttgart, 1957.

Kielmansegg P. Deutschland und der Erste Weltkrieg. Frankfurt-a.-M., 1968.

Klein F. Deutschland 1918. B., 1962.

Klein F. Die diplomatischen Beziehungen Deutschlands zur Sowjetunion 1917—1932. B., 1953.

Klein Z.. Gutsche W. und Petsold I. Deutschland im ersten Weltkrieg. 1—3. B., 1970—1971.

Kress v. Kressenstein. Fr. Achmed Djemal Pascha. Zwischen Kaukasus und Sinai- In: «Jahrbuch des Bundes der Asienkämnfer» 1923, № 3.

Der Krieg zur See 1914—1918. IV Lorey H. Der Krieg in den türkischen Gewässern. Die Mittelmeer-Division. B., 1929.

Kruck A. Geschichte des alldeutschen Verbandes, 1890—1939 Wiesbaden, 1954.

Krummacher Fua Krieg und Frieden. Geschichte der deutsche-sowjetischen Beziehungen. Von Brest-Litovsk zum Unternehmen Barbarossa. München. 1970.

Kuczynski Y. Studien zur Geschichte des deutschen Imperialismus. Bd I—II. B., 1948—1950.

Kuczynski Y. Die Geschichte der Lage der Arbeiter unter dem Kapitalismus. T. 1. Bd 7-a—7-b. Darstellund der Lage der Arbeiter in Westdeutschland seit 1945. B., 1963.

Kunke M. Die Kapitulationen der Türkei deren Aufhebung und die neuen deutsch-türkischen Rechtsverträge. München, 1918.

Kuran A.-B. İnkilâp tarihimiz ve Jön Türkler. İstanbul, 1945.

Kutay C. Atatürk — Enver paşa hadiseleri. İstanbul, 1956.

Kutay C. Talat Paşayı nasıl vurdular? İstanbul, 1956.

[стр. 208]

Lagutt J. K. Krieg um den Kaukasus. Zürich— N. Y., 1942.

Lang D. M. A Modern History of Georgia. L., 1962.

The Lansing Papers 1914—1920... Vol. 1—2. Wash., 1939—1940.

Larcher M. La guerre turque dans la guerre mondiale. P., 1926.

Leip H. Des Kaisers Reeder. Eine Albert Ballin-Biographie. München, 1956.

Lepsius J. Bericht über die Lage des armenischen Volkes in der Türkei. Potsdam, 1916.

Lepsius J. Der Todesgang des armenischen Volkes. Bericht über das Schicksal des armenischen Volkes in der Türkei während des Weltkrieges. Potsdam, 1919.

Lepsius J. Deutschland und Armenien 1914—1918. Potsdam, 1919.

Leverkuehn P. Posten auf ewiger Wache. Aus dem abenteuerlichen Leben des Max von Scheubner-Richter. Essen, 1938.

Lewis G. L. Turkey. N. Y., 1955.

Liszt F. v. Die völkerrechtliche Stellung der Republik Georgien. Ein Gutachten. Wien, 1918.

Lynn S. My Thirty Years in Turkey. New Hampshire, 1955.

Mandelstam A. Le sort de l'Empire Ottoman. P., 1917.

Die Manganerzförderung Georgiens.— «Der Neue Orient». F., B. Jg. 1, Bd. 2, 1918, H. 8.

Marriott J. A. The Eastern Question. A Historical Study in European Diplomacy. 4 ed. Oxford, 1951.

Markwart Y. Die Entstehung und Wiederherstellung der Armenischen Nation. B.— Schöneberg, 1919.

Martin B. G. German-Persian Diplomatic Relations. 1973—1912. Gravenhage. 1959.

Mears E. G. Modern Turkey. A Politico-Economic Interpretation 1908— 1923. N. Y., 1924.

Menne B. Krupp; Deutschlands Kanonenkönige. Zürich, 1937.

Miller W. The Ottoman Empire and Its Successors 1801—1922. Cambridge, 1923.

Mohr P. Der Kamf um deutsche Kulturarbeit im nahen Orient. B., 1915.

Mühlmann K. Oberste Heeresleitung und Balkan im Weltkrieg 1914— 1918. B., 1942.

Mühlmann C Das deutsch-türkische Waffenbündnis im Weltkrieg. Leipzig, 1940.

Mühlmann C Deutschland und die Türkei 1913—1914. B., 1929.

Müller R. Die wirtschaftliche Bedeutung der Bagdadbahn. Hamburg, 1917.

Munschi H. Die Republik Aserbeidschan. Eine geschichtliche und politische Skizze. B., 1930.

Nadolny R. Mein Beitrag. Wiesbaden, 1955.

Nairn Bey. The Memoirs of Nairn Bey. Turkish Official Documents Relating to the Deportations and Massacres of Armenians. L., 1920.

Naumann F. Mitteleuropa. B., 1915.

Novicev A. D. Die Beseitigung des Systems der Militärlehen im Osmanischen Reich. ZFG, Jg. XVII, 1969, H. 4.

Ozkaya I. C. Le Peuple Armenien et les tentatives de réduire le peuple Turc en servitude. İstanbul, 1971.

Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia. Vol. 1—3. Washington, 1931—1932.

Pears E. Forty Years in Constantinople. 1873—1915. L., 1916.

Petzold I. Ludendorff oder Kühlmann? Die Meinungsverschiedenheiten zwischen Oberster Heeresleitung und Reichsregierung zur Zeit der Friedensverhandlungen in Brest-Litowsk. ZFG, B. Jg. XII, 1964, H. 5.

Philips M. Where Russia and Turkey Meet in Eastern Anatolia, Kars and Ardahan.— «Manchester Guardian Weekly», 23, 30.X.1927.

Picker H. Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941—42. Bonn, 1951; Stuttgart, 1965.

[стр. 209]

Piepes R. The Formation of the Soviet Union Communismus and Nationalismus. 1917—1923. Massachusetts, 1954

Pietschmann V. Durch kurdische Berge und armenische Städte.— Tagebuch der österreichischen Armenienexpedition 1914 Wien, 1940.

Poidebard A. La lutte pour la route des Indes Notes de voyage de Paris à Tiflis par Bagdad. P., 1923.

Poidebard A. Le Transcaucase et la Republique d'Arménie dans les textes diplomatiques du traité de Brest-Litovsk au traité de Kars (1918—1921).— «Revue des études arméniennes», An IV, P., 1923, T. III; An Ц, 1924, T. IV, fasc. 1.

Radde G. Vier Vorträge über den Kaukasus in Petermanns Mitteilungen Gotha, 1874.

Rassow P. Die geschichtliche Einheit das Abendlandes. Köln-Graz, 1960.

Rathmann L. Berlin — Bagdad. Die imperialistische Nahostpolitik des kaiserlichen Deutschlands. B., 1962.

Rathmann L. Stossrichtung Nahost 1914—1918. Zur Expansionspolitik des deutschen Imperialismus im ersten Weltkrieg. B., 1963.

Rauch G. Geschichte des bolschewistschen Russland. Wiesbaden, 1965.

Rauschning H. Gespräche mit Hitler. Wien u. a. 1940, Wien, 1973.

Reimers J. Der Lahnsstaat in Georgien. Leipzig, 1914.

Reiners L. In Europa gehen die Lichter aus. Der Untergang des wilhelminischen Reiches. München, 1955.

Richter W. Bismark. Frankfurt-a.-M., 1962.

Ritter A. Berlin — Bagdad. Neue Ziele mitteleuropäischer Politik. München, 1916.

Ritter G. Lebendige Vergangenheit, Beiträge zur historisch-politischen Selbstbesinnung. München, 1958.

Riller G. Europa und die deutsche Frage. München, 1948.

Rosenfeld G. Sowjetrussland und Deutschland 1917—1922. B., 1960.

Roth A. Armenien und Deutschland. Lpz., 1915.

Rothfels H. Bismark, Osten und das Reich. Stuttgart, 1960.

Rüştü T. Büyük harpte Baku yollarında 5. Kafkas piyade fırkası. İstanbul, 1934.

SafrastianA. Kurds and Kurdistan. L., 1948.

Şakir Ziya. 1914—1918 Cihan harbini nasıl idare ettik. İstanbul, 1944.

Salahaddin. Kafkas cephesinde X K. O.-nun Büyük harbin iptidasından Sarıkamis muharebeleri nihayetine kadar hareketi. I kısım. İstanbul, 1931.

Schäfer C. Deutsch-türkische Freundschaft. Stuttgart — Berlin, 1914.

Schäfer C. Die Entwiklung der Bagdadbahnpolitik. Weimar, 1916.

Schäfer C. Ziele und Weg für die jungtürkische Wirtschaftspolitik. Karlsrue, 1913.

Schramek W. Die Bündnisverträge Deutschlands und Österreich-Ungarns mit Türkei während des Ersten Weltkrieges. Wien, 1965.

Schreiner A. Zur Geschichte der deutschen Aussenpolitik 1871—1945. Bd I. B., 1955.

Schüssler W. Die «Daily Telegraph» Affaire. Fürst Bülow, Kaiser Wilhelm und die Krise des Zweiter Reichs 1908. Göttingen, 1952.

Siemens G. Geschichte des Hauses Siemens. Freiburg — München, 1948-1952.

Sigler F. Die höheren Dienststellen der deutschen Wehrmacht. München, 1953.

Sira R. The Last of Dragomans. L., 1951.

Sonyel R. Yeni belgelerin ışığı altında Ermeni tehirleri — Armenian Deportations. A Reappraisal in the Light of New Documents.— «Belleten». Ciet XXXVI, № 141. Ankara, 1972.

Spector I. The Soviet Union and the Muslim World. 1917—1956. Wash., 1958.

Stadelmann R. Deutschland und Westeuropa. Die Epoche der deutsch-englische Flottenrivalität. Schloss etc., 1948.

[стр. 210]

Stagemann H. Kaiser Wilhelm II.— «Berliner Morgenpost». I.I.1959.

Stammfer E. Erfahrungen und Erkentnisse. Aufzeichnungen aus meinem Leben. Bielefeld, 1957.

Stern L. Der Antikommunismus — als politische Hauptdoktrin de; Imperialistischen westdeutschen Geschichtsschreibung und Publizistik. Theorie und Praxis der deutschen Imperialismus. Sonderland. Halle, 1963.

Stern L. Zur nationalen Grundkonzeption der deutschen Arbeiterklasse im Kampf um die Lösung der Lebensfragen der deutschen Nation. B., 1961.

Strühlmann F. Der Kampf um Arabien zwischen der Türkei und England. Hamburg— B., 1916.

Suny R. Gr. The Baku Commune 1917—1918. Class and Nationality in the Russian Revolution. Princeton. 1972.

Szeczinowski W. Die Organisation der Ostforschung in Westdeutschland. B., Jg 3, ZFG, 1955.

Tahsin Paşa. Abdul Hamid ve yıldız hatıraları. İstanbul, 1931.

Tahsin Una i. 1700 den 1958-e kadar Türk siyasi tarih. Ankara, 1958.

Talât Paşanın hatıraları. İstanbul, 1946.

Tarih. Cilt 3. İstanbul, 1935.

Toynbee A. Y. Armenian Atrocities. The Murder of a Nation. L., 1915.

Toynbee A. Y. Nationality and the War. L.— Toronto, 1915.

Toynbee A. J. Turkey: a Past and a Future. N. Y., 1917.

Toynbee A. J. The Murderous Tyranny of the Turks. L., 1917.

Toynbee A. J. Relations between Soviet Russia, the Transcaucasian Republics and Turkey from the Armistice of Mudros (30th October 1918) to the Treaty of Lausanne (24th July 1923).— Survey of International Affairs 1920— 1923.L., 1925.

Trumpener U. German Military Aid to Turkey in 1914: an Historical Re-evaluation.— «Journal of Modern History». 1960, № 32.

Trumpener U. Germany and the Ottoman Empire 1914—1918. Princeton, 1968.

Trumpener U. Turkey's Entry into World War I: An Assessment of Responsibilities.— «Journal of Modern History», 1962. № 34.

Tsilay I. 1914—1918. Cihan harbi ve sonu. İstanbul, 1939.

Türk tarih kurumu.— «Belleten». Cilt 25. Temmuz, 1961.

The Turko-Armenian Question. Constantinople, 1919.

Ullman R. Anglo-Soviet Relations, 1917—1921. Britain and the Russian Civil War. Vol. 192. Princeton, 1961—1968.

Vierbücher H. Was die Kaiserliche Regierung den deutschen Untertanen verschwiegen hat. Armenien 1915. Die Abschlachtung eines Kulturvolkes durch die Türken. Hamburg — Bergedorf, 1930.

Vogel W. Die orientalische Frage als geopolitisches Problem.— «Zeitschrift für Politik». B., 1926, Bd 14, H. 1.

Vorauer E. Völker, Sprachen und Rassen im Kaukasus.— «Zeitschrift für Politik». B., 1944, Bd. 34.

Wagner F. Moderne Geschichtsschreibung. B., 1960.

Warlimont W. Um Hauptquartier der deutschen Wehrmacht 1939—1945. Frankfurt-a.-M., 1965.

Weber A. Der Kampf zwischen Kapital und Arbeit. Gewerkschaften und Arbeitgeberverbände in Deutschland. Tübingen, 1954.

Werfel Fr. Die vierzig Tage des Musa-Dagh. B., 1955.

Werner E. Die Türkei am Vorabend des ersten Weltkrieges im Spannungsfeld der Gross mächte,—

ZFG. B., 1968, H. 12.

Werner E. Die Armeniengreuel 1915/16 — ein armenisches Greuelmärchen? — FTG, 1973, H. 2.

Winschuh I. Das neue Unternehmerbild. Grundzüge einer unternehmepolitik. Baden-Baden, 1954.

Woischnik B. Alfred Krupp. Meister des Stahl. Das Lebensbild des Grossen Deutschen. Bad Godesberg, 1957.

Zarnow G. Die Geburt der Weltkriege. Düsseldorf, 1957.

[стр. 211]

Zechlin E. Bismarck und die Grundlegung der deutschen Grossmacht Stuttgart, 1960.

Zeine N. Z. Arab-Turkish Relations and the Emergence of Arab Nationalism. B., 1958.

Zenkovsky S. A. Pan-turkism and Islam in Russia. Cambridge, 1960.

Zibura G. Die deutsche Frage in der öffentliche Meinung Frankreich von 1911—1914. B.— Dahlem, 1955.

Ziemkek. Die neue Türkei. Politische Entwicklung 1914—1929. Stuttgart, 1930.

Zmarzlik H.-H. Bethman Hollweg als Reichskanzler 1909—1914. Düsseldorf, 1957.

[стр. 212]

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

Абдул Гамид 15, 41—42

Авалишвили З. 103, 109

Агеев А. 37

Азизбеков М. 126

Александр III 110

Алексеев 149

Алексеев-Месхиев Ш. 89

Алескер, Кербалай 147

Алибеков, Салман 147

Алиев, Селим 147

Андерс, Эдгар 36, 38

Андерсон 94

Арам, Курт 44

Баденский, принц 160

Баратов 56, 58, 63

Бауер 160

Бернсторф 135

Бетман-Гольвег 73

Бисмарк 40—41

Бранденштейн, фон 114, 136

Бранденбургский, Адольф Фридрих 110

Брукс, Майкл 18

Вальдов, фон 119
Вангенгейм 43, 47, 49, 65—66, 72—73, 135
Варнеке 137
Вейкман 38
Веллер 142
Вестерхаген, Тило 121
Вештерн, фон 111
Вильгельм II 15, 46, 49, 110
Вильсон 160
Вольфске 105
Воронцов-Дашков 25, 38, 61

Габаев 56
Галоян Г. А. 9
Гегечкори Е. 89
Геник 56
Гентинг 33, 168
Гертлинг 158, 160
Гинденбург 88, 135, 166
Гирс 43
Гитлер А. 72, 169—170
Гольц, Фридрих фон дер 16, 131, 144, 158
Горбах, Пауль 44
Гроте 38
Гусейнзаде А. 37

Датский, Хенкель 110
Дельбрюк, Ганс 110
Деникин 149
Джапаридзе П. А. 8, 126
Джафаров М. 89
Джемаль-паша 48
Донской Д. 89 Дир 105

Екк 33, 168
Енукидзе Д. Е. 9

Ерусалимский А. С. 5

Завриев 44
Зевин 126

Изет-паша, Хасан 55

Кадишев А. Б. 9
Кайзер 94—95
Калитин 56
Карчикян Х. 89
Каутский 161
Келлинг, Пауль 64
Керелле, Георг 64
Керелле, Лео см. Кереселидзе Л.
Кереселидзе, Лео (Лео Керелле) 37, 63—66
Кинд 159—160
Киров С. М. 8
Корнилов 149
Корнштейн Е. Н. 9
Краснов 149
Кресс, Крессенштейн фон 105—106, 114, 117—119, 121, 123—125, 128— 129, 135—136, 142—144, 158—160
Кригер, Еган фон 104, 127

_____

* Именной и географический указатели составил В. Г. Воловников.

[стр. 213]

Крупп 113
Кучебах, Тучи 110
Кюльман, фон 109, 111, 135

Леверкюн 33, 168
Ленин В. И. 5—8, 11—12, 22, 28, 59, 88, 106, 125—126, 145, 150, 167
Лапсиус 44
Лианозов 31
Либкнехт К. 161
Лийб, фон 29
Лоссов, фон 103, 109—111, 114
Людендорф 88, 127, 130, 132—135, 157

Люксембург Р. 161

Майеркорт, фон 140
Мамонтов 149
Манташев 31
Маркварт 44
Маркс К. 20
Махарадзе Ф. 8
Мачабели, Георгий 37, 64, 66
Мей, Герман 94—96
Мелик-Асланов Х. 89
Меринг Ф. 161
Микоян, Анастас 162
Мозель, Лоис 64—66, 72
Мольтке 14
Моурбанд, Нестор 64
Мумм 119

Нариманов Н. 8
Неручев А. 89
Ниде, фон 104
Нидермайер 33, 168
Николадзе Н. 103
Никольсон, Артур 80
Нобель, братья 30—31
Нури-паша 126—127, 130, 147

Оганджанян А. 89
Оппенгейм 33, 168
Орджоникидзе Г. К. (Серго) 8, 145, 148, 162

Палеолог М. 83
Папен, фон 169
Пик В. 161
Пико, Жорж 80—81, 83
Пфицмайер, Евгений 94

Рамишвили Н. 106, 118

Раушнинг 170
Риббентроп 168
Рихтер, фон 94, 110
Розенберг 168—169
Романов Н. Н. 61, 86
Ромберг 63
Ротшильд 29, 31

Сайкс, Марк 80—81, 83
Сандерс, Лиман фон 16, 43, 50, 55, 72—73, 135
Саркисян Е. К. 9
Свербеев 44
Сект, фон 134
Сименс, Вернер фон 28—30
Сименс, Георг фон 29—30
Сименс, Петер фон 28
Сталин И. В. 8, 146
Сурате, Пьер 64
Сургуладзе А. Н. 9
Сушон 49—50

Талаат-паша 48, 68—69, 87
Тер-Газарян Г. 89
Тиссен, Фриц 31—32, 112—113, 159
Токаржевский Е. А. 9
Троцкий 92, 97—98

Фердинанд, болгарский царь 157
Фитцнер, Рудольф 110
Фишер Ф. 9—10
Франц Фердинанд 47

Хагелин 129
Хаки-паша, Исмаил 126
Халим, Саид 49
Хан-Хойский 89, 124, 137
Хей 107—108, 112—113, 138
Хентиг, фон 110

Церетели, Михаил 37, 64, 66
Цеткин К. 161
Циммерман 44
Цугмайер 105, 121
Цхакая М. 8, 162

Черкезишвили, Варлам 37
Чичерин Г. В. 148, 161
Чхенкели А. 86, 98, 100, 103, 109
Чхетия Ш. К. 9

Шаумян С. Г. 8, 125—126
Шейдеман 160
Шелендорф, Бронзарт фон 55—56
Шёне 95
Шмидт 94
Шойбнер 73
Штайнвах 94
Штанке 54—56, 65
Штейн, Людвиг 110
Штюбе, Рихард 110
Шуленбург, Фридрих фон 36—38, 66—67, 104, 106, 123, 127, 168

Энвер-паша 48—49, 51, 55—56, 62, 133, 135
Энгельс Ф. 11
Эссад-паша 135
[стр. 214]

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абхазия 36, 144
Аве 58
Австро-Венгрия 13—14, 30 42 52 54 59, 90, 128, 130, 136, 156—157
Адана, провинция 73
Аджарисцкали, р. 54
Аджария 36
Аджи-Кабул 125
Азапский 53

Азербайджан 7, 27, 29, 32—33, 37, 54, 59—63, 79, 88—89, 101—102 112 123—127, 129, 131, 133—134, 137, 145—146, 154—155, 157, 161, 164

Азербайджанская ССР 8

Азия 14, 21

Айнтаб, область 81

Акка 81

Акстафа 123, 125

Алаверди 19

Алашкерская долина 53, 58

Александрета 46

Александрополь (Ленинакан) 101 — 102, 133, 148

Али-Калиса 53

Алят 125

Америка 31

Амьен 157

Анаклия 144

Анатолия 14, 20, 39, 78—79, 127

Англия (Великобритания) 11, 13, 18, 20, 31, 41—43, 59, 68, 80—82, 124, 133—134, 156, 166—167, 169

Аншеронский п-ов 30

Аравия 157

Аракс 53

Ардаган 54—56, 79, 98—99, 130, 133, 152, 154

Ардануч 54

Арди 53

Ардос 53

Армения 7, 27—29, 32—33, 37, 54, 59— 63, 79, 88—89, 101—102, 112, 123 127, 129, 131, 133—134, 137, 145— 146, 154—155, 157, 161, 162, 164

Армения Западная (Турецкая) 39, 42—45, 79, 82, 150—151

Армяно-татарский кантон 66

Армянская ССР 8

Артвин 19, 54

Артуа 57

Архангельск 54

Афганистан 57, 136

Африка 14

Ахалсенаки (М. Цхакая) 105, 144

Ахалкалаки 54

Ахалкалакский уезд 102

Ахалсенакский уезд 143

Ахалцихе 56, 99

Байбурт 77—78, 98

Баку 20—21, 30—31, 58, 60, 88, 97, 112, 123—132, 136—138, 145—146, 153—154, 157, 163

Бардус, перевал 56

Батуми (Батум) 20—21, 28, 38, 54,79, 96, 99—100, 102—103, 105, 123, 129—130, 133—134, 137—139, 152—154

Баязетская долина 53

Бейрут 80

Белоруссия 92—93

Берлин 16, 26, 29—30, 36, 63—64, 66, 74, 80, 94, 96—97, 103, 107, 109—110, 115, 118—124, 127, 129, 137, 142,153, 155, 159, 169

Берн 63, 95

Битлис 77

Битлисские проходы 82

Ближний Восток 6, 8—9, 13—16, 20, 23, 33—35, 40, 43, 46, 49, 75, 79, 151, 157, 163, 169

Болгария 57, 90, 130, 135, 156—157

Боржоми 99

Борчалинский уезд 143

Борчало (Марнеули) 105

Борчха 54

Босфор 46, 52

Брест-Литовск 89—92, 97—98, 130, 132, 134, 162

Брэиль 95, 127

Бухара 21

Ван 41, 54,70

Ван, оз. 57, 84

Веймар 7

[стр. 215]

Вена 36, 64

Венгрия 157

Верден 75—76

Виллер-Котрэ 157

Владивосток 149

Владикавказ 143

Волга 149

Вольмар 92

Воронеж 93

Восточная Пруссия 50

Восточно-грузинское царство 22

Галиция 50, 57, 59

Гамбург 31

Гапсаль 92

ГДР 3. 7, 9, 131

Германия (Германская империя) 3— 16, 18, 20, 30—52, 54, 59, 62—68, 72—75, 84, 87, 90—97, 100—107, 109—115, 118—142, 152—162, 164— 170

Голландия 13

Гори 105

Гот 7

Грузинская республика 106, 122

Грузинская ССР 8

Грузия 7, 21, 25, 28, 33, 36—37, 49, 59—62, 66—67, 79, 87—89, 94—95, 101 — 123, 125. 127—128. 131, 134— 136. 139, 142—145, 155, 158—162, 164

Гюмушане 78, 98

Гянджа 123, 125—126

Гянджинский уезд 146

Дания 13, 94

Дарданеллы 49, 52, 57, 78

Двинск 75, 92

Джульфа 125, 133, 138

Дзандзул 19

Дзегам 146

Диарбекир 41, 77, 81

Дилижан 125

Долляр 146

Дон 149

Дрезден 7

Душетский уезд 143—144

Европа 3, 11—14, 20—21, 31, 32, 41, 47, 49—50, 52, 59, 63, 167, 169—170

Египет 169

Елены Св., о-в 46

Елизаветпольская губерния 21

Ереван 148

Женева 64

Зайтун 70

Закавказская республика 96—99, 102, 112, 151

Закавказская федерация 153, 170

Закавказье 5—10, 14, 16—40, 43, 48— 52, 54—55, 58—68, 73, 75, 78—79, 83—91, 93—98, 100—102, 104, 106, 110, 112—113, 116, 122—124, 127— 128, 130—143, 145—147, 149—150, 152—155, 158—165, 168—170

Закаспий 94—96

Закаталинский уезд 147

Западный Берлин 3

Зекарский перевал 100

Зугдиди 144

Зугдидский уезд 143

Ид 53

Ил 77

Индия 13

Ирак 77, 81

Иран (Персия) 20—22, 34—35, 52, 54, 57—58, 63, 94, 101, 123, 133—136, 169

Испир 77

Италия 42

Кавказ 7, 9, 13, 21, 25, 27, 29, 31, 36, 38, 45, 49, 51, 61, 66—67, 77, 80, 82, 86, 93, 100, 106, 109—112, 124—125, 127—128, 133, 135—136, 138—140, 148—152, 155, 159, 162, 168—170

Кавказ Северный 7, 90, 103, 149, 163

Кадабек 19

Казах 123, 125

Казахский уезд 146—147

Казвин 58

Карабах 147

Кара-Дере, р. 77

Каракёсе 100

Караклик (Кировакан) 101—102, 148

Карасу 125

Карс 20, 50, 53, 56, 79, 99, 130, 133, 152, 154

Каспийское море (Каспий) 20, 30, 35 96, 111

Кенигсберг 65

Керманшах 77
Кессари 82
Киев 93, 119
Киликия 81, 157
Константинополь см. Стамбул
Констанца 103
Крым 93, 100, 162
Ктезифон 57
Кум 58
Кура 29
Кутаиси 29, 105, 142—143
Кутаисская губерния 60
Кюрдамир 125, 137

Лазистан 64, 77—79, 82 Латвия 57, 93
[стр. 216]
Лечхуми 144
Лечхумский уезд 143
Ливан 81
Ливия 49
Литва 57, 93, 162
Лифляндия 162
Лондон 80—81
Лотарингия 13

Макдебург 7
Максила 77
Малая Азия 82
Мамсрут ул-Азиз, провинция 74
Мардин, область 81
Марна 50, 156—157
Марокко 49
Маслагет 53
Мекленбург 7
Мекленбург-Шверинское герцогство 114, 136
Месопотамия 46, 57—58, 70, 77, 133—135, 140, 157, 163
Мессина 46
Мингрелия 143—144

Минск 92
Михор 78
Москва 21, 36, 92, 110, 169
Мосульская область 81
Мраморное море 78
Муганская степь 21
Мурманск 149

Нарва 92
Нарочь, оз. 75
Нахичеванский уезд 102
Николаев 93
Новороссийск 51
Нуайон 156

Огнот 78
Одесса 51
Олту 53, 56
Осетия 144
Очамчире 105, 144

Падуя 157
Палестина 81, 133, 140
Пантийский Тавр 77—78
Париж 80—81
Пассинская долина 53
Персидский залив 13, 163, 169
Персия см. Иран
Петербург (Петроград) 61, 80—81, 92
Пикардия 156
Платан 77
ПНР 3
Полтава 93
Польша 57, 61, 155, 162
Поти 20, 29, 38, 100, 103—105 113— 114, 117—118, 138, 143—144, 162
[стр. 217]
Прибалтика 8, 91—92, 155
Приволжье 20

Причерноморье 7

Пруссия 11, 14, 16

Реймс 156

Ризе 77

Ровно 92

Россия (Российская империя) 13, 17— 23, 25—29, 31, 33—35, 38, 40—45, 47—52, 55, 57—60, 62—64, 67—69, 72, 75, 80—94, 96—97, 100, 105, 111 — 112, 120, 122, 130, 139, 145, 148, 151, 154, 158, 161—165, 167

Россия Советская 89—93,97—101,111, 115, 122, 125—127, 129—131, 139, 144—145, 149—150, 152—153, 161

Ростов-на-Дону 92—93

Ростовская область 93

Румыния 95, 130, 136

Рустави 29

Саксонское королевство 136

Салоники 157

Сальяны 125

Самтредиа 103, 105

Самурзаканский уезд 143

Сараево 47

Сардарабад (Октомберян) 148

Сарыкамыш 55—56

Сасун 41

Сачхере 32, 113, 144

Себастия, провинция 74

Севастополь 51, 82, 95

Севе 58

Северный Евфрат, р. 78

Сибирь 149

Сивас 41, 82

Синоп 82

Сирия 81, 157

Сомма, р. 76

Спа 132

Средний Восток 20, 23, 34—35, 58, 68, 163, 169

Средняя Азия 20

СССР 3—4, 6, 165, 167—169

Стамбул (Константинополь) 14, 20, 36—37, 41, 47—49, 51, 56, 59, 64—65, 72—73, 80, 82, 87, 101, 122, 126, 135, 139—140, 154

Стокгольм 67, 94

Сухуми (Сухум) 21, 38

США 18, 89—90, 156, 160, 166—167

Тауз 146

Тафта 76

Тбилиси (Тифлис) 22, 29, 34, 38, 58, 60—61, 66, 89,: 94—95, 100, 103, 105— 107, 111—112, 115, 121—122, 124—125, 127, 129, 133, 136—137, 143, 158—159, 170

Тебриз (Тавриз) 34, 79, 133, 135, 138

Тегеран 58

Тетри-Цкаро 105

Тифлис см. Тбилиси Тифлисская губерния 21, 60

Ткибули 117

Трансиордания 81

Трапезунд, провинция 74, 98

Трапезунд (Трабзон) 20, 41, 77, 99, 152

Туркестан 21, 136

Турция (Османская, Оттоманская империя) 9, 14—16, 20—23, 35—54, 56, 59—69, 71—85, 87, 90, 98—101, 107, 123—124, 126, 128—141, 151—157, 169

Украина 13, 20, 91—93, 97, 100, 103, 118—119, 127, 155

Урмийский округ 82

Урмия, оз. 57

Урф 41, 81

Федерация горских народов 66

Феодосия 51

Финляндия 61, 162

Франция 11, 13—14, 18, 20, 41—43, 59, 64, 80—83. 89, 156, 167

ФРГ 3—4, 75

Хайфа 81

Хаккяри, область 81

Хамадан 58

Харпут 82

Харьков 93

Хоп 54, 56

Хорасан 53

Чатахи 29
Черное море 18, 20, 35, 51, 66, 82, 84, 111
Черноморские проливы см. Босфор, см. Дарданеллы
Черноморское побережье 21, 51, 95
Чехословакия 157
Чиатура 31, 113, 117
Чорохское ущелье 54

Шампань 57
Шаруро-Даралагязский уезд 102
Шато-Тьерри 156
Швейцария 13, 63, 95
Швеция 94
Шемаха 125
Шоропанский уезд 143
Шоропань 113
Шуша 125

Эльзас 13
Эна 157
Энзели 58
Эрзерум 20, 41, 50, 53, 70 73, 76-78, 98
Эрзинджан 78, 90, 93, 98, 132
Эриванская губерния 148
Эриванский уезд 102
Эстляндия 162
Эчмиадзинский уезд 102
[стр. 218]

SUMMARY

G. V. Pipiya

The Policy of Kaiser's Germany in the Caucasus in 1910—1918

On the basis of a great number of sources, some of which have not been published, the author convincingly shows that the fight carried on by Kaiser's Germany for her domination in the Caucasus on the eve of and during World War I was a concrete and obvious manifestation of her predatory aspirations in the Near East. The most characteristic features of the adventurous and predatory nature of German imperialism were reflected in this fight.

The author elucidates the formation of plans by German imperialism in respect of the Caucasian territory the economic, political and strategic significance of the territory and its status in the Russian Empire. He also describes discusses the penetration of foreign capital into the Caucasian territory as well as the subversive activity of German imperialism in the years before World War I. The book describes the failure of the German-turkish schemes for staging an anti-Russian uprising in the Caucasus; the defeat of the Allies at the Caucasian front; the role of German imperialism in carrying out the genocide policy towards the Armenian people in the Ottoman Empire, the situation in the Caucasus after the Great October Socialist Revolution; the preparation and entry of the German troops into the Caucasian territory in 1918.

Considerable attention is paid to exposure of the antinational nature of the external policy of the bourgeois-nationalistic governments of the Caucasian Republics which contributed to the German-Turkish intervention aimed at the prevention of Soviet power in the territory. The book analyses the enslaving treaties concluded by the menshevik Turkey with Germany, the activities of the occupation administration in Georgia, as well as the steps taken by the German imperialists to prepare the seizure of the remaining parts of the Caucasus.

The inevitable crisis of the policy of German imperialism in the Caucasus, the final failure of the expansionist plans of Kai-

[стр. 219]

ser's Germany and the withdrawal of her troops for Georgia are considered in close connection with the revolutionary and liberation movement of the local workers and the fraternal help which Soviet Russia gave them.

[стр. 220]

Pipija G. W.

DIE POLITIK DES KAISERLICHEN DEUTSCHLAND IN TRANSKAUKASIEN (1910—1918)

An Hand der zahlreichen Quellen, ein Teil von denen früher nicht veröffentlicht wurde, zeigt der Autor überzeugend, daß der Kampf, der vom kaiserlichen Deutschland kurz vor dem ersten Weltkrieg und während des ersten Weltkrieges für die Herrschaft in Transkaukasien geführt wurde, einer der Äußerungen seiner räuberischen Bestrebungen im Nahen Osten war. In diesem Kampf widerspiegelten sich alle typischen Besonderheiten des abenteuerischen räuberischen Charakters des deutschen Imperialismus.

Der Autor erläutert die Gestaltung der Pläne des deutschen Imperialismus in Bezug auf Transkaukasien, die ökonomische und politisch — strategische Bedeutung dieses Landes, seine Lage im Bestände des russischen Reichs, sowie das Eindringen des ausländischen Kapitals in Transkaukasien und die Zersetzungstätigkeit des deutschen Imperialismus in den Jahren vor dem ersten Weltkrieg.

Ausführlich wird über den Zusammenbruch der deutschtürkischen Pläne der Organisation einer antirussischen Aktion in Transkaukasien berichtet, über die militärische Niederlage der Verbündeten an der kaukasischen Front, über die Rolle des deutschen Imperialismus in der Verwirklichung der Genozid — Politik der Armenier im osmanischen Reich, über die Lage in Transkaukasien nach der Großen sozialistischen Oktober revolution, über die Vorbereitung und den Einzug der deutschen Truppen in Transkaukasien 1918.

Eine bedeutende Aufmerksamkeit wird der Entlarvung des volksfeindlichen Charakters der Außenpolitik der bürgerlich-nationalistischen Regierungen der transkaukasischen Republiken dewidmet, die die Verwirklichung der deutsch — türkischen Intervention mit dem Ziel durchsetzen wollten, die Errichtung der Sowjetmacht in diesem Land nicht zu zulassen.

Im Buch werden die unterjochenden Bedingungen der die von der menschevistischen Türkei mit kaiserlichen Deutschland abgeschlossenen Vertrag analysiert, sowie die Tätigkeit der Besatzungsmacht in Grusien, Maßnahmen der deutschen Imperialisten für die Vorbereitung der

Okkupation der weiteren Teilen Transkaukasiens.

[стр. 221]

Im engen Zusammenhang mit dem revolutionären Befreiungskampf der Werktätigen Transkaukasiens und brüderliche Hilfeleistung seitens der Sowjetrußlands wird die unabwendbare Krise der Politik des deutschen Imperialismus in Transkaukasien behandelt de entgültigen Zusammenbruch der Eroberungsplane des kaiserlichen Deutschland und die Umstände des Abzuges seiner Truppen aus Grusien.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Глава I. Место Закавказья в империалистической политике кайзеровской Германии 11

- У истоков восточной политики Германии 11
- Экономическое и политико-стратегическое значение Закавказья . 17
- Положение Закавказья в составе Российской империи 22
- Проникновение немецкого капитала в экономику Закавказья 28
- Разведывательно-подрывная деятельность германского империализма в Закавказье 33
- Отношение кайзеровской Германии к армянскому вопросу 39

Глава II. Борьба за Закавказье в годы первой мировой войны 46

- Заключение германо-турецкого военного союза. Открытие Кавказского фронта 46
- Начало военных действий на Кавказском фронте. Провал германо-турецкого плана вторжения в Закавказье 52
- Провал германо-турецких планов организации антирусских выступлений в Закавказье 59
- Германский империализм и геноцид армян в Османской империи .. 67
- Поражение турецких войск на Кавказском фронте 75

Глава III. Германо-турецкая интервенция в Закавказье. Занятие Грузии германскими войсками .....

84

- Военно-политическая обстановка в Закавказье к концу 1917 г. ... 84
- Агрессия кайзеровской Германии против Советской Республики .. 84
- Подготовка к захвату Закавказья 90
- Вторжение турок в Закавказье. Распад Закавказской республик .. 96
- Оккупация Грузии немецкими войсками 102

Глава IV. Господство германских империалистов в Грузин 109

- Заключение с Грузией новых кабальных договоров 109
- Установление колониального гнета 116
- Подготовка к захвату Азербайджана 123
- Германо-турецкое соперничество в Закавказье в 1918 г. 131

Глава V. Провал империалистической политики кайзеровской Германии в Закавказье 142

- Революционно-освободительная борьба в Закавказье в период германо- турецкой оккупации 142
- Советская Республика в борьбе против германо-турецкой интервенции в Закавказье 149

Ухудшение положения Германии. Уход немецких войск из Грузии . 155
[стр. 223]
Заключение 163
Примечания 171
Библиография 189
Указатель имен 212
Указатель географических названий 214
Резюме 218
[стр. 224]

Георгий Владимирович Пипия

**ГЕРМАНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ
В ЗАКАВКАЗЬЕ
в 1910—1918 гг.**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор В. Л. Резников
Младший редактор Л. А. Добродеева
Художник М. Р. Ибрагимов
Художественный редактор И. Р. Бескин
Технический редактор Л. Е. Синенко
Корректор Л. М. Кольцина

ИБ № 13388

Сдано в набор 25/XI 1977 г.
Подписано к печати 5/V 1978 г. А-06451.
Формат 60X901/16. Бум. № 1. Печ. л. 14.
Уч.-изд. л. 16,18. Тираж 2000 экз.
Изд. № 4196. Зак. № 860. Цена 2 р. 70 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28